

Первый хлеб. В нем немалый труд демобилизованного танкиста, тракториста совхоза «Газырский», Краснодарского края, В. Залесного и весовщицы А. Кривоконьевой.
Фото В. Тарасевича.

ОГОНЁК

№ 31 ИЮЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СВОБОДУ

И НЕЗАВИСИМОСТЬ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

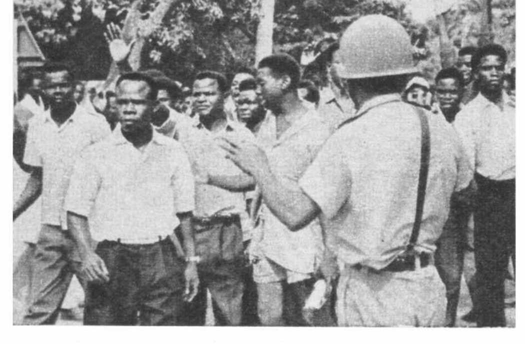

№ 31 (1728)

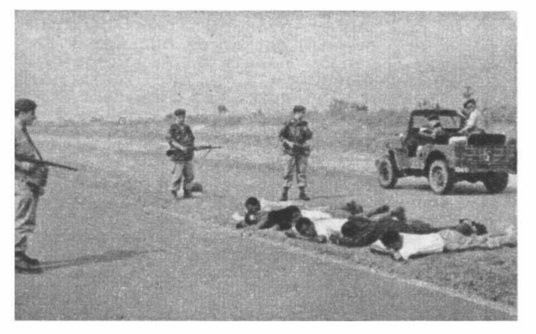
31 ИЮЛЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«Вон колонизаторов из Конго!» — таков единодушный клич конголезского народа.

Бельгийские парашютисты орудуют в Конго по всем правилам колониальных карательных экспедиций.

В стране, только что отпраздновавшей независимость, бельгийские оккупанты пытаются возродить режим террора.

Нечистая совесть гонит колониальных грабителей из страны. На дороге, ведущей из Конго в Родезию.

Солдаты войск республики Ганы высаживаются на аэродроме у Леопольдвиля из самолета «ИЛ-18», предоставленного Советским Союзом для их перевозки.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

Судно «Лениногорск» доставит свободолюбивому народу Конго дар советского народа — пшеницу и продовольствие.

Фото Риммы Лихач.

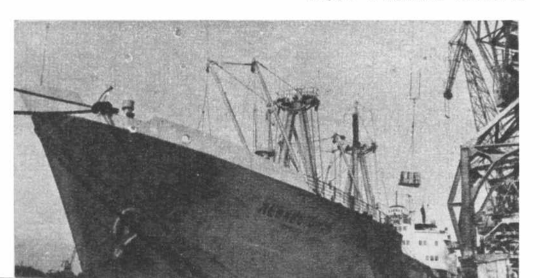

Фото В. Тарасевича.

ВИДЫ НА УРОЖАЙ? ХОРОШИЕ

— Каковы виды на урожай?

С таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился к заместителю начальника Главной инспекции по земледелию Министерства сельского хозяйства СССР П. А. Забазному.

— Виды хорошие,— последовал ответ.— Все благоприятствует этому. Жаркая, сухая погода, позволяющая комбайнам работать круглые сутки, высококачественные семена, отличный уход за посевами, предшествовавший жатве, и, главное, огромный энтузиазм механизаторов, которые заботятся уже сегодня о том, чтобы к концу семилетия производство зерна в год у нас достигло 10—11 миллиардов пудов.

Взгляните на синие и зеленые кружочки, нанесенные на карту СССР. Известно ли вам, что двумя этими цветами и обозначаются отличные и хорошие виды на урожай? А вы уже, наверное, заметили, что именно эти два цвета здесь преобладают.

Но, говоря об особенностях жатвы нынешнего года, нельзя обойти молчанием весенние дни и ночи, принесшие огромные огорчения колхозникам Украины, Северного Кавказа, Центральной черноземной зоны. Черные бури уничтожили посевы на больших массивах. Нетрудно представить себе, каким бедствием это обернулось бы в единоличном хозяйстве. Но в данном случае против стихийных сил природы встал коллективный, организованный разум. Посевные площади в стране не только не сократились, но увеличились почти на 7 миллионов гектаров. Уже сейчас с тех самых земель, по которым так беспощадно гуляла весенняя буря, снят прекрасный урожай. На Кубани, в Ставрополье, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии средний урожай зерна на всей площади составляет от 17 до 23 центнеров с гектара, а на Украине и в Молдавии — от 15 до 17 центнеров. Лишь концентрированная энергия целого народа могла привести к таким переменам.

Более полумиллиона комбайнов участвует в этом году в жатве.

Можно смело утверждать, что уже в урожае нынешнего года заложен фундамент производства 10—11 миллиардов пудов зерна, которые мы будем получать к концу семилетия. Приняты меры к тому, чтобы пшеницу размещать в наиболее благоприятных для ее возделывания зонах. Резко расширены посевные площади кукурузы. Ее посевы уже достигают 28 миллионов гектаров. Это в восемь раз больше, чем в 1953 году. В битве за большой урожай принимают деятельное участие видные ученые. Пшеница селекции академиков Лукьяненко и Кириченко, подсолнечник селекции академика Пустовойта, новые гибриды и сорта кукурузы, сахарной свеклы, выведенные нашими учеными, завоевывают огромные посевные массивы.

Фронт жатвы продвигается на север и на восток. На карте Советского Союза появляются новые гроздья синих и зеленых кружочков — предвестников отличных и хороших урожаев 1960 года.

День за днем

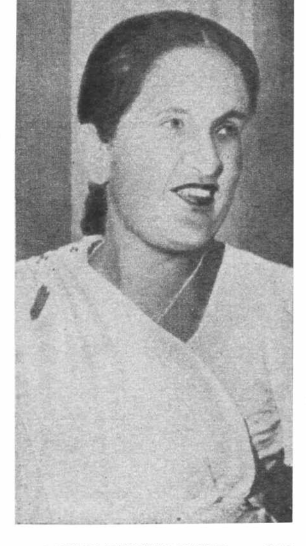
СЕГОДНЯ ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР. Весь наш народ вместе с моряками отмечает этот праздник.

Фото А. Морозова.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГЛОБУС — эту Большую премию XII Международного кинофестиваля в Карловых Варах — получил советский фильм «Сережа». Он поставлен молодыми режиссерами Г. Данелия и И. Таланкиным по одноименной повести Веры Пановой.

Сергей Бондарчук со своими партнершами. С Ириной Скобцевой он снимался в фильме «Сережа», с Джиованной Ралли — в итальянской кинокартине «Над Римом была ночь».

НА МАРКАХ — ПЯТЬ КОЛЕЦ. Министерство связи СССР посвятило красочную серию из десяти почтовых марок предстоящей летней Олимпиаде в Риме. Марки выполнены по рисункам художников Завьяловых: отца, Василия Завьялова, и сына Александра.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СИЛЫ ЦЕЙЛОНА ОДЕРЖАЛИ ВАЖНУЮ ПОБЕДУ: в результате парламентских выборов 20 июля к власти пришел блок демократических партий. Главой нового правительства стала известная общественная деятельница страны Сиримаво Бандаранаике — вдова бывшего премьер-министра Соломона Бандаранаике, зверски убитого в сентябре 1959 года.

Сиримаво Бандаранаике, первая в мире женщина премьер-министр, заявила, что возглавляемое ею правительство будет проводить политику нейтралитета, отвечающую интересам народа.

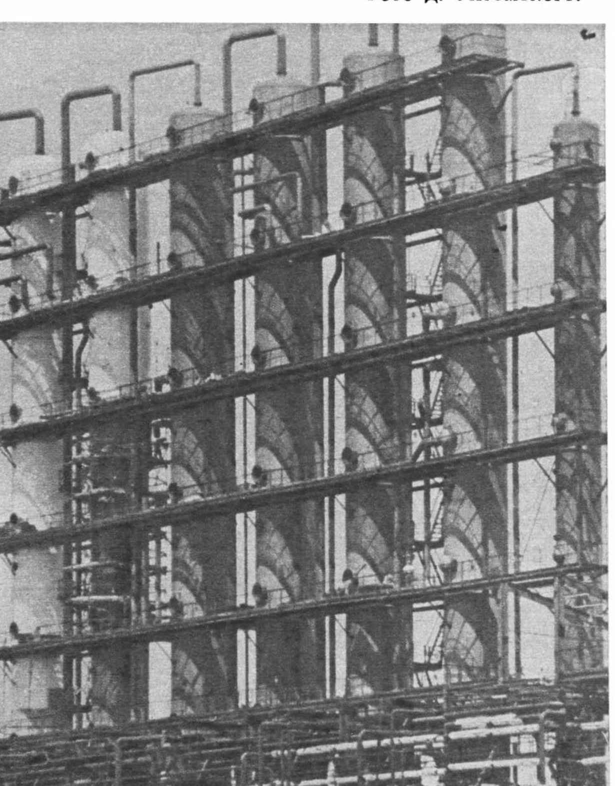
Фото Ассошиэйтед Пресс.

СОВЕТСКИЙ ГРОССМЕЙСТЕР В. КОРЧНОЙ добился нового большого успеха. Он разделил первое и второе места с американским гроссмейстером С. Решевским на международном шахматном турнире в Аргентине.

Фото В. Галактионова.

НА ОМСКОМ ЗАВОДЕ СИНТЕТИЧЕСКОГО КАУЧУКА — одном из крупнейших в стране — заканчивается монтаж нового цеха.

Фото Д. Ухтомского.

ГАСТРОЛИ КРАКОВСКОГО ТЕАТРА прошли в Москве с большим успехом.

Сцена из спектакля по пьесе А. Гжимала-Седлецки «Его величество король на привале».

Фото И. Астрова.

КОГДА

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

Восемь лет назад «Огонек» опубликовал наш репортаж «На вертолете». Это был полный восторгов рассказ о первом полете журналистов на необычайном в ту пору летательном аппарате без крыльев. «МИ-1» — вертолет конструкции М. Л. Миля — стартовал с Центрального аэродрома имени М. В. Фрунзе. Пилотируемый летчиком Анатолием Кривошей, он вертикально поднялся с летного поля и совершил полет.

Теперь, когда винтокрылые машины привычно работают на пассажирских и грузовых линиях Аэрофлота, можно только с улыбкой перечитывать свой старый репортаж. А ведь волнения и восторги от острых ощущений необычайного полета были тогда совершенно искренними; мы были захвачены всем увиденным и пережитым. И как мы мечтали тогда! Репортаж заканчивался «взглядом в будущее» — мы представляли себе день, когда винтокрылые машины будут работать в геологических партиях, тушить лесные пожары, перевозить пассажиров, спасать больных.

Наши мечты казались в ту пору до дерзости смелыми.

Примечательна черта нашего времени: то, что кажется нам сегодня фантастикой, завтра становится повседневным явлением. На том же самом месте, где восемь лет назад стартовал «наш» вертолет, где пылко мечтали мы с летчиками о будущем винтокрылых машин, там ныне открыта центральная вертолетная станция Аэрофлота СССР.

И вот мы снова вдвоем выходим на знакомое нам летное поле Центрального аэродрома имени М. В. Фрунзе. На залитом асфальтом перроне белым очерчены пронумерованные огромные круги — 1, 2, 3, 4, 5... В центре каждого круга стоит окрашенный в белый цвет большой вертолет «МИ-4». У самого входа на перрон — автобус, на стенах которого написано: «Вертолетная станция». Из автобуса выходят пассажиры, их встречают одетые в форму гражданского воздушного флота девушки — дежурные по вертолетной станции. Диспетчеры объявляют по радио о рейсах вертолетов; носильщики везут на тележках багаж; провожающие обнимают отлетающих родных и близких — в общем, полная картина большого вокзала.

За минувшие восемь лет автору этих строк привелось много раз пользоваться вертолетами: летал на них над ледниками Антарктиды и торосами Арктики, пробирался к геологам в тайгу и горы, взлетал с палубы корабля, опускался в центре совхозной усадьбы на целине. Пришлось летать и на гигантском вертолете «ЯК-24» конструкции А. С. Яковлева, и на «МИ-4», и на крошечном «Москвиче» конструкции М. Л. Миля. Но за все это время винтокрылая авиация не производила на меня столь ошеломляющего впечатления, как сейчас, вот здесь, на вертолетной станции.

Прежде всего захватывает массовость и регулярность вертолетных перевозок: ты видишь комфортабельные «воздушные автобусы», которые с точностью до минуты курсируют по линии Ленинградский проспект — аэропорт Шереметьево. Скоро такие же «воздушные автобусы» устремятся и во Внуково, а затем они будут со-

ОТСТАЕТ МЕЧТА...

вершать рейсы в некоторые города Московской области. Вертолетная авиация прочно вошла в жизнь страны, стала необходимой в народном хозяйстве.

В прошлом году Никита Сергеевич Хрущев совершил полет на вертолете из Внукова прямо в Кремль. Летчик Н. В. Лешин, пилотировавший машину «МИ-4», вспоминает, как Никита Сергеевич внимательно следил за полетом и говорил о необходимости широко развивать вертолетную авиацию.

Далеко шагнуло советское вертолетостроение. Создаются новые типы винтокрылых машин, прокладываются вертолетные линии. Уже действует пассажирская вертолетная линия в Крыму. Всего в Советском Союзе в ближайшем будущем откроется 200 вертолетных линий.

Но пройдем с пассажирами к «воздушному автобусу» и поднимемся в его комфортабельную кабину. Здесь светло, удобно, просторно. Стюардесса рассказывает пассажирам о предстоящем полете, предлагает леденцы. Недавно демобилизованный из Советской Армии Василий Михайлович Александров, командир вертолета, вертикально поднимает машину, разворачивает ее в воздухе, и мы летим над широким Ленинградским проспектом, над садами и бесконечными строительными площадками. Под нами открывается панорама Химкинского водохранилища. Внизу сверкают иллюминаторами белопалубные красавцы — речные корабли. И вот Шереметьево. Тут ждут пассажиров воздушные гиганты «ТУ-104» и «ИЛ-18».

Александров мягко, как в лифте, опускает машину, и она останавливается на перроне. Полет из Москвы занял всего 12 минут!

Так, строго по расписанию, минута в минуту, летят с утра до ночи из Москвы в Шереметьево белые «воздушные автобусы». Их много, и рейсы их кажутся беспрерывными.

Совершив полет в Шереметьево, мы возвращаемся на вертолетную станцию. Здесь все та же неумолчная вокзальная суета.

О чем же помечтать сейчас? Ведь все то, что казалось нам восемь лет назад далеким будущим, стало с чрезвычайной быстротой явью. Вертолеты помогли освоить якутское месторождение алмазов. Они тушат лесные пожары и ведут борьбу с сельскохозяйственными вредителями. Винтокрылые машины — необходимая принадлежность геологических партий и авиационных санитарных станций. Советские вертолетчики установили выдающиеся мировые рекорды. Наша авиация располагает теперь парком непревзойденных бескрылых машин.

Так о чем же мечтать?

Черт возьми! Ведь «воздушные автобусы» вскоре вот так же просто и буднично займутся перевозками пассажиров на ракетодромы — к могучим космическим ракетам для полетов на Марс, Венеру или на искусственно созданные «небесные острова», о которых мечтал Циолковский. Может быть, и сами будущие гигантские вертолеты, использующие в двигателях атомную энергию, станут такими своеобразными «небесными островами», на которых разместятся научные лаборатории, ретрансляционные телевизионные станции или стартовые площадки для запуска метеорологических ракет.

Может быть, сочетание вертолета и дирижабля станет наивыгоднейшей системой, которая позволит наиболее надежно и экономично вывозить из труднодоступных горных и пустынных мест руду, лес, драгоценные минералы?

Этот снимок был опубликован в «Огоньке» в 1952 году.

Может быть, вертолеты будущего заменят на строительстве гидроэлектрических станций нынешние подъемные краны и станут перебрасывать бетон, арматуру, опалубку?

А что, если человек будет носить в чемодане или в ранце... свой вертолет? Скажем, вам нужно перебраться из Министерства сельского хозяйства — из Орликова переулка — в совхоз «Горки-2». Что вы будете делать? Выйдете на тротуар, вынете из кармана легкий складной пластмассовый пропеллер, микродвигатель — величиной со спичечную коробку, развернете капроновое сиденье, нажмете кнопку — и... вот уже внизу Садовое кольцо, мелькают крыши домов, улицы, площади... По соседству покажется такой же, как вы, «воздушный пешеход», потом второй, третий...

Загорится огонек небесного светофора: путь открыт!.. Еще несколько минут — и увидишь зеленые просторы Барвихи, синь Москвы-реки. Вы перелетите через ограду совхоза и опуститесь около фермы.

Подобные «карманные вертолеты» пригодятся на заводах и стройках, в экспедициях и, конечно, на рыбалке. Прилетишь на островок где-нибудь посредине озера, сложишь тонкий, прозрачный, легкий винт, уберешь его в карман, сунешь туда же и движок — а там занимайся своими карасями!

Кто знает, может быть, сочетание оснащенного крошечным атомным двигателем миниатюрного вертолета с автомобилем станет той универсальной машиной, которая, минуя дороги, не обращая внимания на рвы и реки, на леса и озера, понесет человека вперед.

Можно с уверенностью сказать сейчас лишь об одном: через восемь лет успехи советской науки и техники будут так велики, что любые наши сегодняшние мечты о винтокрылых машинах покажутся в будущем такими же наивными, как сегодня кажутся наивными мечты восьмилетней давности.

Утром на вертолетной станции Москвы.

Из цехов поплывут осетры

Не правда ли, завод в нашем представлении — это корпуса цехов, высокие трубы? Но тот завод, о котором идет речь, выглядит совсем иначе. Его основные цехи находятся под водой.

В Волго-Ахтубинской пойме, в нескольких километрах от Сталинградского гидроузла, сооружается рыборазводное предприятие, которое будет давать четыре миллиона осетровой и белорыбьей молоди в год.

Скоро поступит первая партия икряных осетров и белорыбиц. Когда из икринок выклюнутся личинки, их поселят в садках. Позже, когда они станут уже мальками, их выпустят в вырастные пруды. Дальнейший путь рыбы — в Сталинградское море.

Мощный завод ускорит воспроизводство ценных пород рыбы.

А. ИГОЛЬНИКОВ

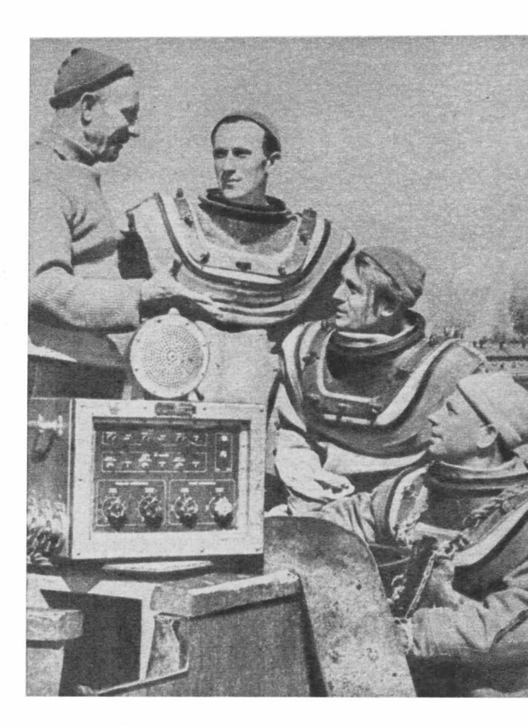

Пока на заводе хозяева — водолазы. Иван Веселов, Петр Коновалов, Александр Черненко и Александр Кубеков сооружают водозабор насосной станции.

Фото автора.

Слесарь изобретает машины

Надежно закупоренные банки с вареньем и соками движутся по конвейеру. Автомат работает четко, без ошибок. А его конструктор слесарь Вильяндинского консервного завода Агу Соотс все-таки волнуется: ведь детище его проходит первые испытания.

Волнения оказались напрасными. Расчеты Соотса оправдались. Автомат закатывает в час втрое больше банок, чем это делали работницы вручную за восьмичасовую смену.

Автомат Агу Соотса уникальный. Существующие машины не полностью механизируют упаковку консервов в стеклянную посуду. Эстонский слесарь-изобретатель первым решил эту задачу.

За 10 лет своей изобретательской деятельности Агу Соотс создал около 140 машин, механизмов, приспособлений. Механизмы, изобретенные Соотсом, успешно работают на таллинской кондитерской фабрике «Калев», на комбинате «Салва». На республиканских конкурсах рационализаторов Агу Соотсу четыре раза присуждались первые премии.

Экономия, достигнутая благодаря изобретениям Агу Соотса, исчисляется сотнями тысяч рублей.

В. ВАТИС

Агу Соотс у автомата по закатке консервных банок.

Фото Н. Тимофеева.

Супруги остались довольны

Неузнаваемо изменились бескрайние степные просторы Казахстана за годы Советской власти. В степи по воле партии выросли новые промышленные города и поселки, шахты, рудники, дающие стране сотни тысяч и миллионы тонн руды и угля. Еще более преобразится казахская степь за годы семилетки.

Быстро растет и поселок Акчатау, Карагандинской области, раскинувшийся среди живописных сопок. Здесь ведется строительство жилых домов, культурно-просветительных учреждений. Многие жители Акчатау в прошлом году справили новоселье в новых домах. Еще больше новоселов будет в нынешнем году.

Остались довольны новым домом и супруги Анна Дмитриевна Иваненко и Хусейн Хогаевич Коркмазов.

Фото А. Бурова.

СТО АМПУЛ НИВАЛИНА

Возвращаясь в конце июня из Болгарии в Москву, мы стали свидетелями одного эпизода.

Проводник вагона объявил:

— Станция Горна-Оряховица. Стоянка — один час.

Наша попутчица, московский архитектор Ирина Кузьмичева, устремилась в аптеку. Она должна выполнить поручение — купить нивалин — лекарство, которое выпускается только в Болгарии. Для этого специально отложила из полученной валюты несколько левов.

В аптеке Ирине Кузьмичевой сказали, что нивалин отпускается по специальному рецепту.

Вблизи аптеки находится санитарно - эпидемиологическая станция. Врач станции Венелин Везнев, внимательно выслушав москвичку, сказал:

— Такой рецепт я выписывать не вправе. Но сейчас мы все уладим...

Доктор Везнев позвонил по телефону главному врачу местной больницы, договорился с ним. И вместе с Кузьмичевой отправился за рецептом. Она поглядывала на часы: до отхода оставалось 20 минут.

В аптеке выяснилось: нивалин стоит во много раз больше, чем располагала Ирина Кузьмичева. Как быть? Ведь больной дожидается этого препарата.

Доктор Везнев просил москвичку не беспокоиться. Он уже оплатил стоимость ста ампул. Вот они. Пусть лекарство из горных подснежников, собранных болгарскими ребятами, поможет больному другой страны.

— Пожалуйста, не надо благодарности. Не записывайте мой адрес, скажите свой. Я непременно побываю в Москве. Кстати, там живет мой друг и земляк. Кланяйтесь ему. И счастливого вам пути! Пусть это лекарство принесет исцеление!

Врач Везнев простился с архитектором Кузьмичевой, вскочившей в вагон уже на ходу поезда.

В Москве мы узнали, что нивалин, привезенный ею по просьбе архитектора И. Г. Пацкина, вручен ему. И еще мы выяснили, что болгарскому лекарству предстоит дальнейший путь — в Париж.

— Несколько лет назад,— рассказал нам архитектор Пацкин,— в Москве побывала туристка из Франции — врач-педиатр Лора Розенфельд. Случайно узнав о моей астме, она присылала мне из Парижа лекарство. Недавно Лора сообщила: нужен нивалин для тяжелобольного. И вот благодаря душевной доброте болгарского доктора и вниманию московского архитектора французу будет оказана помощь...

Мы решили позвонить в Париж, рассказать французскому врачу, каким путем попадет к нему препарат из горных подснежников.

— Здравствуйте! С вами говорят из редакции журнала «Огонек».

— Добрый день! У аппарата Лора. Я слушаю вас.

— Вам выслано сто ампул нивалина.

— Это великолепно! Я немедленно начну лечить им одного из многих пациентов. Большое спасибо!

— Вам придется поблагодарить вашего коллегу болгарского врача Везнева и московских архитекторов Кузьмичеву и Пацкина.

— Передайте им привет. В августе надеюсь быть в Москве, лично сказать им спасибо за доброе содействие. Когда приеду, расскажу о своем опыте лечения нивалином. Благодарю за хорошее сообщение...

Сейчас лекарство из небольшого болгарского городка доставлено по назначению. Отвез его в Париж французский писатель Жорж Гови, гостивший в Москве.

Получив пакет с препаратом и увидев написанный на нем адрес, он воскликнул: «Я отлично знаю врача Лору! Мы живем в одном квартале...»

Так закончился этот эпизод.

Макс **ПОЛЯНОВСКИЙ**

Горна-Оряховица — Москва.

•

Точно по курсу

Среди моря золотистых колосьев величественно плывет зерновой комбайн. За штурвалом — комбайнер. Привычная картина.

Но представим иную картину. Руки комбайнера не сжимают штурвал — комбайн сам движется по полю точно по курсу, сам меняет скорость на различных по урожайности участках и сам сигнализирует комбайнеру о неисправности.

Человеку остается только контролировать работу машины, а в случае небольшой неисправности можно производить ремонт на ходу.

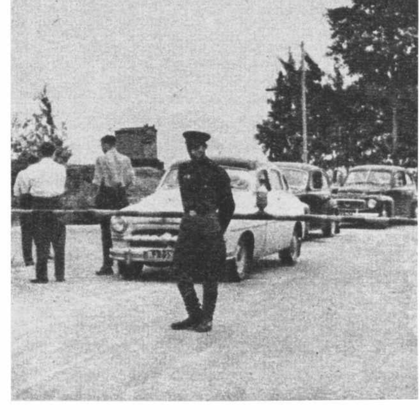
— Но таких комбайнов нет! — воскликнет наш читатель.

Есть такой комбайн, пока еще опытный. Он сейчас проходит испытания на полях Северного Кавказа. Автоматическое устройство к нему было разработано и создано в лаборатории автоматизации Всесоюзного института сельскохозяйственного машиностроения.

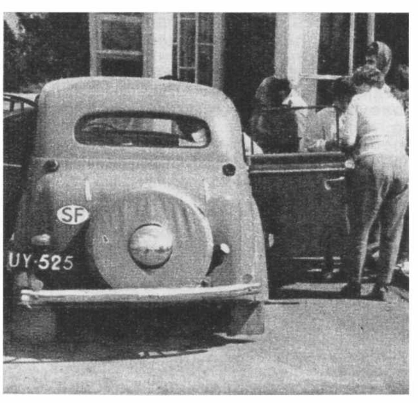
— На обычном зерновом комбайне «СК-3»,— рассказывает начальник лаборатории В. А. Федоров,— нами установлены автоводитель, автотехнолог и сигнальная система. Основная часть автоводителя — так называемый датчик — копир, который, скользя вдоль бровки нескошенного хлеба или вдоль валка при раздельной уборке, направляет движение комбайна. Автотехнолог — это устройство для регулирования скорости в зависимости от показаний ряда датчиков, которые следят за объемом хлебной массы, поступающей в бункер, ее составом и влажностью.

После внедрения автоматизации на комбайнах один человек сможет обслуживать целую группу сельскохозяйственных машин. И это уже не далекое будущее.

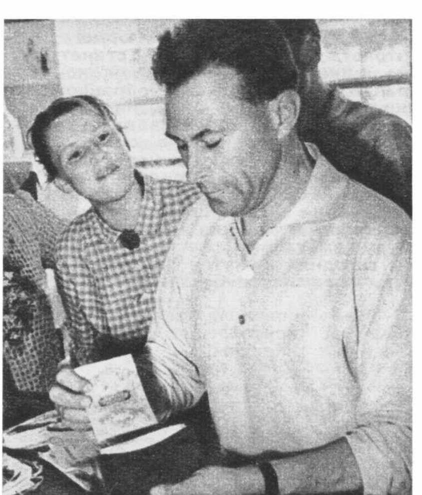
В. ДРАННИКОВ

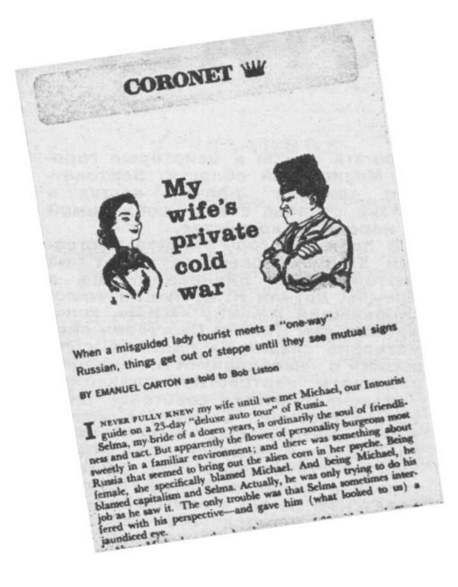

CORONET

My wife's private cold war

When a misguided lady tourist meets a "one-way" Russian, things get out of steppe until they see mutual signs

BY EMANUEL CARTON as told to Bob Liston

I NEVER FULLY KNEW my wife until we met Michael, our Intourist guide on a 23-day "deluxe auto tour" of Rusia. Selma, my bride of a dozen years, is ordinarily the soul of friendliness and tact. But apparently the flower of personality burgeons most sweetly in a familiar environment; and there was something about Russia that seemed to bring out the alien corn in her psyche. Being female, she specifically blamed Michael. And being Michael, he blamed capitalism and Selma. Actually, he was only trying to do his job as he saw it. The only trouble was that Selma sometimes interfered with his perspective—and gave him (what looked to us) a jaundiced eye.

«КОРОНЕТ» ЛЖЕТ!

Виктор ГОРОХОВ,
Александр УЗЛЯН
Специальные корреспонденты «Огонька»

Перед вами одна из полос июльского номера американского журнала «Коронет». На рисунке слева — миссис Кэртон, претерпевшая, по ее словам, немало злоключений во время своей «личной холодной войны» с нашим «Интуристом». Справа — Миша, советский гид,— он изображен этаким монстром в униформе со взглядом не то гипнотизера, не то укротителя,— за-

прещавший вышеназванной миссис ездить туда, куда она хотела, и снимать то, что ей вздумалось.

Прочитав в «Коронете» статью о злоключениях миссис Кэртон, мы решили отправиться на одну из туристских трасс, которая начинается на границе с Финляндией.

У самой границы мы услышали от наших спутников: «Граница работает с 10 утра до 10 часов вечера с перерывом на обед».

Тем, кто приехал до начала «рабочего дня», приходилось ждать. Ну что же, у шведских девочек есть время поаккуратнее уложить русские сувениры!

Но вот уже десять часов. Граница открыта. Одними из первых прибывают соседи — финны. Испытанный «Москвич» временно вернулся на родину — финны довольны нашим автомобилем. Молодые англичане выполняют необходимые формальности. «А нам в Англии говорили, что в СССР трудно попасть»,— говорят они удивленно. Открылась касса по обмену валюты: последние франки парижанина Дюрана и первый его советский рубль.

...Час дня. На границу прибыл очередной автобус известной в США компании «Маупинтур». Обычная группа американских туристов, обычный рейс. Нам любезно разрешают стать гостями этого автобуса. Первое впечатление: переводчица «Интуриста» Лиля — милая, веселая молодая женщина, ничуть не похожая на злого гения миссис Кэртон. Недобрым словом поминаем мы уже здесь, на границе, эту миссис Кэртон и мистеров из «Коронет».

Для нас в этой поездке было мало необычного. Зато для наших американских соседей по автобусу необычно было все. Главным же сюрпризом

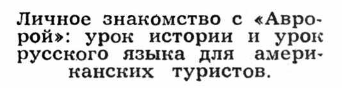
АВТОБУС ОТ ГРАНИЦЫ

↑ — Так вот он какой, Советский Союз!

← Оказывается, в Выборге можно снимать!

→

Личное знакомство с «Авророй»: урок истории и урок русского языка для американских туристов.

← Рыбак (из Флориды) рыбака (из Ленинграда) видит издалека.

→

— Как на этот раз доехал, Вейко? — спрашивают ленинградские «старожилы» шофера-финна, которого они встречают в своем городе не первый раз.

— В нашей роте все сняли погоны. Будем строить... А как у вас?

← Как видно, мисс Леттиери чувствует себя прекрасно.

↓ У американцев к торговле особый интерес...

У прилавка магазина сувениров в Калинине.

За кулисами калининского цирка гости познакомились с Карандашом.
— Я только что из Америки,— сказал он.— Из Южной...

для них было открытое дружелюбие советских людей.

Сколько слышали и профессор Уотерс с супругой, и учитель Метти с женой, и бизнесмен Апшор из Флориды, и миссис Лафон из Лос-Анжелоса напутственных настораживающих, предостерегающих слов! И вдруг такое...

О самом главном, о сердечности и дружелюбии советских людей, заговорили сами американцы.

А было это так. Вся группа уехала в Петродворец, а мистер Кинг из Нью-Йорка, специалист по оптике, решил остаться в Ленинграде. Ливень спутал все его планы, и ему пришлось пережидать дождь в одном из подъездов. Наверное, во всех странах от дождя спасаются в подъездах. В этот же подъезд и в этот же час дождь загнал молодого ленинградского инженера Вадима Гаврилова. Ленинградец, правда, несовершенно, но все же говорил по-английски. Гаврилов и Кинг быстро сдружились. А когда дождь кончился, Вадим пригласил собеседника к себе домой. В ответ Кинг пригласил Вадима пообедать с ним и его спутниками в гостинице.

И вот там-то, за обеденным столом, мистер Кинг сказал: «Вчера мистер Апшор, миссис Лафон, миссис Спирмен и я поделились друг с другом первыми впечатлениями о вашей стране. Многое нам у вас нравится. И мы все удивлены тем, как нас здесь принимают. Ведь если бы ваш самолет был бы сбит, скажем, над Денвером, если бы потом ваши государственные деятели то отрицали бы факт засылки разведывательного самолета, то настаивали бы на своем сомнительном праве летать в наше воздушное пространство, вряд ли советские туристы могли бы так же безмятежно путешествовать по нашей стране, как мы сейчас путешествуем по вашей. Чем вы объясняете такое дружелюбие ваших сограждан?»

Вадим ответил просто, спокойно, уверенно: «Даже в самый разгар «холодной войны» не было ни одного дня, когда мы относились бы враждебно к американскому народу».

Так начался большой оживленный разговор, отзвуки которого слышны были потом в наших беседах и в дороге, и в Новгороде, и в Калинине, и на подступах к Москве.

Американцы знакомились, вопреки фальшивым предсказаниям, с жизнью маленьких городов, видели и свои американские фильмы на советских экранах, вновь и вновь убеждались в подлинном гостеприимстве Советской страны. Наши собеседники иногда спрашивали нас:

— Что мы, простые люди, можем сделать для того, чтобы жить в мире с вами?

— Прежде всего рассказать вашим друзьям правду об этой поездке.

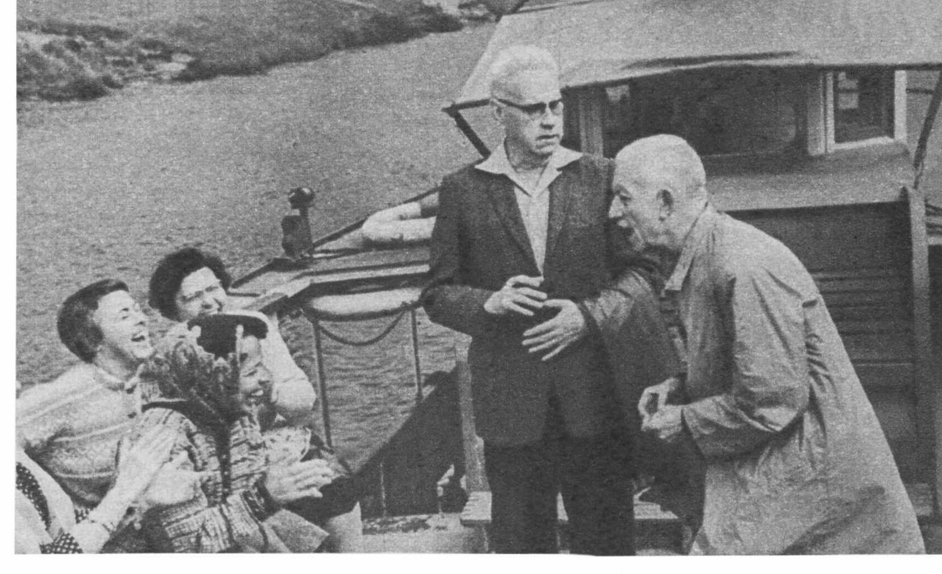
— Мы это сделаем. Больше того, мы ответим и «Коронету»,— говорили американцы, которых мы познакомили со лживой статьей Кэртон.

— И мы ответим,— обещали мы.

Наш ответ — репортаж о поездке группы американских туристов по СССР — здесь, на этих страницах.

— Напишете? Обещаете?..

На волжском пароходе идет состязание: кто запомнил больше русских слов. Кажется, ничья.

И в Калинине американцы побывали на стройке жилых домов. Мистер Метти: — А вы строите неплохо. И много...

На дороге встретились два автобуса фирмы «Маупинтур». Один — из Москвы, другой — в Москву.

— HELLO, MOSCOW!

СТАНИЦА ВЁШЕНСКАЯ

ПОСЛЕ „ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ"

Бывают речки маленькие и шумные, бегут с криком, швыряя во все стороны камни, все норовя что-нибудь зацепить да сбросить в воду: лодку — лодку, козу — козу, корову — корову, все одно, лишь бы что зацепить. Кончились дожди, и смотришь — нет речки, пересохла, так, мутный ручеек струится — ни воды напиться, ни рубаху постирать. А есть реки широкие, добрые, в которых на первый взгляд и течения нет; кажется, будто стоит вода на одном месте. Но это только кажется. Течение в таких реках глубокое и могучее, разливы полноводные, земли они орошают щедро, и жизнь вокруг них цветет яркая, созидательная. Живут люди на берегах таких добрых рек, трудятся, не жалеют сил, словно учатся трудолюбию и мудрому спокойствию у реки. На таких реках и гидроэлектростанции строят и бессчетные грузы переправляют; на берегах люди поселяются, новые города и поселки поднимают. Трудно человека сравнить с рекой, но невольно напрашивается такое сравнение, когда думаешь о Михаиле Александровиче Шолохове, выросшем на берегах тихого Дона. Вот действительно писатель, оплодотворяющий нашу родную литературу своим мудрым, глубоко народным творчеством. Недавно стал я свидетелем стихийно возникшего спора. Один из журналистов говорил:

— Могу понять, как пишет писатель Икс, как сочиняет писатель Игрек, почему в такой манере работает писатель Зет, но как пишет Шолохов, понять не могу!

— А что же тут непонятного? Он пишет просто,— возразил молодой журналист.

— Просто пишут многие, да не все их читают.

— Еще потому, что живет в деревне.

— Не в деревне, а в станице... Но не только в этом дело.

— А в чем же еще дело?

— Талант у него свой, особый, шолоховский.

— Это конечно,— согласился молодой журналист, видимо, еще не совсем собрав воедино все определения шолоховского таланта.

И он был прав. Вряд ли найдется какой-либо современный литературовед или литературный критик, который сумеет объяснить, почему Шолохов пишет так, а не этак. Главное не в этом. Главное в том, что все, что пишет Шолохов, одинаково интересно и для академика и для колхозного бригадира, для японского учителя и английского шахтера. Мне приходилось отвечать на вопросы о том, что делает Михаил Шолохов, и в знойном индийском городе Амбала и в столице Исландии Рейкьявике; рассказывать о Шолохове австралийским докерам и уругвайским рабочим. Вот и задумываешься: почему за тридевять земель разные люди так интересуются жизнью людей Дона, в конце концов маленькой частицы нашей могучей русской земли? Наверно, потому, что в книгах Шолохова выражен дух нашего времени, показаны глубокие, сильные характеры, раскрыты явления революционной эпохи. И все это действительно по-шолоховски просто. Шолохова всегда интересует не орнаментальная жизнь народа, а ее существо.

Совсем недавно довелось нам встретиться с Михаилом Александровичем в Ростове-на-Дону. Принимая активное участие в жизни областной партийной организации, Шолохов часто приезжает в Ростов. Вот и недавно он побывал там на пленуме обкома партии, обсуждавшем вопрос о подготовке к уборке урожая. Мы провели с Михаилом Александровичем несколько хороших часов. Весь он сейчас в думах о книге «Они сражались за родину». «Поднятая целина» закончена. В маленьком рабочем кабинете (не в том, заваленном письмами, которых он получает в день по пятьдесят — шестьдесят, а в другом) на письменном столе лежат перепечатанные страницы новых глав романа «Они сражались за родину». В этом же кабинете — узкая железная кровать. Шолохов поднимается в четыре-пять утра и в утренней тишине садится к столу. Вот так и рождаются здесь новые страницы романа, окончания которого ждут миллионы читателей с не меньшим нетерпением, чем ожидали развязки судеб героев «Поднятой целины».

Михаил Александрович удивительно скуп на рассказы о том, «что будет дальше». Можно только почувствовать, как он напряженно думает о новой книге, даже во время разговора, казалось бы, не имеющего никакого отношения к его нынешней работе. Но потом он словно отряхнется, заулыбается своей доброй, лукавой улыбкой — и снова в центре неторопливо бегущей беседы.

Шолохову много пишут. Пишут по серьезным, а бывает, и по незначительным делам,

«Станица Вёшенская. Михаилу Шолохову». Много писем приходит ежедневно по этому адресу.

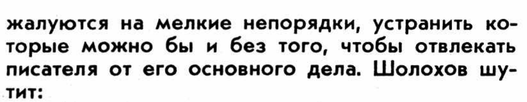

Утром в доме Шолоховых.

На совхозном поле. Директор совхоза «Терновский» П. Д. Опчелутов, М. А. Шолохов, секретарь Вёшенского райкома КПСС П. В. Сердюк.

← На рассвете.

жалуются на мелкие непорядки, устранить которые можно бы и без того, чтобы отвлекать писателя от его основного дела. Шолохов шутит:

— Письма, конечно, получать приятно, но полсотни в день на одного писателя — многовато.

Я сказал Михаилу Александровичу, что читатели «Огонька» интересуются, как он работает и живет. Не будет ли возражать, если мы пошлем нашего фотокорреспондента в станицу Вёшенскую.

Шолохов улыбнулся.

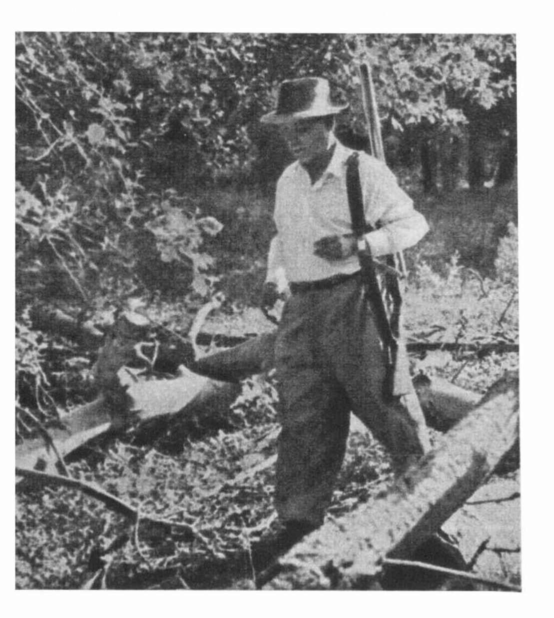
— Что же, если читатели просят, я обязан. Только учти, позировать я не люблю. Помучается он со мной. (Результаты «мучений» нашего спецкора мы и помещаем в этом номере «Огонька».)

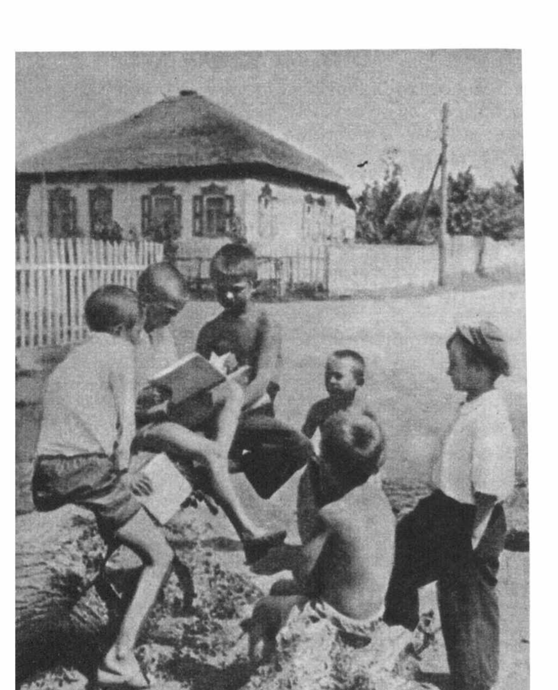
Мы убеждены, что в скором времени (не будем гадать, когда точно, писателю самому виднее) снова мы увидим на страницах наших изданий название: «Они сражались за родину». Это будут новые главы шолоховского романа, книги, горячо ожидаемой, ибо с героями ее мы уже знакомы, мало того, успели их полюбить.

Успеха тебе, дорогой наш Михаил Александрович! Мы ждем!

А. СОФРОНОВ
Фото Я. Рюмкина.

Избирательница и депутат.

„БЕЛЫЕ РУБА

Рассказ

Александр РОЗЕН

Рисунки П. Пинкисевича.

С этим рассказом с самого начала что-то не клеилось. Автор признает, что слабо знал материал, не сумел построить сюжет и не овладел образной речью. И все же он просит учесть, что были и объективные причины: действующие лица и их безответственные поступки. В меру своих сил автор с ними боролся, но из этого ничего не вышло. Обратимся к фактам.

Несколько лет назад на левом берегу Волги, невдалеке от областного центра возник новый город. Строилась мощная гидроэлектрическая станция, и было условлено никаких времянок не ставить, а сразу начинать новый город для строителей ГЭС, с современными домами, школой, больницей, Домом культуры и универмагом, чтобы, когда ГЭС закончат, новый город мог войти во все административные святцы.

Все же первое время бараков, юрт и землянок было сколько угодно. Народу приехало очень много, можно сказать, со всех концов. Жили тесно. Когда первый дом сдавали, так целые сутки праздновали.

На стене этого исторического дома есть доска с именами каменщиков, стропалей, плотников и столяров и обозначено имя Кости Лемехова, известного потом как бригадира «белых рубашек». Но в то время он еще не был бригадиром, и тогда еще ничего не было слышно о «белых рубашках».

Лемехов пришел на стройку из Новых Ключей, где, как говорят, каменщиками родятся. Он почти сразу завоевал общее уважение. И не только своей работой, но и примерным поведением. В этом, правда, ему было легче, чем другим, потому что на его родине, по старой традиции, никто не пьет и не курит.

Ах, как трудно рисовать такие лица, как у Лемехова! Ну, был бы он хоть вихрастым, или веснушчатым, или с лукавым прищуром... Счастливым авторам подвертываются коренастые крепыши, глаза с искоркой, волевой взгляд, смелый профиль.

А у Лемехова особых примет было до смешного мало. Среднего роста, худенький, черненький, спокойный взгляд, пожалуй, несколько тяжеловатый. Может быть, благодаря этому он казался старше своих лет.

Был Лемехов не очень разговорчив, но молчал вежливо, не угрюмо, никого этим своим молчанием не раздражая. И пока молчал, незаметно было тяжелых желваков, которые бы упруго ходили под кожей.

Одевался тоже не броско. Холщовые брюки, спортивные тапочки и белая рубашка с какой-то синей меткой на воротничке. Словом, внешность для рассказа самая незначительная, да и характер мелковат.

И в развитии сюжета другим авторам везет больше. Коренастый крепыш засыпает, завороженный колдовским светом луны, а утром, по свежей росе, договаривается с ребятами о новом методе каменной кладки. Лемехов же спал крепко при луне и без луны, бригадирство ему в то время и во сне не снилось, а если что и заботило его, так это односельчане братья Чуйковы, которые вот-вот должны были приехать на стройку. Работать они будут вместе, об этом уже договорено, а жилье? Начальник УНР ничего не обещал.

— Зачем вызывали? — спросил Костя.— У нас народ к нарам не приспособлен. Да и время летнее, жарища...

— А вы себе отдельный шалашик на три коечки соорудите,— пошутил начальник.

Насчет отдельного шалашика начальник, прямо скажем, пошутил. Но Лемехов, подумав, решил, что предложение стоящее, и шалашик они соорудили по всем правилам.

Увидев братьев Чуйковых, автор поначалу обрадовался: в любой рассказ! Настоящие лесные здоровяки, румяные, словно всегда с холода, и силища железная в руках. Кроме всего прочего, братья разговаривали в хорошей литературной традиции: если начинал фразу старший, ее заканчивал младший, если начинал младший, то заканчивал старший, и, таким образом, вместо монолога получался диалог.

Но и с этими лесными здоровяками сюжет долгое время стоял на месте. Дело в том, что каменщиками они были только по паспорту. Взглянут, что из Новых Ключей, ну, значит, каменщики. Выручал Лемехов. И прошло, наверное, с полгода, пока наконец братьями стали гордиться как крупными специалистами.

Осенью пришлось в шалашике потесниться. Из Новых Ключей приехали еще двое: Алешка Вагинов, весельчак, франт и сердцеед, и Глеб Силантьев, ставший среди земляков помпохозом. Такое домашнее хозяйство наладил, что и семейным не снилось! Засолил огурцы, заквасил капусту, в левобережном колхозе купил целую тушку, какие пельмени понаделал, какие беляши! Но теплая осень быстро кончилась, надвинулась зима, и Костя Лемехов снова направился к начальству. Где жить?

Здесь автором намечался конфликт. Совершенно ясно, что в то время, как начальник прочно обосновался в новом особнячке, новоключинцы бедствуют до приезда прокурора. Но с заманчивым конфликтом пришлось повременить.

— Ладно, как-нибудь распихаем,— сказал начальник.— Тебя в первое общежитие, Силантьева во второе, Чуйковых можно в пятое...

— Нет, так не пойдет,— сказал Лемехов,— нам, землякам, нельзя расставаться. Да у вас там и накурено всюду, дышать нечем.

Начальник задумался: каменщики были нужны ему до зарезу.

— Сколько вас?

— Пятеро.

— Н-да...

— А что такое?

— А то, что было бы вас не пять, а восемь...

Лемехов задумался:

— Это сделать можно.

— Получите свою комнату. И неплохую...

Новые Ключи постарались и дали новостройке еще троих каменщиков. К весне их стало одиннадцать. Потом их называли «двенадцатью апостолами», потом «кругом шестнадцать». А к тому времени, когда новый земляк Леня Иванов появился на стройке, новоключинские каменщики стали называться «белыми рубашками» и слава о них гремела.

Теперь они занимали целый домик, маленький, конечно, но со своей образцовой умывалкой и кухней, где электричество творило чудеса. У Лемехова была отдельная светелка во втором этаже. Вокруг дома участок, очень ухоженный, с грядками ароматнейшей резеды. На закрытую террасу пустили плющ. Летом здесь попивали крепкий чай, весело посматривая на дело рук своих.

Но сколько можно испытывать терпение читателя? В рассказе должен хотя бы заедать башенный кран или по крайней мере подсобница, участница хореографического кружка, должна забыть о своих прямых обязанностях. Что делать! Кран работал отлично, а подсобницы крепко держались за новоключинских каменщиков: таких заработков, как здесь, у них, пожалуй, нигде не было. Тут никакая хореография ничего не сделает.

Да, все в этой бригаде было на высоком уровне. Они держали переходящее знамя. Сам Лемехов был награжден золотыми часами. Учились все: кто в вечерней школе, кто в техникуме, кто в университете культуры. Народ был вежливый, ни одной жалобы. Бригада владела тремя призами за борьбу самбо, четырьмя медалями за легкую атлетику, кубком за баскетбол и призами за танцы. Всякий человек, приезжавший на стройку, обязательно знакомился с «белыми рубашками». Так их теперь стали называть. Лемехов давно уже мечтал о приличной форме. Силантьев обошел все магазины на стройке и ездил на правый берег в областной центр. Остановились на белом цвете. Белые рубашки с отложными воротничками. На воротничке чуть заметная синяя метка «Н. К.» — Новые Ключи. День ото дня ждали решения постройкома о присвоении бригаде звания «Бригада коммунистического труда».

Вот как повезло Лене Иванову! Он только что демобилизовался из армии, где служил срочную. Работа на стройке совпадала с его планами. Недолго отдохнув в родном селе, он написал письмо на Волгу, получил ответ и быстро собрался.

На пристани Леню встретил сам бригадир. Они дружили еще по старым, школьным временам. Лемехов вообще-то нелегко сходился с людьми. Но к Лене Иванову относился с нежностью. Говорят, что Лемехова привлекала в Лене его непосредственность или, вернее сказать, его душевная открытость.

Когда в бригаде узнали о приезде Лени Иванова, то не все были за это. Раздавались голоса, что бригада и так большая, дальше некуда. Другие говорили, что Леня — товарищ отличный, но не каменщик. Кажется, он до армии плотничал.

— Нет, товарищи,— сказал Лемехов,— не годится, чтобы мы, земляки, работали врозь. А что бригада большая, так насчет этого я с начальством договорился. Тем более, что нас на Дом культуры переводят, объект солидный.

— А гостиница? — удивился Чуйков-старший.— Недели бы еще две — и закончили...

— Без нас закончат,— ответил Лемехов.— На гостиницу бригаду Колесникова ставят.

— Колесникова? — переспросил Чуйков-младший.— У них там настоящих каменщиков маловато...

— Ну, закончить-то и они сумеют. А за Домом культуры сам министр наблюдает!

И Леню Иванова приняли в родную семью. Жить он стал в одной комнате с братьями Чуйковыми. Было приятно смотреть, как он всему здесь радуется:

— Честное слово, ребята, мне и в голову не приходило, что вы этак живете!

Вечером Лемехов в присутствии всех членов бригады вручил Лене белую рубашку с тоненькой меточкой «Н. К.».

— Ну, а теперь как на духу,— сказал Лемехов,— знаем мы, что каменщик ты никакой, и мы от тебя пока ничего не ждем, кроме того, что подражай и слушайся. Все, что наше,— все твое: и дом, и постель, и трехразовое питание, на сладкое у нас идет компот, и настольные игры.

— Спасибо за встречу, товарищи,— растроганно сказал Леня.— Я, конечно, постараюсь скорей выучиться.

Кажется, рассказ начал выбираться на верный путь. Но не везет так не везет! Через месяц после прибытия Лени Иванова на стройку у него украли новую белую рубашку. И рассказ, едва выбравшись на магистраль, снова стал сползать, на этот раз на худую тропку примитивного детектива.

Прежде чем вслух заявить о случившемся, Леня перерыл все свои вещи, перетряхнул постель, тумбочку и даже на всякий случай свой ящик в письменном столе. Нигде не было знаменитой рубашки.

Надо сказать, что Леня Иванов прижился в бригаде быстро и накрепко. Кто помнил его с детских лет, тот знал, что парень он очень коллективный, отзывчивый и добрый. А кто только познакомился, тот мог в этом легко убедиться. А вообще-то в нем что-то сохранилось от детства. Надо же, чтобы именно с Леней Ивановым случилась такая неприятность!..

Особенно близко к сердцу принял это известие сам бригадир.

— Случись это в другое время, я бы не так переживал,— сказал Лемехов, когда Леня откровенно рассказал ему о пропаже.— А теперь, перед присвоением, вроде выходит пятно...

— Но что я должен сделать?

— Не один ты, а мы все в этом заинтересованы. Ясно?

Все было ясно, кроме главного: где рубашка. Украли? Кто? Для чего?

Возможно, что на этой основе можно было создать занимательный детектив. Но каждый жанр имеет свои законы. В детективе требуется какое-то время, чтобы герои могли строить предположения и ошибаться. А тут буквально через день, в субботу вечером, прибежал запыхавшийся Алешка Вагинов.

— Совершенно необыкновенное известие, найден похититель белой рубашки! Слушайте, слушайте о подвиге Алексея Вагинова!

Не прошло и пяти минут, как все собрались на террасе. Леня Иванов был очень взволнован. Ему не терпелось узнать всю правду, и он не понимал, почему веселится Алешка, и даже негодовал. Нашел повод для паясничанья! Алешка же, как настоящий артист, потребовал полной тишины, потом откашлялся и тогда лишь начал.

В седьмом часу он вышел из дому и сел в автобус, идущий к пристани. Да, он решил провести время в городе. Автобусом до пристани, потом пароходиком на правый берег. В областном центре снова автобус, чтобы добраться до памятника Чапаеву. Как он там собирался провести время, это никого не касается, и об этом нечего говорить. Еще здесь, еще на левом берегу он понял, что должен поступиться личными планами.

Дело было так: он вышел из автобуса и на пристани увидел Семена Глазкина, который тоже ждал переправы. И тут ему пришла в голову гениальная мысль...

— Кто такой Семен Глазкин? — спросил Леня.

Алешка не любил, чтобы его прерывали, но Лене он это простил: Леня — человек на стройке новый и не обязан всех знать. Семен Глазкин — это парень из бригады Колесникова, ну, молодой парень, худющий такой, усики под носом, вроде Чаплина. Руки в брюки. Кепочка. Дня три-четыре назад он с Колесниковым приходил сюда. Неизвестно, зачем...

— Мне известно,— сказал Лемехов.— Договориться о соревновании.

— Ну, этого я не знал, и это ничего не меняет. Приходил? Приходил. Походочка такая мелкая. Вприпрыжку... Вот я и подумал, что, может быть, что очень может быть...

Алешка постарался остаться незамеченным. На пристани он укрылся под товарным навесом, на пароходике притаился в трюме, а на правом берегу взял такси. Это стоило ему пять рублей, но ладно. Главное, что и деньги и усилия не зря потрачены. Такси было сказано: следовать за автобусом,— и Алешка на каждой остановке выглядывал из машины.

На Куликовской площади Семен Глазкин вышел, тотчас же из такси выскочил Алешка. Но пока он расплачивался, Глазкин исчез. Представляете себе: дивный вечер, луна и, надо полагать, что возле памятника Чапаеву щелкают соловьи. Но отсюда до памятника километров десять, а такси уже ушло.

Алешка был в полном отчаянии, но это длилось недолго. Вдруг он снова увидел Семена Глазкина... и в каком виде! На Семене Глазкине была надета белая рубашка, белая рубашка с синей меточкой «Н. К.»!

Алешка был так потрясен, что прошла еще минута, прежде чем он спрятался под арку дома. Вероятно, в то время, как Алешка расплачивался с такси, Семен Глазкин переоделся то ли в парадном, то ли...

Но зачем он это сделал? Что за идея надеть на себя чужую вещь? Подумал ли он, что может быть пойман с поличным? Вероятно, не подумал. А может быть, и подумал, но уж очень надо было. Но факт, чутье Алешку не обмануло! Забыв о луне и о понапрасну тренькающих соловьях, Алешка решил следовать за Глазкиным хоть на край света. Так они и шли: впереди Семен Глазкин, позади Алешка. Дошли до бульвара, бульваром вышли к Волге. Глазкин остановился, остановился и Алешка. Глазкин оглянулся, еще раз оглянулся, потом тихонечко свистнул, а может быть, Алешке свист только послышался. Зачем было Семену Глазкину свистеть? Ему оставалось сделать шаг — и он был у цели: на скамеечке сидела девушка и, как мы это увидим дальше, ждала Семена Глазкина.

Алешка не любил, когда в его дела вмешивались, и сам не вмешивался в чужие. Нет, он бы не хотел, чтобы кто-нибудь его подслушивал. Разве что бронзовый Чапаев. Но тут дело другое. Чем больше он узнает, тем лучше.

— Ну и дуреха же эта девчонка,— рассказывал Алеша.— Нет, ребята, вы даже этого и представить себе не можете...

— А этого нам и не надо,— сказал Лемехов, строго взглянув на Алешку.— Ты давай поближе к делу.

— Все дело в девчонке. Это, знаете, ну, как даже назвать не знаю, конечно, дуреха...

Кто-то спросил:

— Что, конский хвост на голове?

— Хвоста я не заметил по причине темноты, но и с хвостом бывают умнее. А эта и в самом деле поверила, что белая рубашка его собственная, Семена Глазкина.

— Ей-то что до наших рубашек? — сердито спросил Силантьев.

— А то, что, видать, ей Глазкин еще раньше набрехал: и такая он, мол, персона, и сякая, и на стройке он человек известный. Да он и при мне брехал.

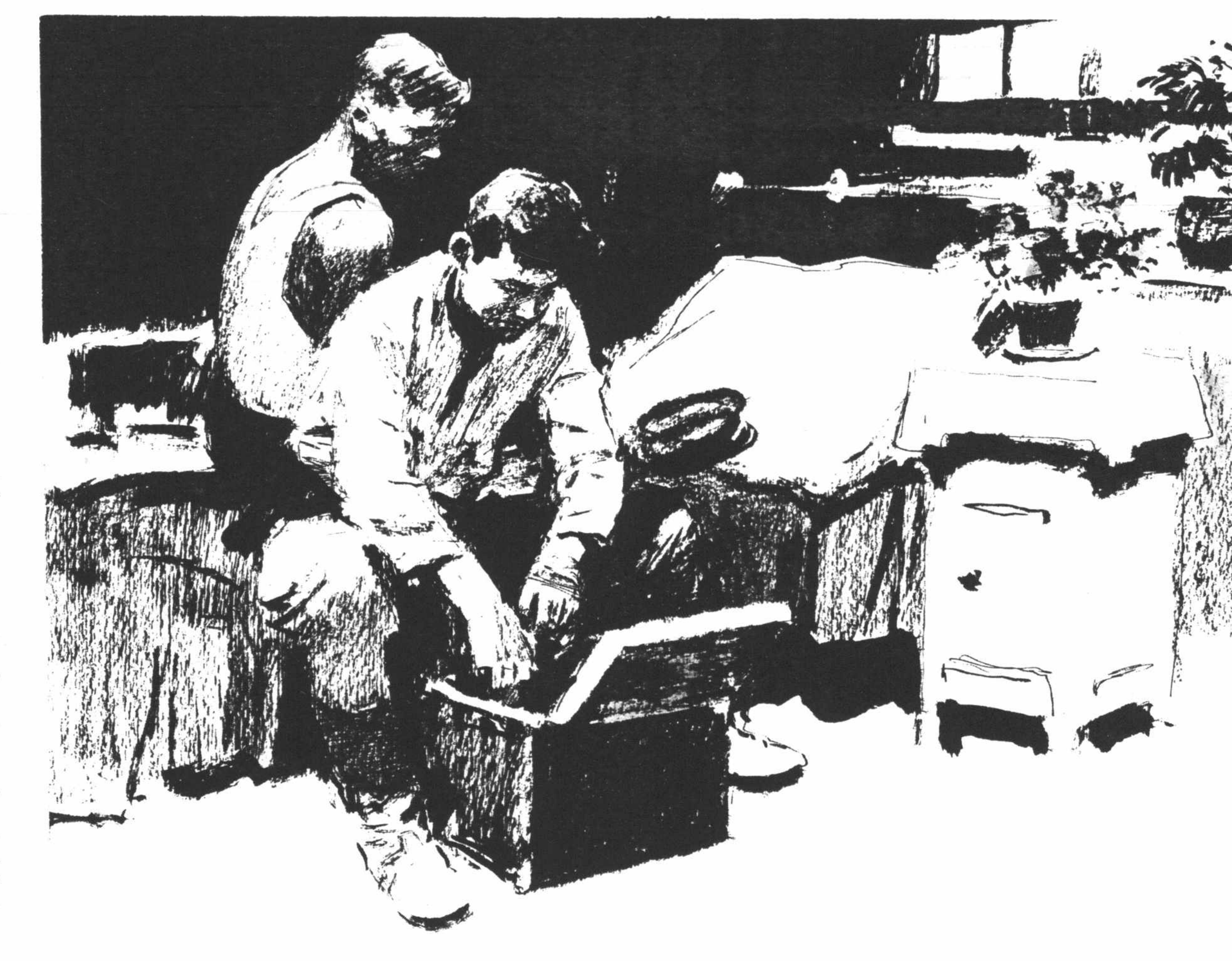
В какую-то долю минуты Алешка полностью преобразился в Семена Глазкина. И не то, чтобы он как-то по-особенному стал кривить лицо, поджимать губы и щуриться. Просто он стал Семеном Глазкиным. Чуть-чуть плечиком подергивал, чуть-чуть шепелявил. И при всем этом было видно, что Семен Глазкин старается не шепелявить и старается не дергаться. Он же перед этой девчонкой фасон держит, он же белой рубашки не украл, он сам принадлежит к этой знаменитой бригаде. Надо было слышать, как Алешка, подражая Семену Глазкину, говорит: «Мы».

— «Мы» — это мы с вами,— своим голосом вставил Алешка, но тут же понес глазкинскую околесицу. Как Семен Глазкин впервые на стройку прибыл. Степь, вокруг нет ничего больше. Он, значит, сюда по Волге плоты с материалами перегонял, по три дня не евши... А тут еще «казах» — ветер отчаянной силы, горячий, сухой, несущий океан едкой, обжигающей пыли. Словом, борьба человека с природой. Недаром же он, Семен Глазкин, заработал белую рубашку. А девчонка-то ему в прошлый раз не поверила! А она-то его в брехне, виноват, в неправильном изложении фактов заподозрила. Да как она могла! Если кто о Семене Глазкине плохо ей говорил, так это от зависти.

— «Нашей бригаде вообще завидуют»,— сказал Алешка глазкинским голосом и при этом многозначительно поправил на себе белую рубашку.— «А это верно, что вокруг вашего домика резеда?» «Верно, верно, моя дорогая». «А верно ли...» «Верно, верно...»

— Ну, я ушел потом,— сказал Алешка,— меня дальнейшее не касается. У меня своего хватает.

— Так, значит, она ему поверила? — спросил Чуйков-старший, громко смеясь.

— Ничего не поделаешь,— сказал Алешка и тоже засмеялся.— Вещественное доказательство.

Лемехов смеялся вместе со всеми. Все, что его раньше мучило, отпало. Теперь, когда виновник был обнаружен, виновник извне, ничто не угрожало бригаде. Все же Лемехов, как бригадир, приказал отставить веселье.

— Не хватает еще того, чтобы под нашу марку разные Семены действовали. Тебе, Леня, завтра же надо попасть в бригаду Колесникова. Никаких скандалов, обратись к бригадиру, пусть сам порядок наведет, он ведь к тому же член бюро комсомола. Судить этого Глазкина будем по всем правилам.

На следующий день после работы Леня отправился в бригаду Колесникова. Пробыл он там так долго, что, когда вернулся домой, все ребята уже спали. Только Лемехов ждал земляка на террасе.

— Намучился? Я уж хотел посылать за тобой.

— Да нет, ничего,— ответил Леня.— Поговорить надо.

— Завтра поговорим. Иди отдыхай. Имущество принес?

Леня покачал головой.

— Интересное кино.— Лемехов в упор взглянул на Леню.— Что, Глазкин сопротивляется? Придется завтра начальству докладную подавать.

— Нельзя, Костя. Невозможно. Понимаешь, этот Глазкин... ну, словом, вор он.

— Ну, вор, конечно...

— Нет, Костя, совсем не то. Он настоящий вор, то есть был настоящим вором, в тюрьме сидел.

— Глазкин?!

— Ну да...

— Кто тебе об этом поведал?

— Колесников.

— Вот не везет бедняге! То у него план сбит, то его за качество прорабатывают, то теперь новое «ЧП». Вор-рецидивист. И за все бригадир в ответе.— Он прошелся взад и вперед по террасе, потом встал возле Лени.— Да и то сказать: сам виноват, какой либерал нашелся!

— Колесников? Нет, он не либерал...

— Ты этого слова недопонимаешь,— сказал Лемехов.— Зачем надо в бригаду всяких...

— Слушай, ты просто не в курсе,— перебил его Леня миролюбиво.— Этот Глазкин замечательно себя здесь показал. Все, о чем он своей девчонке набрехал, все правда. Он здесь с первого дня и много пережил.

— Да ведь и мы здесь не бананы ели. Однако ж не воровали...

— Так то у него все до стройки было.

— Он сам о себе напомнил!

— А я его разве оправдываю? Конечно, это было свинство залезать ко мне. За это ему надо...

— Вот именно!

— Попросил бы, так я бы ему сам эту рубашку отдал.

— Того только не хватало!

— А ты думаешь! Отдал бы, и без спору. Я-то ведь здесь без году неделя, а он... Ну, поставь меня на его место, чем бы я перед этой девчонкой мог похвалиться? Белой рубашкой? А еще чем? Насчет стройки, пожалуй, пришлось бы у Глазкина призанять. Кто ж из нас тогда был бы вор?

Лемехов ничего не ответил. С минуту оба молчали. Потом Лемехов встал, подошел к Лене, ласково потрепал его по голове.

— Совестливый ты парень, Иванов. За это и люблю тебя. Но ты не очень-то к дешевой демагогии прислушивайся.

— Ничего не демагогия! Взгляни сам: ну, встретился этот Глазкин с девчонкой, три года не виделись. Она его жуликом знала, представляешь? А теперь? Ну, вот он белую рубашку и предъявил. А наши-то рубашки каждый знает.

— Спасает Колесников своего Сенечку!

— Ошибаешься, я ему вообще ни слова о пропаже не сказал. Разговор о Глазкине у нас краем зашел, что он был вор, ну, потом о классиках говорили, труд сделал человека и так далее.

— Так, значит, ты сам выдумал?

— Про что?

— Про девчонку, что она его три года ждала...

— Ну, может, и не ждала. Я хочу сказать, что он к ней совсем другим явился.

Лемехов засмеялся:

— Эх, Леня, Леня, простота! Ну, что с тобой сделаешь? Ну, давай, ладно, черт с ним, с этим Глазкиным. Амнистируем. Амнистируем, и все. Ради тебя, учти. Ну, как?

— Да, по-моему, правильно,— сказал Леня и тоже засмеялся.— И не то что «ради меня». Ты пойми, ему хотелось перед девчонкой покрасоваться...

— Ну, ладно, ладно, все. Я ведь не против, чтобы не административно, а воспитывать людей. Колесников не сумел, возьми ты на себя: объясни этому Глазкину, что хвастать надо своей славой, а не чужой.

— Попробую, Костя. Но трудно, в условиях той бригады очень трудно. Они все больше не на свою славу, а на нашу работают.

— Это еще как понять?

— Да это ты лучше меня понимаешь. Пошли, Костя, спать, завтра договорим.

— Нет уж, нет... Что значит «завтра»? Замахнулся — так бей!

— А ты лучше сам попробуй ударь! Кто жилой дом строил по Интернациональной?

— Какой это, сорокаквартирный? Мы строили, кто же еще? Наша бригада. А, понимаю! Это тебе Колесников плакался, что им там после нас на заделках пришлось поработать. Это, верно, невеселая работа: дырок сколько угодно. Сантехники пробивают, газовщики пробивают...

— Да ведь и лестничные марши не закончили...

— И это верно: только успели под крышу подвести и сразу нас на школу поставили. Знаешь, как работали? За три месяца четыре этажа вытянули.

— А балконы в школе опять-таки Колесников заделывал?

— Ей-богу, это с его стороны нетактично! Ну, что он жалуется и кому? А главное, на кого? На своего же товарища! Можно подумать, что я на этой стройке полновластный командир. А я всего-навсего солдат. Мне приказывают перейти на Дом культуры. Есть, слушаюсь, будет исполнено.

— А я об этом на обратном пути думал. И знаешь, пришел к такому выводу, что Колесников мало еще на нас жалуется. Я бы на его месте резко поставил: бригада пришла на объект — и до победного конца.

— Да, это бы, конечно, было неплохо...

— Да? — оживился Леня.— Ты тоже так думаешь?

— Двух мнений быть не может. Я — «за». Нету двух мнений,— повторил он, прикрывая ладонью зевок.— Ну, все, Леонид, теперь отдыхать.

— Постой, постой! Ты говоришь — «за». Почему тогда Колесникова не поддержишь?

— А что, у него своего голоса не хватает?

Пальцы

Сембен УСМАН
(Сенегал)

Пальцы, способные высекать
Из мрамора вечные статуи,
Пальцы, способные выражать
Мысли, волнующие и влекущие,—
Это пальцы творцов.

Пальцы, корявые и мозолистые,
Которые роют землю,
Раскрывая ее для посева,
Давая жизнь,—
Это пальцы пахарей.

Палец, нажимающий на курок,
Взгляд, на прицеле застывший...
Существованье этого пальца
Угрожает жизни людей!
Палец, несущий смерть,—
Это палец солдата.

Пусть сольются людские потоки
Всех наречий Европы и Азии,
Индии и океанов,
И Китая, и Африки...
Соединим наши пальцы,
Чтоб отнять силу
У этого пальца,
Несущего смерть!

Перевела с французского
Лидия НЕКРАСОВА.

Творить

Агостинью НЕТУ
(Ангола)

Творить,
Творить,
Творить в душе
И в мускулах,
И в существе,
И в веществе,
И в нервах...
Творить во что бы то ни стало!
Творить, творить,
Писать об оскверненье леса
И о бесстыдной жесткости кнута,
Писать о запахе изрубленных стволов.
Творить,
Творить во что бы то ни стало!
Творить,
Смеясь над издевательством жестоким,
Воспитывая твердость в слабых
И пробуждая силу против силы
И стойкость в неуверенной крови́.
Творить,
Творить во что бы то ни стало!
Творить,
Творить сиянье звезд
Над молотом войны,
Спокойный мир — над детским плачем,
Мир над пролитым пóтом,
Над слезой раба,
Над ненавистью мир творить,
Творить во что бы то ни стало!
Творить, творить
Свободу на дорогах рабства,
Любовь на оскверненных пажитях любви
И над покачивающимися телами
На виселицах,—
Жизнь творить!
Творить любовь,
Творить во что бы то ни стало!

Перевела с португальского
Лидия НЕКРАСОВА.

— Ты ведь сам знаешь, что твой авторитет больше...

— Ну, это нет! Это уже не туда. Это, знаешь, культ. Как это так «авторитет»? Пусть сам добивается, чтобы на заделки не ставили. Пришел, мол, Лемехов на объект, пусть тянет до победного.

— Не так, совсем не так! — громко перебил его Леня.

Лемехов нахмурился:

— Ты что кричишь? Ночь. Люди отдыхают.

— Не так, совсем не так,— повторил Леня тихо, но еще в запальчивости.— Не Колесникову на тебя надо жаловаться, а тебе самому по совести начальству заявить: я на объект пришел, я с него не уйду.

— По совести? — переспросил Лемехов.— Ты, я вижу, в бога веруешь! Ничего, как-нибудь без нас разберутся, где и что какой бригаде делать.

— Похоже, что сами не разберутся...

Лемехов покачал головой.

— Не будь умней всех, Леня. Ты здесь недавно, а мы... И ты еще в таких делах не понимаешь...

— Нет, я понял,— сказал Леня настойчиво.

— А я говорю тебе, не понимаешь. Ты сообрази, есть разница между нами и колесниковской бригадой? Там что? Сборная солянка! А у нас? В газете было напечатано: «Крылатые люди».

— И там люди есть,— сказал Леня.— Взять того же Глазкина.

— Э, брось, не бери! Он тебе не ровня, этот урка.

— Легче на поворотах, Лемехов! Подбирай выражения.

— Это ты мне? — удивился Лемехов.— Это ты мне говоришь? — повторил он с накипающей злостью.— Без году неделя на стройке, в такую бригаду попал, на перинах спишь, резедой дышишь... Скоро звание получим, а он... Тебе что, чужое корыто дороже? Так ведь мы здесь насильно не держим.

Леня молча выдержал этот штурм, потом тихо сказал:

— А я ведь и не держусь. Временно можно и без резеды.

Лемехов вдруг словно отрезвел:

— Да ты никак вправду к Колесникову собрался?

— Попробую,— все так же спокойно сказал Леня.— Доложу завтра в УНР...

— Значит, собрался? — снова спросил Лемехов.— Ну что ж, иди. Только смотри, лучше, чем со мной, тебе нигде не будет.

Леня толкнул дверь, и Лемехов с новой злостью крикнул:

— Иди, иди, шут с тобой, но смотри, чтобы завтра же утром... Собирай вещи!

— За этим дело не станет!

Как ни старался Леня не шуметь, его приход разбудил Чуйкова.

— Ты бы уж прямо к смене шагал,— посоветовал Чуйков-старший.

— Это он у Сенечки Глазкина девчонку отбивал,— сказал Чуйков-младший, протирая сонные глаза.

Леня, не отвечая на шуточки товарищей, вытащил свой солдатский баул и стал складывать вещи.

— У него намерения серьезные,— сказал Чуйков-старший,— он хочет жениться.

— Отделяешься, значит? — спросил Чуйков-младший.

Но видя, что Леня огорчен и что его молчание серьезно, братья стали расспрашивать, что случилось.

Они уснули на рассвете, а уже через час по всем комнатам зазвонили будильники. Лемехов только успел закончить утреннюю зарядку, как в его светелку поднялись братья Чуйковы: поговорить надо.

— Может, лучше после работы? — спросил Лемехов, у которого после ночного разговора шумело в голове.

— Нет, уж лучше сейчас,— сказал старший брат.

— Да, лучше сейчас,— подтвердил младший.— У нас дело.

— Дело, и серьезное,— сказал старший.— Мы с Леней Ивановым всю ночь проговорили...

— А, в курсе, значит!

— В курсе и с выводами не согласны.

Лемехов нахмурился:

— Я его из бригады не гнал, он сам.

— Ну, кто кого гнал, мы сейчас не разбираем. Мы не о том. Надо о чести бригады подумать.

— Вот это правильно,— обрадовался Лемехов.— Верно, ребята, верно. Да я о том только и хлопочу. Ну, пусть поругались мы, пусть у него недопонимание и так далее, но все в своем орудии. Колесников здесь при чем? Сраму потом не оберемся.

— Ну, уж это громко! — возразил Чуйков-старший.— Но действительно Леня Иванов—каменщик еще молодой. Леню еще самого, это верно, надо учить и учить. И он один Колесникову не большая помощь.

— А, не о том речь идет!..— с досадой перебил его Лемехов.

— О том, Костя, не сомневайся, именно об этом,— продолжал Чуйков-старший.— Солянка сборная! В самый раз помочь... Но уж помогать так помогать.

— Помогать так помогать,— повторил Чуйков-младший.— Сегодня же будем просить начальство, пусть нас вместе с Леней Ивановым направляют к Колесникову. Мы-то ведь кадры старые, проверенные, верно? Уж на нас Колесников может положиться.

Братья рассказывали потом, что в ту минуту Лемехов был совершенно белый. У него даже губы побелели. И он слишком хорошо знал Чуйковых, знал, что решение их крепкое.

— Рубашки! — приказал Лемехов. Голос его звучал хрипло, срывался.— Рубашки! Снять! Ясно? Не ваше! Ясно?

Братья переглянулись.

— Ну как, отдадим ему его славу? — спросил старший.

— Отдадим, отдадим, не пожалеем! — ответил младший.

В тот же день удивительный слух облетел стройку: из бригады «Белых рубашек» ушли трое известных каменщиков. Еще не знали толком, кто. Называли Алешку Вагинова, Силантьева и Чуйкова-старшего. Называли и другие имена. Только после смены узнали о Лене. Но едва с этим освоились — новый слух: бригада вышла на работу кто в чем. Кто в комбинезоне, кто в майке, кто в ковбойке, кто в гимнастерке с засученными рукавами. И только сам бригадир, Костя Лемехов, вышел на работу в своей обычной, белой, тщательно выутюженной рубашке.

Что у них там произошло? Этого никто не знал. Ребята отвечали неохотно и по-разному. К Лемехову никто и не подступался: так он был мрачен.

Несколько версий гуляло по стройке. Говорили, что в бригаде было собрание, на котором постановили снять рубашки с родными метками, и все было решено демократично, тайным голосованием. Но никто не объяснил, почему вдруг по такому поводу собралась бригада. И как это можно решать голосованием — ковбойка или майка?

Кажется, другая версия была более верной. Здесь не обошлось без горячности. Ведь в бригаде сразу узнали о разрыве Лемехова с братьями Чуйковыми и с Леней. Да некоторые своими ушами слышали, как Лемехов приказал Чуйковым снять белые рубашки. Похоже на правду, что все тут же и побросали свои рубашки, и в большой запальчивости.

Хорошо, что в тот день на стройке не было никого посторонних. Посмотрели бы они, как лучшая строительная бригада возвращалась домой. Не слышно было бодрых песен, и смех не звучал, как всегда. Обычно в центре был Лемехов. Сегодня он возвращался домой один.

И это хороший урок для автора: нельзя полностью полагаться на своих, пусть даже положительных героев. Надо уметь управлять их поступками. Почему, например, после содержательного спора не прийти к какому-то мирному решению? Зачем надо было доводить дело до ссоры между Лемеховым и Леней, и, что еще хуже, между Лемеховым и Чуйковыми, и, что просто непозволительно, между Лемеховым и всей бригадой? Кому это на руку?

Войдите в положение Лемехова. Кто же создал эту бригаду, как не он? И чем отплатили ему земляки за все хорошее? И как оставаться бригадиром после того, что произошло? Конечно, бригадир — должность не выборная. Бригадир назначается начальником работ. Все это так. Но как работать без душевного контакта с товарищами? Вот именно насчет этого, насчет душевного контакта, и объявили на завтра комсомольское собрание; вход свободен для всех желающих. В самый раз обсудить, что произошло в бригаде.

Что ж, Лемехов готов. Его выступление ясно. И только оно может помочь автору и навести порядок в этом рассказе. Лемехов расскажет все так, как оно было, без утайки. Все по порядку. С того самого момента, как у Лени Иванова украли рубашку. Да, если бы не эта кража, жизнь шла бы и шла. С этой кражи все и началось. И что же в результате? Вместо того, чтобы судить Глазкина, разбирают бригадира лучшей бригады каменщиков. Может быть, прямо так и начать завтра свое выступление?

Но тут он вспомнил, что дал слово «амнистировать» Семена Глазкина, и прямо-таки зубами заскрипел: слово Константина Лемехова было и есть, как камень. И если Леня и другие ребята сами не подымут этого вопроса, он будет вынужден молчать. Но два слова о кадрах, всего два слова! Пока что Лемехов еще бригадир, человек ответственный, государст-

венный, отвечающий перед государством, и он не позволит растаскивать кадры. Что же это получится: сегодня уйдет один, завтра другой, этак нетрудно по винтику, по кирпичику растащить всю бригаду! Он говорит об этом объективно, потому что сам решил уйти с бригадирства. А еще лучше и не работать здесь, а на другой стройке... уехать.

Уехать! Он так ясно услышал это слово, как будто не он, а кто-то другой произнес его вслух. Он даже остановился, прислушиваясь, огляделся.

Отсюда, сверху, стройка была поразительно хороша. Было видно черное тело плотины, по обе стороны окруженное огнями, и черная Волга, берега которой горели ярким электрическим светом. Так бывает во время праздничного салюта, когда небо в ракетах, а улицы кажутся темными и пустыми.

Лемехов вздохнул и стал спускаться вниз, по Интернациональной, к Волге.

Вскоре он был дома. Кто-то копался в низких грядках. Сильно пахло резедой. Костя, не глядя по сторонам, бегом поднялся по лестнице, одним рывком распахнул дверь.

В его комнате за столом кто-то сидел. В темноте он не мог разобрать, кто. Сильно застучало сердце: Леня?

Он зажег свет. Нет, это был не Леня. На столе валялась чужая кепка. За столом сидел Сеня Глазкин.

Увидев Лемехова, Глазкин сразу же вскочил. Вид у него был ужасно виноватый.

— Вот,— сказал он,— пришел к тебе по делу, не было тебя, дожидался...

Лемехов в первую минуту как-то растерялся:

— По какому такому делу?

— На вот...— И Глазкин протянул небольшой пакет, перевязанный веревкой.

Тут только Лемехов заметил и этот пакет и то, как Глазкин его держит: на вытянутой руке, хотя, видать, что пакет совсем не тяжелый.

— Зачем? — спросил Лемехов.— Что за фокусы? — Но пакет взял, быстро сдернул веревку и развернул. Рубашка! И метка на месте! — Это что же... это как? Значит, ты...

— Значит, я, — сказал Глазкин и отвернулся.— Рецидив, Лемехов, понятно?

— Вопрос! Что я, не знаю, почему ты своего дружка прогнал... — Он кивнул на Ленину рубашку.

— Не гнал я его. Он сам...

— Ну, может быть, вам виднее. Однако начальник УНР приказал: будет работать у нас, и два брата сочувствующие. Колесников, тот как узнал, так за голову схватился...

— Да уж прямо... Ему-то что?

— Боится, что теперь вся ваша бригада развалится.

— Ему-то что?!

— Заладила сорока Якова! Как что? Накануне присвоения... А у тебя характер известный.

— Нет, уж ты мой характер оставь, — сказал Лемехов. — Выходит, это Колесников тебя прислал?

Глазкин ничего не ответил. Оба молчали, прямо глядя друг другу в глаза. Потом Глазкин решительно нахлобучил кепку.

— Эх ты, товарищ Лемехов, человеку не поверил!..

И вышел из комнаты. В тишине хлопнула калитка, послышалось радио из соседней комнаты, кто-то в садике крикнул: «Добро!».

Лемехов, морщась, подошел к столу, взял кружку, налил воды, но не стал пить, а сел, чувствуя страшную усталость. Обеими руками держа кружку, он сидел, вспоминая прошлую ночь и сегодняшний день. Он сделал глоток, вода была противная, теплая, и в эту минуту снова увидел на столе белую рубашку с синей меткой. Так, значит, с этим вопросом действительно все? Признание, добровольное признание Глазкина! Это как раз то, чего ему не хватало! Завтра на собрании он сможет рассказать все так, как оно на самом деле было, с чего началось и чем кончилось. Началось, может быть, но кончилось?..

Лемехов резко отставил кружку, вода плеснулась на стол, схватил рубашку и выбежал из комнаты.

— Сеня! Глазкин! — крикнул он.

Никто не ответил. Куда он пошел? Наверх, в город, или вниз, к Волге? Вероятно, все-таки к Волге: там недалеко их общежитие.

— Сеня! Глазкин! — снова крикнул Лемехов

башку и, весело размахнувшись, бросил в реку.

— Фу, черт! Действительно, характер! — сказал Глазкин, не то восхищаясь Лемеховым, не то осуждая его. — Как же ты теперь завтра, на собрании?

— А что?

— Без фактических доказательств... Сам потопил...

— На кой она мне!

— Да ведь из-за нее у вас все и началось!

— Ты думаешь?

— Слушай, не морочь мне голову... С чего ж это тогда, интересно, раздоры у вас?

— С чего? — переспросил Лемехов задумчиво. — Как мне тебе, Глазкин, ответить, не знаю. Надо разобраться, подумать.

— Может, к нам зайдешь? — спросил Глазкин. — То, другое, своих бы повидал.

— Нет, Сеня, не пойду. Сегодня не пойду. Мне, пожалуй, лучше сегодня одному побыть. Передай Колесникову... А впрочем, нет, ничего не надо. До завтра!

— Ну, до завтра так до завтра,— сказал Глазкин.

Он пошел вдоль берега, а Лемехов еще постоял, глядя, как быстро прыгает по тропке узкая Сенечкина тень. Потом тень исчезла, и Лемехов зашагал домой. Он шел, думая о завтрашнем собрании, но ни разу не подумал о том, что рассказ этот совершенно погублен. Какая теперь, при сложившихся обстоятельствах, может быть концовка?

Автор предполагал под конец сурово осудить уход Лени, а затем и обоих Чуйковых, которые ушли как раз перед присуждением бригаде высокого звания. Но кто бы мог это сделать? Леня в порядке самокритики? Нет, он упрям и неповоротлив. Может, братья Чуйковы в интересах общего блага? Нет, они твердо решили, что помощь бригаде Колесникова — их кровное дело. Только Лемехов, он один! Но теперь, после встречи с Глазкиным, автор больше не может за него поручиться.

Автор понимает, что если не дать всему этому вовремя отпора, то начнется совершеннейшая анархия. К примеру, приедет новый человек на стройку, и сразу ему ясно, где что, и рубашки с метками. А ну, как в такую

— Ничего не понятно. Сам? Почему? Слушай, это что, Леня тебя послал? Да? Леня? — спросил он с жадностью.

— Какой Леня?

— Леня Иванов! Ты ведь у него эту рубашку...

— Я-то у него, да он-то ничего не знает. Завтра узнáет. Завтра все узнáют, — добавил Глазкин, как-то странно дернув плечом. (Удивительно все-таки верно изображал его Алешка!)

— Почему завтра? — спросил Лемехов.

— Как это почему? Я ж тебе вещь отдал? Отказываться не намерен. Или что, может, тебе расписку написать? Такого-то такого-то я, Глазкин Семен, совершил кражу без взлома?

— Значит, выходит, это признание?

— Выходит, так, — сказал Глазкин. — Чистосердечное, — прибавил он грустно и взял со стола кепку.

— Стой, стой! — крикнул Лемехов. — Ты сначала ответь: почему ко мне пришел? Почему не к Лене Иванову?

и вдруг увидел Семена Глазкина. Он шел, как всегда, руки в карманах, характерной, чуть подпрыгивающей походкой.

— Сеня, — сказал Лемехов, догнав Глазкина и стараясь подделаться под его мелкий шаг. — Сеня, хочу сказать тебе... Послушай, ну тебя к черту, не надо мне этой рубашки...

— Ты что ерунду несешь? — сказал Глазкин, удивляясь этому сбивчивому шепоту. — Ты что, что с тобой?

— Не надо, понимаешь, совсем не надо. Я сам... Понял? Ничего ты не понимаешь...

— Почему не понимаю? — спросил Глазкин, раздумывая. — Я очень понимаю. Не хочешь моей помощи? Брезгаешь?

— Не угадал, Сеня, не угадал! Ты мне и так уже помог, за что приношу благодарность...

— А ну, отдай вещь! — крикнул Глазкин с нарастающей яростью. — Не хочешь, так я сам на ваше собрание приду. Найду хозяина.

— Пожалуй, Сенечка, не найдешь. — Лемехов решительно оттолкнул Глазкина, нагнулся, поднял увесистый камень, завязал его в ру-

передовую бригаду какого-нибудь Сенечку? Поди, еще перевоспитывать надо. А учеба? А спорт? А план?

Мелькала у автора и другая концовка. Зарвавшийся Лемехов снят с поста бригадира. Рисовалась заманчивая сцена отъезда на другую стройку. Но никто, ни один человек из этой бригады, не взялся выступить за это предложение.

Наконец, можно было заставить вмешаться администрацию и навести порядок. Но начальник работ, мало того, что отказался повлиять на комсомольское собрание, еще и заявил, что оно «многому его научило».

Так и остался этот рассказ без концовки. Говорят, что спустя год после вышеизложенных событий постройком присудил звание бригады коммунистического труда двум бригадам — лемеховской и колесниковской. Но тут даже начинающему автору ясно, что это примитив, схема и бодрячок. Пусть рассказ неудачен, но уж лучше совсем без концовки, чем так.

Бессменный часовой

ПОКА ЕЩЕ ЛЕГЕНДА

С. С. СМИРНОВ

Писатель С. С. Смирнов, автор книги о героях Брестской крепости, в настоящее время работает над новой книгой документальных рассказов о неизвестных или малоизвестных подвигах героев Великой Отечественной войны. Эти рассказы по мере их написания будут печататься на страницах «Огонька». В сегодняшнем номере печатается первый рассказ этой будущей книги. В отличие от остальных он не относится к периоду Великой Отечественной войны, но рассказывает о случае совершенно необычном и единственном в своем роде. Редакция надеется, что читатели «Огонька» помогут автору в розысках неизвестного героя, о котором идет речь в данном рассказе.

Эта давняя и полулегендарная история произошла почти полвека назад. Впервые я услыхал ее от одного человека в Бресте, в дни, когда разыскивал героев Брестской крепости. Хотя он уверял, что это не легенда, а действительное происшествие, я не поверил ему тогда: слишком уж фантастическим казался его рассказ.

Но потом несколько человек, встретившихся или писавших мне, рассказали ту же самую историю. Одни знали о ней понаслышке, а другие даже читали сообщения о таком происшествии в советских и иностранных газетах и журналах в двадцатых годах. Наконец, в Западной Белоруссии в разное время я встретил двух бывших солдат польской армии Пилсудского, которые вспоминали, что в дни их службы — тоже в середине двадцатых годов — офицеры читали им вслух варшавские газеты с описанием подвига бессменного часового.

Сейчас у меня нет сомнений в истинности этого события. Оно остается легендарным, поскольку я пока еще не могу сообщить имени героя или сослаться на печатные источники. Провести нужные и нелегкие розыски я до сих пор не смог и вряд ли смогу в ближайшем будущем, а держать дольше такой материал в своих блокнотах считаю невозможным.

Еще одна оговорка. Я не могу точно указать место, где произошел этот случай. Большинство тех, кто мне о нем рассказывал, говорят, что это было в Бресте, но другие называли старые русские крепости Осовец и Ивангород, находящиеся ныне на землях народной Польши. Исходя из большинства свидетельств, я буду вести повествование так, как если бы все это происходило в Бресте, но должен предупредить читателя, что дальнейшие исследования могут внести поправку в место действия описанного ниже события.

Вот какова, по рассказам тех, кто о ней помнит, удивительная история бессменного часового.

Было лето 1915 года, второго года первой мировой войны. В середине июля германские войска предприняли наступление на Восточном фронте. Под сильным натиском противника русские армии начали отходить. Была оставлена Варшава, за ней Люблин, и в конце концов наши войска вынуждены были покинуть восточные районы Польши. В августе немцы подошли к городу и крепости Брест-Литовск.

Удержать Брест русские армии не могли. Правда, Брестская крепость в то время уже не имела серьезного военного значения, но в ней и в окружающих ее фортах были размещены многочисленные армейские склады, и надо было сделать все, чтобы запасы, хранившиеся там, не попали в руки врага. Кое-что успели вывезти в тыл, а остальное перед эвакуацией города было приказано взорвать.

Среди прочих остался невывезенным и большой интендантский склад, находившийся где-то в окрестностях города. Он был расположен вблизи одного из фортов крепости, в глубоких подземных казематах, и в нем хранились обильные запасы продовольствия, солдатского обмундирования и белья.

Складом этим ведал некий полковник интендантской службы. Получив приказ взорвать подземные казематы с запасами, он заявил командованию, что этого не следует делать. Полковник объяснил, что местное население ничего не знает о существовании склада и достаточно будет лишь взорвать вход в подземелье, чтобы скрыть от противника местонахождение этих богатых запасов. Зато потом, когда русские войска снова отвоюют Брест, вход в склад легко будет раскопать, и его запасы удастся использовать.

Предложение полковника было принято. Саперы поспешно заложили динамит, и взрыв надежно завалил вход в подземелье, не оставив снаружи никаких следов склада. Теперь все эти подземные богатства могли спокойно дожидаться того момента, когда за ними вернутся их хозяева.

Через несколько часов в Брест вступили немцы. Сражения на Восточном фронте продолжались, но ожиданиям полковника так и не суждено было оправдаться: русские войска не успели отвоевать Брест; два года спустя произошла Октябрьская революция, и Советская Россия вышла из войны. А затем началась долгая и жестокая гражданская война.

В этой борьбе интендантский полковник, о котором шла речь, оказался по ту сторону баррикады — в рядах белогвардейских войск. И когда Красная Армия разбила врагов, он вместе со многими своими соратниками очутился где-то на задворках заграницы и, видимо, влачил там незавидное существование. И вот тогда, вероятно, в поисках средств к жизни он вспомнил, что владеет тайной взорванного в Бресте склада, и подумал, что на этой тайне можно неплохо заработать.

Именно по этим причинам в 1924 году, то есть спустя девять лет, полковник приехал в Варшаву — столицу панской Польши, на территории которой в то время находился Брест.

Неизвестно, за какую цену удалось бывшему интенданту продать свою тайну, но для Пилсудского и его генералов богатый подземный склад был лакомым куском. В Брест, на место, точно указанное полковником, была послана воинская команда, и солдаты принялись раскапывать заваленный вход в подземелье.

Полковник оказался памятливым человеком — уже вскоре солдаты наткнулись на каменный свод подземного туннеля. Была пробита широкая дыра, и в темноту склада спустился с факелом унтер-офицер.

И тогда произошло нечто невероятное.

Прежде чем унтер-офицер успел сделать несколько шагов, откуда-то из темной глубины туннеля гулко прогремел твердый и грозный окрик:

— Стой! Кто идет?

В наглухо засыпанном подземном складе, куда в течение девяти долгих лет не ступала нога человека, охраняя его, стоял на посту часовой.

Унтер остолбенел. Мысль о том, что в этом заброшенном подземелье может быть живой человек, казалась совершенно невозможной, и он решил, что имеет дело с чертовщиной. Перепуганный, он поспешил выбраться наверх, к ожидавшим его товарищам, где получил должную взбучку от офицера за трусость и дурацкие выдумки. Приказав унтеру следовать за ним, офицер сам спустился в подземелье.

И снова, едва лишь поляки двинулись по сырому и темному туннелю, откуда-то спереди, из непроницаемо черной мглы, так же грозно и требовательно прозвучал окрик часового:

— Стой! Кто идет?

Вслед за тем в наступившей тишине явственно лязгнул затвор винтовки. Часовой стоял на посту и нес свою службу в строгом соответствии с воинским уставом. Подумав и справедливо рассудив, что нечистая сила вряд ли стала бы вооружаться винтовкой, офицер, хорошо говоривший по-русски, окликнул невидимого солдата и объяснил, кто он и зачем пришел. Ответ был совершенно неожиданным: часовой заявил, что его поставили сюда охранять склад и он не может допустить никого в подземелье, пока его не сменят на посту. Тогда ошеломленный офицер спросил, знает ли часовой, сколько времени он пробыл здесь, под землей.

— Да, знаю,— последовал ответ.— Я заступил на пост девять лет назад, в августе тысяча девятьсот пятнадцатого года.

Это казалось сном, нелепой фантазией, но там, во мраке туннеля, был живой человек, русский солдат, простоявший в карауле бессменно девять лет.

Начались долгие переговоры. Часовому объяснили, что произошло на земле за эти девять лет, рассказали, что царской армии, в которой он служил, уже не существует, и назвали фамилию его бывшего начальника — интендантского полковника, указавшего местонахождение склада. Только тогда он согласился покинуть свой пост.

Солдаты помогли ему выбраться наверх, на летнюю, залитую ярким солнцем землю. Прежде чем они успели рассмотреть этого человека, часовой громко закричал, закрывая лицо руками. Лишь тогда поляки вспомнили, что он провел девять лет в полной темноте и что надо было завязать ему глаза перед тем, как вывести наружу. Теперь было уже поздно: отвыкший от солнечного света, солдат ослеп.

Его кое-как успокоили, пообещав показать хорошим врачам. Тесно обступив его, польские солдаты с почтительным удивлением разглядывали этого необычного часового.

Густые темные волосы длинными, грязными космами падали ему на плечи и на спину, спускаясь ниже пояса. Широкая черная бо-

рода спадала до колен, и на заросшем волосами лице лишь выделялись уже незрячие глаза. Но этот подземный Робинзон был одет в добротную шинель с погонами, и на ногах у него были почти новые сапоги. Кто-то из солдат обратил внимание на винтовку часового, и офицер взял ее из рук русского, хотя тот с явной неохотой расстался с оружием. Обмениваясь возгласами удивления и качая головами, поляки рассматривали эту винтовку.

То была обычная русская трехлинейка образца 1891 года. Удивительным был только ее вид. Казалось, будто ее всего несколько минут назад взяли из пирамиды в образцовой солдатской казарме: она была тщательно вычищена, а затвор и ствол заботливо смазаны маслом. В таком же порядке оказались и обоймы с патронами в подсумке на поясе часового. Патроны тоже блестели от смазки, и их было ровно столько, сколько выдал солдату караульный начальник девять лет назад, при заступлении на пост. Польский офицер полюбопытствовал, чем смазывал солдат свое оружие.

— Я ел консервы, которые хранятся на складе,— ответил тот,— а маслом от них смазывал винтовку и патроны.

И солдат рассказал откопавшим его полякам историю своей девятилетней жизни под землей.

В день, когда был взорван вход в склад, он стоял на посту в подземном туннеле. Видимо, саперы очень торопились — немцы уже подходили к Бресту,— и, когда все было готово к взрыву, никто не спустился вниз проверить, не осталось ли в складе людей. В спешке эвакуации, вероятно, забыл про этот подземный пост и караульный начальник. А часовой, исправно неся службу, терпеливо ожидал смены, стоя, как положено, с винтовкой к ноге, в сырой полутьме каземата и поглядывая туда, где неподалеку от него, сквозь наклонную входную штольню подземелья, скупо сочился свет веселого солнечного дня. Иногда до него чуть слышно доносились голоса саперов, закладывающих у входа взрывчатку. Смена задерживалась, но часовой спокойно ждал.

И вдруг там, впереди, раздался глухой, сильный удар, больно отозвавшийся в ушах, землю под ногами солдата резко встряхнуло, и сразу же все вокруг окутала непроглядная, густая тьма.

Что испытал этот человек, когда весь страшный смысл происшедшего дошел до его сознания? То ли кинулся он, спотыкаясь и ударяясь в темноте о стены, туда, где был выход, пока не наткнулся на свежий завал, только что плотно отгородивший его от света, от жизни, от людей. То ли в отчаянии и в бешенстве кричал он, зовя на помощь, посылал проклятия тем, кто забыл о нем, заживо похоронив в этой глубокой могиле. То ли уравновешенный, закаленный характер бывалого солдата заставил его более спокойно отнестись к тому, что произошло. И быть может, убедившись в непоправимости случившегося, он привычно свернул солдатскую «козью ножку» и, затягиваясь едким махорочным дымком, принялся обдумывать свое положение.

Впрочем, если даже солдат на какое-то время поддался понятному в таких условиях отчаянию, он вскоре должен был понять, что сделать уже ничего нельзя, и, конечно, прежде всего стал знакомиться со своим подземным жильем.

В складе были большие запасы сухарей, консервов и других самых разнообразных продуктов. Если бы вместе с часовым тут, под землей, очутилась вся его рота, то и тогда этого хватило бы на много лет. Здесь оказались даже махорка, спички и много стеариновых свечей.

Тут была и вода. Вокруг Бреста немало болотистых, сырых мест, и грунтовые воды здесь находятся недалеко от поверхности земли. Стены подземного склада всегда были влажными, и кое-где на полу под ногами хлюпали лужи. Значит, и жажда не угрожала солдату. Сквозь какие-то невидимые поры земли в склад проникал воздух, и дышать можно было без труда. А потом солдат обнаружил, что в одном месте в своде туннеля пробита узкая и длинная вентиляционная шахта, выходящая на поверхность земли. Это отверстие, по счастью, осталось не совсем засыпанным, и сквозь него вверху брезжил мутный дневной свет.

Итак, у замурованного в подземелье солдата было все необходимое, чтобы поддерживать свою жизнь неограниченно долгое время. Оставалось только ждать и надеяться, что рано или поздно русская армия возвратится в Брест, и тогда засыпанный склад раскопают, а он снова вернется к жизни и к людям. Но, мечтая об этом, он, наверно, никогда не думал, что пройдет столько лет, прежде чем наступит день его освобождения.

Быть может, за эти годы солдат делал какие-нибудь попытки самостоятельно выбраться наружу, прокопать себе ход на поверхность земли? Говорят, будто у него были штык и нож, и, судя по тому, что мы знаем о нем, он обладал деятельным и упорным характером. Вряд ли он сидел сложа руки в течение девяти лет и пассивно ожидал, когда придет помощь. Были ли такие попытки и почему они потерпели неудачу, пока остается неизвестным.

Самое живое воображение было бы бессильным представить себе, что перечувствовал и передумал подземный узник за эти девять лет. В вечном мраке его темницы время должно было тянуться нестерпимо медленно. А он был наедине с собой, со своей памятью, хранившей, видимо, лишь немногочисленные события сравнительно небогатой биографии еще совсем молодого человека. Сколько бессчетных раз за эти годы должна была снова и снова пройти перед ним прожитая жизнь во всех своих мельчайших подробностях — и тех, что помнились, и тех, что, будучи забытыми, вспоминались ему лишь теперь! С какой яркостью в этой кромешной тьме вставали в его представлении дорогие ему лица родных и близких людей, товарищей-солдат! Как, боясь забыть живую речь, часами разговаривал он вслух с этими призраками своей памяти или с самим собой! Как в глубокой могильной тишине подземелья, куда не проникал ни один отзвук великих исторических событий, свершавшихся на земле, он порой мучительно старался представить себе, что произошло за это время там, наверху! Но какие бы предположения ни приходили на ум солдату, он не мог предугадать главного, что случилось в мире, и не знал, что на третий год своей подземной жизни он стал гражданином нового, социалистического государства.

Однако в его подземной жизни были свои события, нарушавшие однообразное течение времени и подвергавшие его иногда нелегким испытаниям.

Как уже говорилось, на складе хранились запасы стеариновых свечей, и первое время солдат мог освещать свое подземелье. Рассказывают, что однажды ночью горящая свеча вызвала пожар и, когда часовой проснулся, задыхаясь в густом дыму, склад был охвачен пламенем. Ему пришлось вести отчаянную борьбу с огнем. В конце концов обожженный и полузадохшийся, он все же сумел потушить пожар, но при этом сгорели оставшиеся запасы свечей и спичек, и отныне он был обречен на вечную темноту.

А потом ему пришлось вести настоящую войну, трудную, упорную и изнурительно долгую. Он оказался не единственным обитателем подземелья: на складе водились крысы. Сначала он даже обрадовался тому, что здесь, кроме него, были другие живые существа. Но крысы плодились с такой ужасающей быстротой и вели себя так дерзко, что скоро возникла опасность не только для складских запасов, но и для него самого. Тогда он стал истреблять крыс.

В непроницаемой темноте подземелья борьба человека с быстрыми, проворными хищниками была слишком неравной и трудной. Но человек научился различать своих невидимых врагов по шороху, по запаху, невольно развивая в себе острое чутье животного, и ловко подстерегал крыс, убивая их десятками и сотнями. Но они плодились еще быстрее, и эта война, становясь все более упорной, продолжалась в течение всех девяти лет, вплоть до того дня, когда солдат вышел наверх.

Говорят, что у подземного часового был свой необыкновенный календарь. Каждый день, когда наверху, в узком отверстии вентиляционной шахты, угасал бледный лучик света, солдат делал на стене подземного туннеля зарубку, обозначающую прошедший день. Он вел счет даже дням недели, и в воскресенье зарубка на стене была длиннее других. А когда наступала суббота, он, как подобает истому русскому солдату, свято соблюдал армейский «банный день». Конечно, он не мог помыться: в ямках-колодцах, которые он вырыл ножом и штыком в полу подземелья, за день набиралось совсем немного воды, и ее хватало только для питья. Его еженедельная «баня» состояла в том, что он шел в отделение склада, где хранилось обмундирование, и брал из тюка чистую пару солдатского белья и новые портянки.

Он надевал свежую сорочку и кальсоны и, аккуратно сложив свое грязное белье, клал его отдельной стопой у стены каземата. Эта стопа, растущая с каждой неделей, и была его календарем, где четыре пары грязного белья обозначали месяц, а пятьдесят две пары — год подземной жизни. Когда настал день его освобождения, в этом своеобразном календаре, который уже разросся до нескольких стоп, накопилось больше четырехсот пятидесяти пар грязного белья. Вот почему часовой так уверенно ответил на вопрос польского офицера: сколько времени он провел под землей?

Обо всем этом и, конечно, о многих других подробностях своей девятилетней жизни в подземелье солдат рассказал откопавшим его полякам. Говорят, из Бреста его отвезли в Варшаву. Там осмотревшие его врачи установили, что он ослеп навсегда. А потом подземного часового атаковали журналисты, и его история появилась на страницах польских газет. И, по словам бывших польских солдат, офицеры, читая тогда вслух газеты своим жолнерам, говорили им:

— Учитесь, как надо нести воинскую службу, у этого храброго русского солдата.

Солдату якобы предложили остаться в Польше, но он нетерпеливо рвался на родину и вскоре уехал то ли на Украину, то ли на Дон. На этом и оборвались его следы.

Вот и все, что я знаю о бессменном часовом. И если меня спросят: «Как могло случиться, что подвиг этот забыт, а имя героя никому не известно?»,— ответить будет нетрудно. Лишь за два года до того, как солдат вышел из своего подземного заточения, окончилась гражданская война, в которой старая «белая» армия была нашим злейшим, смертельным врагом. Все, что касалось этой армии — от погон до ее исторического прошлого,— было тогда глубоко чуждо и враждебно советскому народу. А бессменный часовой совершил свой подвиг, будучи в рядах этой старой армии. Вот почему его история пришлась в те годы как бы не ко времени и осталась забытой до наших дней.

Сейчас иное дело. Минули годы и десятилетия, мы спокойнее и мудрее смотрим в прошлое и справедливо считаем себя законными наследниками всего лучшего, благородного, героического в истории нашего народа и нашей армии. И подвиг подземного часового может занять достойное его место в этой славной и богатой истории. Надо только постараться найти следы этого человека, а возможно, и его самого. Если, по счастью, он жив до сих пор, ему должно быть по крайней мере около семидесяти лет. Если же нет, то, во всяком случае, где-то на нашей советской земле живут и здравствуют его потомки, близкие или дальние родственники, которые, наверно, не раз слышали из уст старого солдата повесть его подземной жизни.

Может быть, эти люди, как и все другие, кто знает о русском солдате, девять лет простоявшем на посту под землей, прочтя мой рассказ, сообщат то, что известно им об обстоятельствах события и о судьбе героя. Читатель уже не раз много помогал мне в поисках неизвестных героев и, я надеюсь, поможет и сейчас. Я не буду в претензии и на тех моих коллег — писателей или журналистов,— которые, заинтересовавшись этим рассказом, довели бы до успешного конца начатые мною поиски. Так или иначе, я твердо верю, что наступит день, когда эта легенда станет живой былью, и имя бессменного часового будет навсегда занесено в героическую летопись нашей армии.

Ф. В. Савостьянов. ДУША СОЛДАТА. (Дети войны).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

На обороте: Н. П. Толкунов. БЕССМЕРТИЕ. (Брест. 1941 г.).

Е. И. Самсонов. ПЕРЕД ЛИЦОМ НАРОДА.

ЧИТАТЕЛИ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗГОВОР, НАЧАТЫЙ АКТРИСОЙ В. П. МАРЕЦКОЙ

Наши вкладки

В одном из помещений выставочного зала «Советской России» были собраны картины, посвященные Великой Отечественной войне.

Художнику-жанристу Н. П. Толкунову всегда чужды были камерные темы. На его полотнах нашли отражение события революционного прошлого и героическое настоящее: организация ВЧК, Феликс Дзержинский, возглавивший борьбу с белым террором, гигантский размах послевоенных строек коммунизма... Величие характера советских людей с наибольшей силой воспето в картине «Бессмертие (Брест. 1941 г.)». Исполненная драматизма композиция, выразительность и экспрессивность каждой живописной детали — все подчинено глубокому философскому осмыслению темы героизма простого русского человека в борьбе с фашизмом.

На картинах ленинградца Ф. В. Савостьянова часто появлялись ребятишки, их улыбки, забавные игры... Картину «Душа солдата (Дети войны)», представленную на выставку «Советская Россия», художник посвятил трагедии детей, которых война лишила детства.

Е. И. Самсонов является одним из самых молодых членов недавно созданного правления художников РСФСР. Главное, что привлекает в картинах Самсонова, — это всегда удачно найденный сюжет, глубина драматизма в решении темы. Они появились и в получившей известность картине художника «На новые земли». Самсонов один из первых обратился к изображению подвига целинников.

Выразительна последняя работа художника — «Перед лицом народа». Чем великодушнее русский человек, тем строже судит он самое тяжкое преступление — измену Родине.

Где романтика нашей жизни?

Пачка писем—откликов наших читателей на выступление В. П. Марецкой — все растет. Читатели размышляют, советуют, спорят...

Если талантливая актриса, снимавшаяся в картинах, получивших признание всего народа, говорит о неблагополучном состоянии нашей кинематографии, о своем отказе сниматься в ряде фильмов, ведь есть о чем задуматься, не правда ли?

НЕТ, МЫ НЕ «НЫТИКИ»!

Я очень часто читаю газеты и журналы. Прочитала и «Огонек». И вот решила написать, хотя раньше никогда в жизни никуда не писала.

Я люблю кино. И мне очень хочется видеть фильм на современную тему. Уж очень надоело смотреть о том, что было раньше. Сколько хороших тем сегодняшних — например, о геройском труде, о материнской любви, о дружбе... И видишь все это вокруг себя каждый день и слышишь об этом. А в кино — только грусть да слезы. Нет, не такие уж мы «нытики», как в фильмах показывают! В жизни нашей много веселья и радости. И подчас красивее она, чем на экране видишь!..

В. СОКОЛОВА,
работница «Союзпечати»
г. Днепродзержинск.

ЧЕМ ЖЕ ЗАНЯТЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ?

Немало читаем мы и слушаем слов о том, что у нас есть фильмы серые, убогие. Но, к сожалению, что-то незаметно, чтобы после таких критических слов слабые фильмы перестали появляться.

Мне кажется, выступление В. Марецкой должно получить широкий отклик и среди артистов, деятелей киноискусства и среди зрителей.

Ведь это же парадокс, что у нас, в нашем кино, замерла творческая деятельность таких артистов, как В. Марецкая! Действительно, «с горя» она взялась за перо. И вместе с ней хочется верить, что будут, обязательно будут талантливые сценарии для талантливых артистов. Хочется верить и в то, что выступление В. Марецкой ускорит это дело.

Но само собою ничего не делается. И благими пожеланиями тоже ничего не изменишь. Надо бы выяснить роль так называемых художественных советов. Почему они соглашаются на выпуск иной раз далеко не совершенных произведений? Неужели ради выполнения плана?

П. ТУРЫЖНИКОВ
г. Псков.

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ, ТОВАРИЩИ СЦЕНАРИСТЫ!

Вероятно, не одну меня взволновала статья В. П. Марецкой. Взволновала не меньше, чем когда-то кинофильм «Сельская учительница». Настоящая любовь к искусству заставила актрису писать с болью в сердце.

Наши большие, любимые народом артисты не могут играть пустые, серые роли. Они «простаивают». И это огорчает народ. Но неужели же в нашей жизни перевелись герои? Неужели мало великих дел свершается нашими современниками? Неужели нечего рассказать о нашей жизни тем людям, которые пишут для кино?

Дорогие товарищи сценаристы! Если вы из окон своих кабинетов видите только унылые, серые заборы, приезжайте к нам, в Псковскую область! У нас заборов нет, а интересного, увлекательного сколько угодно на каждом шагу!

Какие есть люди, какие судьбы! И примем вас хорошо, помогать будем: без сценария от нас не уедете!

От всей души желаю, чтобы мечта Веры Петровны — а это и наша мечта — сбылась.

А. БУЧИНСКАЯ,
зав. Волышевским клубом, Псковская область.

См. «Огонек» № 23: выступление В. Марецкой «Почему я не снимаюсь в кино».

КРЫЛЬЯ НАШЕГО КИНО...

Дорогая Вера Петровна! Удивительно искренняя статья Ваша заставила меня о многом задуматься.

Нет, мне не кажется, что за последние несколько лет наше киноискусство пало. Первые премии на международных кинофестивалях, шумный успех наших фильмов в Америке, Франции, Бельгии... Не правда ли, это не случайно? А великолепная «Судьба человека»? А полюбившаяся всем нам «Баллада о солдате»?

К сожалению, таких крупных удач все-таки еще очень мало среди сегодняшних фильмов. Действительно, куда делись смелая мечта, романтическая окрыленность и те идеальные — в самом лучшем смысле слова — герои, о которых Вы пишете и которых Вам довелось играть?

Комедии наши стали куда скучнее. Герои же серьезных фильмов внешне красивы, а по сути своей это какие-то приземленные люди.

Я не хочу быть голословной. Сошлюсь хотя бы на кинофильм «Аннушка». По замыслу он немного похож на «Сельскую учительницу». Героиня — простая русская женщина-труженица — проходит сквозь все невзгоды войны. Создатели картины нас уверяют, что Аннушка сохранила светлую душу и большое сердце, а фильм не трогает, кажется будничным-серым, неинтересным.

Судьба Аннушки никаких больших мыслей, никаких больших чувств не вызывает. А ведь искусство должно куда-то вести, открывать большие горизонты. Иначе оно перестает быть искусством.

Но все мы, так же как и Вы, Вера Петровна, думаем, что наше кино снова обретет свои крылья. Мы думаем так потому, что любим его.

И. МАТВЕЕВА,
студентка 1-го медицинского института. Москва.

О ПЕСНЕ СОВСЕМ ЗАБЫЛИ...

Передайте народной артистке СССР Марецкой: написать бы ей лет десять назад такую статью. Сколько за это время создано слабых фильмов! Сколько народных денег полетело на ветер! И может, посильней еще надо бы написать... В самом деле: иной раз посмотришь фильм, вышел из зала и забыл, о чем речь шла. И еще мне хотелось бы добавить ко всем вопросам, поднятым В. П. Марецкой: мужественные, красивые герои всегда дружили в кинофильмах с хорошей, задушевной песней. Мы с песней шли в бои во время Великой Отечественной войны, с песней отдавали жизнь за нашу любимую Отчизну. А сейчас, когда весело на душе и работа спорится, песня нам еще нужней!

Н. НИКОЛАЕВ,
строймастер паровозного депо ст. Жмеринка.

НУЖНО ЛИ СТОЛЬКО ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛЬМОВ?

Растревожило меня письмо В. П. Марецкой... Каждый раз, собираясь в кино, думаю: наверное, хорошую картину покажут. А домой возвращаешься чаще всего разочарованный.

Много на наших экранах идет зарубежных фильмов. Правильно ли это? Стоит ли показывать фильмы, которые ничего не говорят нашему зрителю, не понятны, а иногда и чужды ему по идеям и настроениям?

Вот посмотрели колхозники у нас в клубе «Любовь женщины», а потом спрашивают: «Что это за фильм, для чего его нам показывают?..»

Видимо, плохо еще знают работники нашей кинематографии запросы наших зрителей, мало бывают среди народа.

К. ЮРЬЕВ
Архангельская обл., с. Тимошино.

КОЛХОЗНИКИ ОБИЖАЮТСЯ, И СПРАВЕДЛИВО

Правдиво написала В. П. Марецкая о нашем кино!.. Я работаю председателем колхоза. У нас есть хороший клуб, стационарная киноустановка; восемнадцать — двадцать кинофильмов демонстрируется каждый месяц. И что вы думаете: все больше иностранные!.. Далеки они от нашей жизни, от наших интересов. Колхозники обижаются.

Правильно говорит В. Марецкая, что в кино разговаривают и дремлют: ведь нашу настоящую жизнь на экране увидишь редко. Лишь в специальных сельхозфильмах диктор расскажет, что происходит на фермах, полях, в домах колхозников. А где художественные фильмы?!. Наши колхозники спрашивают: «Почему не стало таких картин, как «Свинарка и пастух», «Трактористы», «Богатая невеста», «Кубанские казаки»?».

Прошу извинения, писатель я плохой, хотел только передать просьбу всех колхозников: чаще поднимайте вопросы о нашем кино и о тех, кто его создает.

Ф. БЕЛОУС,
председатель колхоза «Красное знамя», Давид-Городокского р-на, Брестской области.

Рассказы о новых науках

КОГДА ВИНОВАТО СОЛНЦЕ

Андрей ЭММЕ,
кандидат биологических наук

Рисунки Б. Боссарта.

Это произошло в один из погожих июльских дней. В лесу было тихо, и полуденное солнце мягкими лучами грело землю прогалин. Но вот куда-то пропали беззаботно порхавшие нарядные кирпично-красные с черным рисунком бабочки-крапивницы. Теперь их можно было лишь с трудом разыскать в дуплах деревьев, в пучках сухих веток. Кто-то в нашей компании, состоявшей из лиц не первой молодости, стал тихонько потирать поясницу, другой разминать коленку, а кое-кто почувствовал и сердечную слабость. Прошло немного времени, и небо застлало тучами...

Почему с переменой погоды люди внезапно испытывают головокружение, слабость, боли в пояснице, сердечные приступы? Одни более работоспособны весной, другие осенью...

Представьте, от скольких неприятностей были бы мы избавлены, если бы по радио передавали такие сообщения:

«Слушайте, слушайте, слушайте! Экстренный выпуск Всесоюзного института медицинской климатологии. Передаем сводку на ближайшие три дня. Завтра с полудня постепенно начнет усиливаться солнечная активность. В связи с этим на Землю обрушатся мощные ливни космической радиации, произойдут магнитные бури. Сердечным больным первой группы с завтрашнего дня соблюдать постельный режим. Сердечным больным второй группы разрешается ограниченная активность, обязательно профилактическое применение валидола. Страдающим хроническим ревматизмом предлагается сегодня же начать курс профилактических мероприятий. Завтра с утра будут открыты все подземные камеры. Вниманию психиатров. Приведите в полную готовность статические приборы и камеры нейтрализации...»

СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА И ЗДОРОВЬЕ ЛЮДЕЙ

Небесному светилу издавна приписывали сверхъестественное влияние на земную жизнь. Ему поклонялись, приносили жертвы. А после того, как была установлена периодичность солнечной активности, фантазия людей разыгралась совсем бурно. Цивилизация наложила свой отпечаток и на суеверия. Солнцу стали приписывать эпидемии холеры и оспы, смены кабинетов министров в Англии, экономические кризисы, аварии на транспорте, рост преступности несовершеннолетних...

Что же происходит на самом деле? Врачи Сочинского управления курортами отмечают, что в периоды усиления солнечной активности ухудшается состояние сердечных больных и гипертоников. Зарубежные медики отметили, что в эти периоды возрастает количество инфарктов миокарда и легочных кровотечений при туберкулезе. Все давно знают, что люди, больные ревматизмом, являются своеобразными «погодоясновидцами»: так чутко они реагируют на изменения погоды.

МОДЕЛЬ И КОСМОС

Как происходит влияние внешних условий на организм? Понять это помогают модельные опыты. Каждая клеточка тела любого живого существа состоит из протоплазмы. По некоторым свойствам она напоминает растворы клея, желатина, хлористого висмута. Итальянский ученый Джорджо Пиккарди держал эти растворы, казалось бы, в идеально постоянных условиях: при одной и той же температуре, влажности воздуха и освещении. И, несмотря на это, растворы были страшно капризны: вдруг мутнели, в них выпадали осадки, они не желали долго сохранять свой девственный облик и цвет.

В мире нет беспричинных явлений. Ученые нашли причины и этих капризов. Оказалось, что коллоидные растворы чутко реагируют на изменения магнитного поля Земли, ее электрического поля, на изменения солнечной активности.

Как же человек судит о состоянии Солнца? Наблюдая за нашим светилом, ученые установили, что за последние 200 лет непрерывно чередуются периоды с бо́льшим или меньшим количеством пятен на нем. Доказано, что мы видим пятна и факелы на Солнце, когда там невероятно усиливаются термоядерные реакции, сопровождающиеся колоссальными взрывами и вихревыми движениями гигантских газовых скоплений. Из Солнца выбрасываются огромные количества заряженных частиц. Попадая в атмосферу Земли, они вызывают в ней сильнейшие возмущения: усиливаются передвижения воздушных масс, сталкиваются холодные и теплые течения, возникают циклоны и антициклоны, и все это происходит на фоне магнитных бурь. В это время может прерываться работа радио, телевидения, телеграфа и телефона. На морях и океанах разыгрываются штормы необычайной силы. А на небе возникают роскошные картины сияний, как будто призванных вознаградить людей за неприятности, причиненные коварной природой.

Магнитная буря... Чтобы понять смысл этих слов, надо вспомнить о земном магнетизме и электрических явлениях в неживой природе.

Наша планета имеет магнитное поле, которое порождается электрическими токами, постоянно циркулирующими в ее электропроводящем ядре. Благодаря магнитному полю вокруг Земли удерживаются потоки электрически заряженных частиц, образующих пояса радиации.

Во время магнитных бурь и происходят быстрые изменения силы земного магнетизма, которые особенно заметны в полярных областях. Об этих великих возмущениях робко свидетельствуют беспорядочные метания стрелки компаса...

А что об этом может рассказать стрелка вольтметра? Прежде всего она скажет, что мы живем в океане электричества. Оно под нами и вокруг нас. В земле непрерывно блуждают электрические токи. А на Землю обрушивается поток атомных ядер, обладающих колоссальными энергиями, пробивающими почву на глубину до километра. Разбивая встречающиеся в атмосфере атомы, эти ядра в конечном счете порождают ливни заряженных частиц. Знак и величина заряда электрического поля атмосферы непрерывно изменяются. Стрелка вольтметра идет вверх, когда возрастает интенсивность потока космической радиации. Она же, в свою очередь, зависит от вращения Солнца вокруг своей оси и вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца. В результате изменения положения Земли по отношению к Солнцу и Луне возникают приливы и отливы в океанах и атмосфере. Изменения толщины слоя атмосферы вызывают изменения барометрического давления.

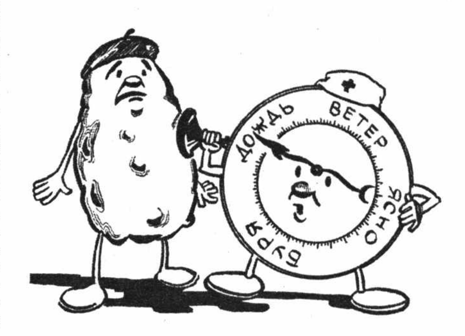
...Эти-то процессы и заставляли мутнеть растворы в опытах Пиккарди. Так, от его баночек протянулись зримые нити к Солнцу.

КАРТОФЕЛЬ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПОГОДУ

Не только люди, животные и насекомые чувствуют на себе влияние погоды, но и растения.

Возьмем обыкновенный картофель.

Наблюдая изо дня в день за кривой его дыхания, можно установить, что она часто меняется, даже если клубни содержатся при неизменных условиях. Отчего?

Прежде всего была установлена связь с барометрическим давлением. Даже вырезанный из клубня и помещенный в закрытый подвал кусочек с глазком тонко чувствует все изменения барометрического давления. Измеряя дыхание этого заключенного в темницу узника, мы узнаем о давлении, которое было с 2 часов ночи до 6 часов утра в тот же день и которое было с 2 часов дня до 6 часов вечера накануне. Пожалуй, самое удивительное состоит в том, что по уровню дыхания кусочка клубня в данный день в 2 часа дня можно предсказать, каким будет барометрическое давление через сутки. Открыто живое волшебное зеркальце природы.

Не только изменение давления, но и другие космические процессы можно увидеть на кусочке картофеля.

В течение суток закономерно изменяется сила радиоактивных излучений Земли. Оказалось, что и эти излучения в разные дни бывают разной силы и что это также влияет на дыхание картофеля.

Изучение дыхания разных организмов, «заточенных» в подземные темницы в течение года, дало еще новые неожиданные результаты. Американский ученый Ф. Броун изучал дыхание заключенных в подземные условия клубней картофеля, моркови, водорослей, а также крабов, устриц, мышей и крыс. Все показания свидетельствовали о теснейшей связи их жизни с грандиозными земными и кос-

мическими процессами. Узники «знали» о барометрическом давлении, об интенсивности космической и земной радиоактивной радиации, о положении Земли по отношению к Луне и Солнцу.

БИОКЛИМАТОЛОГИЯ — НАУКА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

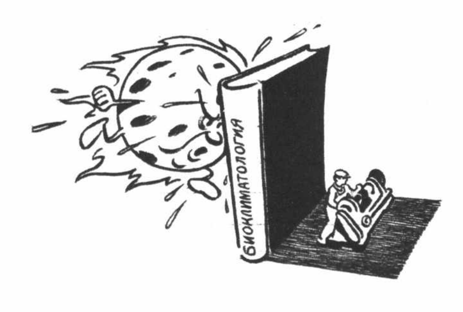
Так на наших глазах рождается новая наука — биоклиматология с двумя основными ветвями — медицинской и сельскохозяйственной. В их основе лежит изучение влияния всех сопутствующих жизни физических факторов на физиологические процессы растений, животных и человека.

Еще в конце прошлого столетия врачи и естествоиспытатели стали активно вмешиваться в электрические процессы организма. Француз д'Арсонваль, чтобы избежать неприятных ощущений, возникавших во время грозы, садился на стул статической электрической машины. Таким путем нейтрализовалось действие внешнего электрического поля. Физик А. П. Соколов тогда же предложил использовать в лечебных целях ионизацию воздуха, и этот прием широко разрабатывается сейчас исследованиями профессора А. Л. Чижевского.

Недавно при Киевской городской больнице сооружен биотрон — камера с искусственным климатом, в которой без лекарств, строго дозированными микроклиматическими условиями, под руководством Д. И. Панченко лечится гипертония и другие тяжелые заболевания.

Биоклиматология начинает вмешиваться не только в медицину, но и в сельское хозяйство.

Совсем недавно советские ученые А. В. Крылов и Г. А. Тараканова установили, что развитие растений зависит от того, к какому магнитному полюсу направлены зародыши их семян. Ориентированные в сторону южного магнитного полюса Земли семена пшеницы, кукурузы, гороха прорастают энергичнее семян, ориентированных к противоположному полюсу Земли. Профессор З. И. Журбицкий открыл, что в ясную погоду, когда в атмосфере преобладают положительные заряды, растения извлекают из почвы больше отрицательно заряженных частичек фосфорной кислоты и меньше положительно заряженных частиц кальция. Высокие растения, например злаки, значительно сильнее подвергаются действию атмосферного электричества, чем низкие (например, клевер), и соответственно этому извлекают из почвы значительно больше отрицательно заряженных частиц.

Все это свидетельствует о больших возможностях управления дыханием, развитием, а следовательно, и урожайностью растений. Не исключено, что в периоды солнечной активности пропадает очень много продукции сельского хозяйства. Думается, что пора широко заняться этой проблемой и разработкой профилактических мероприятий.

Сейчас биоклиматология ставит перед собой задачи: предотвращение потерь и стимуляцию продуктивности растений и животных, а также своевременное предупреждение людей о предстоящих неблагоприятных изменениях погоды и создание искусственного микроклимата для защиты и лечения больных. Вероятно, уже недалек день, когда служба предупреждения и биотроны прочно войдут в арсенал медицины.

Отсюда, из доменного цеха Сталинварошского металлургического комбината, идет венгерский чугун.

МОЛОД ПО ВСЕМ СТАТЬЯМ

— Как ни говори, а мы, каменщики, народ богатый. Нет в стране такого района, где бы наш дом не стоял! — послышался откуда-то сверху, со стены строящегося дома, хрипловатый баритон.

— Мы, молодежь, побогаче вас! — возразил звонкий, задорный тенорок.— Вы, так сказать, «домовладельцы», а мы «отцы города»! Ведь это мы его тут, на кукурузных полях, построили.

— Что правда, то правда. Город действительно ваш...

Этот разговор шел между старым рабочим-строителем дядюшкой Андрашем Куном и молодым каменщиком Шани Кочишем в самом молодом городе народной Венгрии — Сталинвароше, который ныне празднует свой юбилей.

Сталинварош юн не только потому, что ему всего десять лет. Он молод по всем статьям. Дело, которым заняты его жители, новое; город построен по новым, социалистическим принципам: он светел, зелен — и ни одной церкви. Да и население его составляет главным образом молодежь. Средний возраст жителей не достигает и 28 лет!

В 1950 году на берегу Дуная рядом с маленькой деревушкой Дунапентеле появились первые рабочие. Здесь начали строить большой металлургический комбинат. Со всех концов страны сюда съезжались инженеры, техники, еще не имеющая специальности молодежь. Люди шумные и энергичные селились в наспех сколоченных бараках. Они весело смеялись над нескладным жильем, ибо работа подвигалась быстро; вместе с заводом воздвигались жилые дома, школы, больницы, клубы, магазины, кафе. И не просто новые дома, а такие, каких старая Венгрия вообще не знала.

Сейчас, десять лет спустя, Сталинварош — крупный промышленный центр с тридцатипятитысячным населением. В одном конце города раскинулся Дунайский металлургический комбинат, в другом — речной порт. Всюду еще идет строительство, но в центре уже царят чистота и порядок.

Было бы неправильным утверждать, что у города совсем нет истории. Биографии сотен и сотен ударников труда составляют ее первые и славные страницы.

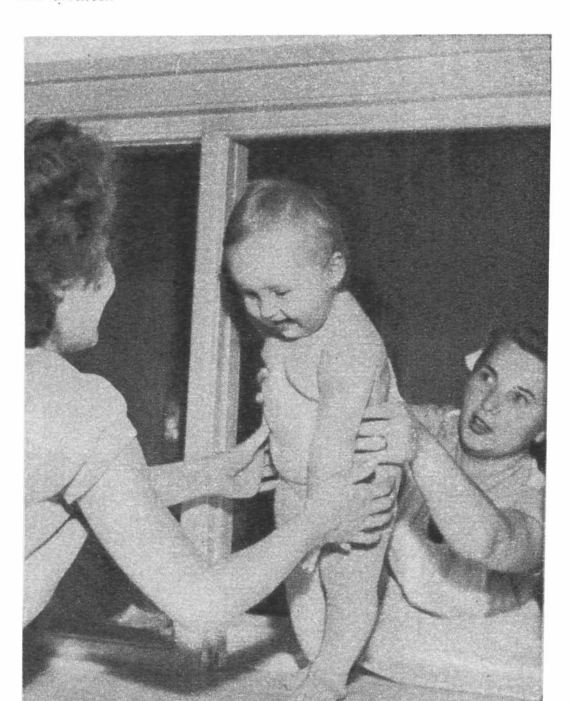
Так как двадцать процентов сталинварошцев моложе четырнадцати лет, «детскому вопросу» в городе уделяется большое внимание. Не говоря о детских садах, школах, техникумах, гимназии, в Сталинвароше для ребят разбит «Веселый парк», пущена пионерская железная дорога, открыты балетное и музыкальное училища.

Стальное сердце города — Дунайский металлургический комбинат. Строительство его еще не закончено, но продукцию комбината уже получают многие заводы страны. Две домны ежедневно дают 1 500 тонн чугуна. Четыре мартена в этом году обеспечат стране 350 тысяч тонн стали. Действуют механический завод, коксовые батареи, завод огнеупорного кирпича, электростанция. Развилась в Сталинвароше и легкая промышленность. Много женщин работает на швейной, бельевой, камвольной фабриках. Готовится к пуску и целлюлозная фабрика.

Жители молодого социалистического города широко отмечают его юбилей.

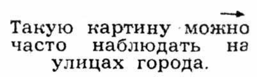
В эти дни советские люди, которые немало помогли венгерским друзьям в строительстве, желают юному городу новых успехов и дальнейшего расцвета.

Е. ТУМАРКИНА

В яслях Сталинвароша.

Фото Ирэн Ач и Тибора Фаркаша.

Такую картину можно часто наблюдать на улицах города.

Поездка в Новороссийск

Константин МУРЗИДИ

МОЕ ЧЕРНОМОРЬЕ

Осенив, обняв, окрылив,
Отчий берег встретил меня...
Зарябил, засиял прилив
Только ради такого дня.
Показалась гора Колдун,
Поклонился ей, оглядел.
Наколдуй мне веселых дум
И, конечно, веселых дел!
Виноградники поднялись,
Поднялись на шестах лучей,
И трепещет ласково лист,
Крупный лист на моем плече.
И, томясь по гроздьям литым,
В глубине винодельни чан
Кружит головы молодым...
Время здравицам и речам!
Но сошлись не все за столом,
Кто любил бокал поднимать.
Молча вспомнил я о былом,
Не решился тревожить мать.
Мы давно научились пить,
Не мешая вина и слез.
Ни к чему нам еще крепить
Добрый сок виноградных лоз.
Над мангалом юлит дымок...
С теми встретиться мне пора,
Кто явиться к столу не смог,
У кого свои вечера.
Я вернулся к вашим огням,
К эстакадам и пристаням.
Я приехал в город родной,
Но теперь он молод не мной.
Вот ребята — каждый жених.
Все на той стороне живут.
Если катер уйдет без них,
Сами бухту переплывут.
Там калитки меж тополей,
Меж зеленых живых оград,
Там в тени без луны милей,
Там и «нет» — одна из наград.
И срывается невзначай
С губ улыбка сама собой.
Рад, что свиделись? Отвечай!
Ближе к ночи — растет прибой.
Там, у пристани, старый дом,
Где крыльцо виноград обвил...
Мы и за год не обойдем
Эту землю первой любви.

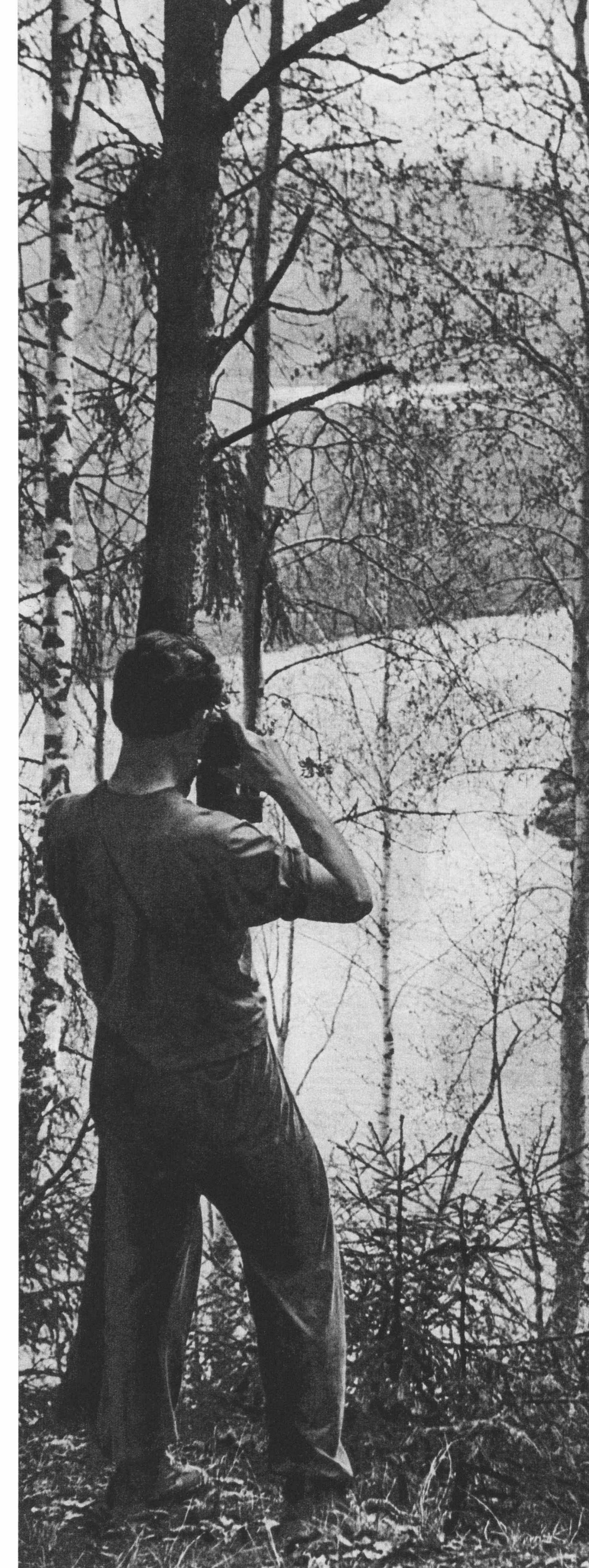
ВАГОН

Сорок третий жестокий год:
Били с моря по высоте,
И вагон, последний оплот,
На горящей стоял черте,
На делившей фронты меже,—
Там чужие, а тут свои.
На железном том рубеже
Шли решающие бои.
Был и знаком он путевым,
И окопом, и дотом был,
И разведчиком боевым,
Забежавшим во вражий тыл.
Весь в пробоинах, весь в золе,
Но с воинственною душой.
Колесо — на Малой земле,
Колесо — на земле Большой.
С ним живые вдвойне сильны,
Изрешечен, а ничего!
И решили после войны
Сделать памятником его
Тем, кого не увижу я
Никогда за своим столом.

Треугольные скал края,
Бухта синяя, волнолом,
Красный вымпел на корабле,
Чей-то ялик, не разобрать...
Жить нам, жить на Большой
земле
И вовеки не умирать!

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Вечер на̀ море надвигался,
Заливал горизонт огнем.
Шел заморский матрос, и
галстук
Пионерский алел на нем.
И припомнились детства годы...
Я, мальчишка, был очень горд:
Иностранные пароходы
Каждый день заходили в порт.
Если в праздник принять
просили,
Я кричал им: «Флаг поднимай!
Главный флаг!» Капитан
бессилен,
Не противится: Первомай.
Я уже понимал в те годы,
Мир наш надвое поделя:
То не палуба парохода,
То для нас чужая земля.
И поэтому был загадкой
Островок ее небольшой.
И хотелось хотя б украдкой
Заглянуть в этот мир чужой.
Так заманчиво! Вот он, рядом...
И дождался я: в культпоход
Мы отправились всем отрядом
На таинственный пароход.
Много задали мы вопросов,
Постепенно спустились вниз.
И внизу один из матросов
Тихо вымолвил: «Коммунист...»
И тогда вожатый отряда,
Не умея волненья скрыть,
Возбужденно шепнул нам: «Надо
Парню что-нибудь подарить».
Красный галстук — лучший
подарок,
Он как раз для такого дня.
А особенно, если ярок...
Самый яркий был у меня.
Мать купила его недавно:
«Береги, обнови на Май».
И сказал мне вожатый: «Славно!
Ну-ка, Костя, живей снимай!»
И поплыл пионерский галстук,
Цвет победного Октября,
Левым галсом и правым галсом
В неизведанные моря.
И теперь вот, выйдя на берег,
Там, где мол ракушкой оброс,
Я глазам своим не поверил:
Мне навстречу шагал матрос
С красным галстуком! Нет,
моложе...
Нет, нѐ он... Видать по всему,
Красный галстук на память тоже
Кто-нибудь подарил ему.
Улыбается парень, свищет,
Не впервой ему этот путь.
Вдаль глядит. Не меня ли ищет,
Чтобы мне подарок вернуть?
Хоть всегда мое сердце радо
Пионерскому кумачу,
Не возьму я его, не надо...
Я теперь одного хочу:
Пусть за морем побольше будет
Красных галстуков и знамен,
Пусть и там надеются люди
До завидных дожить времен.

ТОРОПИТЕСЬ ВИДЕТЬ ЗЕМЛЮ

Владимир **СОЛОУХИН**

Вот один парадокс. Техника двадцатого века почти уничтожила расстояния. Можно (берем лишь техническую сторону вопроса), пожелав искупаться в Черном море, слетать туда между завтраком и обедом. Рассказывают, что один болельщик летал из Москвы в Ленинград на интересный футбольный матч. Еще бы: полет до Ленинграда занимает 55 минут. Пожалуй, до московского стадиона с другого конца столицы проедешь ничуть не меньше. Путешествия, на которые раньше люди тратили месяцы и месяцы, теперь занимают 10—15 часов. Казалось бы, подобная революция в способах передвижения человека по нашей планете (вернее будет сказать: над нашей планетой) должна была бы высвободить огромное количество времени. Но в том-то и состоит парадокс, что свободного времени у нас стало гораздо меньше, чем, скажем, во времена, когда из Петербурга в Москву ездили исключительно на лошадях.

Человек устроен так (если он активен и деятелен), что его планы, замыслы, желания намного опережают действительный ход жизни, каким бы стремительным этот ход ни был. Невозможно осуществить все свои замыслы — значит, надо осуществлять самые главные, интересные, я бы сказал, самые родные.

Когда не так давно я вернулся из путешествия по тропическому Вьетнаму, меня дожидалось уже письмо из города Архангельска, от моего друга Михаила Скороходова. Один вид этого письма заставил меня смутиться: я вспомнил, что зимой мы говорили о том, как неплохо было бы побродить по северным нашим краям, где живут суровые, простодушные люди — поморы, где плавно и свободно текут к океану холодные светлые реки, теряясь в белой дымке вечного летнего дня.

В глазах моих еще возвышались, как бы заслоняя белый свет, пагоды, да каучуконосные деревья, да скалистые острова из бухты «спустившегося дракона», а между тем в письме значилось:

«...Посмотри, какой маршрут мы здесь разработали. Еще до Ермака Север был связан с Сибирью, там был полярный Багдад — Мангазея, теперь от нее остались одни развалины, а может быть, и развалин не осталось,— тундра. Из Великого Устюга купцы с товаром (смотри карту, я ее сам нарисовал, чтобы виднее было) весной спускались по Двине, поднимались по Пинеге, из Пинеги волоком — теперь там канал — в Кулой. В Долгощелье — пересадка, начинался морской путь...»

Картины Севера встали передо мной. Есть еще там замечательные места в низовьях Печоры, например, Усть-Цильма. Русские люди переселялись туда в древние времена от царских гонений и, окруженные лесами и тундрами, в целости сохранили те самые и обычаи, и одежду, и обряды, и песни, какие унесли с собой из среднерусских земель. Я, когда был в тех местах, видел в одном учреждении девушку-секретаршу. Она была одета в костюм примерно так XVI века, что не мешало ей бойко тюкать одним пальчиком на пишущей машинке. В Усть-Цильме поют такие старинные русские песни, каких уж невозможно услышать нигде, кроме тех мест. Говорят, кто побывал на Севере один раз, тот (железная закономерность!) обязательно приедет туда снова. Хорошо, что есть вот эти северные, тундровые, поморские баренцовы да печорские места, куда — было бы желание! — не заказана дорога.

Другое письмо, ожидавшее меня, прилетело с Памирских гор. Можно подумать, что это все я придумал нарочно для статьи. Ведь получается точь-в-точь как в песне: «С южных гор до северных морей». Но вот уж несколько лет альпинист, охотник и ученый Александр Кузнецов приглашает меня в альпинистский лагерь на Памире, обещая интересный поход к труднодоступным ледникам.

Есть также одна высокогорная долина не очень далеко от Пржевальска, в которой однажды пришлось переночевать и которая с тех пор так и стоит перед глазами, и зовет, и манит. Каждый год, планируя летнее отпускное время, вспоминаешь и про нее, но десятки других заветных мест и сотни дел не пускают пока в долину. Так и горит она в воображении, высоко приподнятая над землей, недосягаемая, окруженная глубочайшей тишиной вечных снегов.

В этот же день другой мой товарищ позвонил по телефону. С воодушевлением рассказывал он, что только что вернулся из одного места на Брянщине, с которым ничто уж на земле вроде бы и не может сравниться.

— Представь,— рассказывал друг,— две реки соединяются, образуя мыс. Одна река побыстрее, пошире, поноровистей, другая тихая да задумчивая. На мысу стоит село, тридцать дворов, а вокруг брянские, партизанские леса. Я попросился жить в избу, к старику да старухе... Вот только сейчас приехал... Не знают про такие места наши туристы!..

Да, каждый год перед наступлением лета буквально разбегаются глаза. В Тарханах, в усадьбе Арсеньевой, где половину жизни провел Михаил Юрьевич Лермонтов и где он похоронен, я уж успел побывать. Но все настойчивей манят пушкинские места («Прости, Тригорское, где радость меня встречала столько раз!..»). Хорошо бы поехать туда осенью, во время тихого, спокойного листопада, побродить по пустым аллеям, по шуршащим от листвы тропинкам, посидеть над озером.

А то еще есть Солотча, не очень далеко от Рязани, а значит, и от Москвы. Широко раскинулась там приокская пойма. В высоких сочных травах разбросаны небольшие озерки, старицы, заросшие белыми водяными лилиями. По высокому берегу — сосновые чистые боры. Глядя на рязанские дали, как-то особенно чувствуешь, понимаешь, что именно здесь должен был родиться, провести детство и юность такой поэт, как Сергей Есенин. Надо бы, надо бы съездить в ту деревню, где стоит его изба.

Правильно, надо побывать в Константинове. А был ли ты в Ясной Поляне? Это ведь так близко от Москвы. Можно дойти и пешком, и ходили люди, шли вереницами к яснополянскому старику.

Однако почему же все древние и памятные места? Конечно, их не перечислишь ни по пальцам, ни в памяти: и Ладога, и Суздаль, и могила Шевченко над Днепром, близ города Канева, и село Петрищево под Вереей, и Бородинское поле, и много-много всего. Но почему не Волго-Дон, не Московское море, не Курская магнитная аномалия? Почему, наконец, не просто волжская дельта под Астраханью, кубанские плавни или такие сказочные, неповторимые по красоте места, как Валдайская возвышенность? Может быть, именно туда-то и надо поехать в первую очередь? И, наконец, есть и такой вариант: Черное море, где-нибудь в районе Пицунды... Кто побывал на Черном море, тот скажет, что это не такое уж плохое место, чтобы им пренебрегать во время летнего отпуска, в беспокойный период туристских походов.

Разнообразна природа и красота планеты Земли. Разные страны гордятся своей, подчас неповторимой, подчас невиданной природой и красотой. В Швейцарии обратят ваше внимание на Альпы, в Албании — на цвет адриатической воды (особенно если смотреть с перевала Логара), в Болгарии покажут Долину роз, в Венгрии непременно похвастаются озером Балатоном, в Чехословакии знамениты Татры...

А там какой-нибудь водопад, а там оазис и мираж в пустыне, а там птичьи базары, а там пампасы и прерии. Бесконечно красива наша планета Земля! Бесконечны возможности путешествовать по ней, потому бесконечны, что все равно не хватит одной человеческой жизни, чтобы узнать и увидеть Землю.

Если же окинуть взглядом нашу страну, занимающую шестую часть планеты, то нетрудно заметить, что у нас есть почти все, что можно найти поврозь, путешествуя по тем или иным отдаленным странам. Люди, много ездившие и много видевшие, непременно подтвердят вам это. Любители пустынь, любители горных озер и горных вершин, любители водопадов, любители теплых морей, любители степных просторов, любители глухих лесов, любители широчайших или, наоборот, самых тихих тенистых рек, любители скал или камышовых зарослей, эдельвейсов или ромашек, жары или холода, кумыса или парного молока, древностей Востока или современных новостроек, грибов или мушмулы, ершей или скумбрии, охоты на глухарей или охоты в подводных зарослях, пешего хождения или бешеного полета на машинах, перегоняющих движение дня от востока к западу,—все найдут то, что им нужно.

Страна, красивейшая в мире, предоставлена в полное распоряжение каждого из нас. Это ли не великое счастье?!

Жаль вот только, подчас не хватает времени, и наверняка не хватит его в конце концов на то, чтобы увидеть и узнать как следует все, что мы называем нашей Родиной.

Торопитесь летать, ездить, ходить, плавать. Одним словом, путешествовать по Земле. Торопитесь видеть Землю!

ПЯТЕРО

Н. КОЗЛОВСКИЙ.

На курорт мы не поехали. Крым, Кавказ, Рижское взморье — это, конечно, здорово. Но мы решили отдохнуть совсем в другом месте. И, честное слово, не прогадали.

В лодке было пятеро киевлян, была хорошая погода и великолепное настроение. Нам казалось, что не может быть ничего красивее Десны и путешествия более увлекательного, чем наше.

Всякое путешествие начинается со сборов. В «порту» стоял готовый к походу «корабль», а на причале — наш багаж. Уму непостижимо, как он уместился в этом судне!

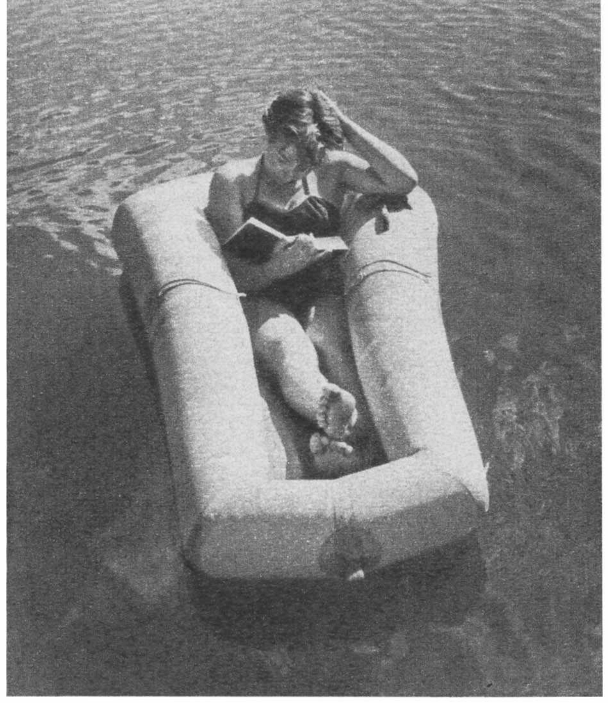

Простите, я забыл познакомить вас с моими спутниками. Это Владимир Ткаченко. Он слесарь, а по совместительству лихой рыболов, душа общества и владелец персонального «речного лайнера» мощностью в три лошадиных силы.

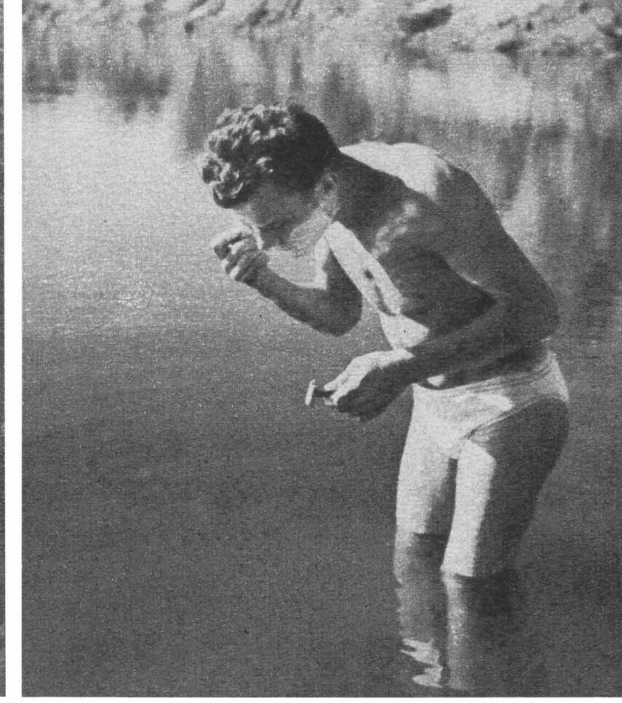
Не так-то легко обнаружить необитаемый островок на красавице Десне.

Слесарь Николай Бигус никогда не страдал отсутствием аппетита. Когда зашла речь о должности шеф-повара, решение было единодушным — Николай.

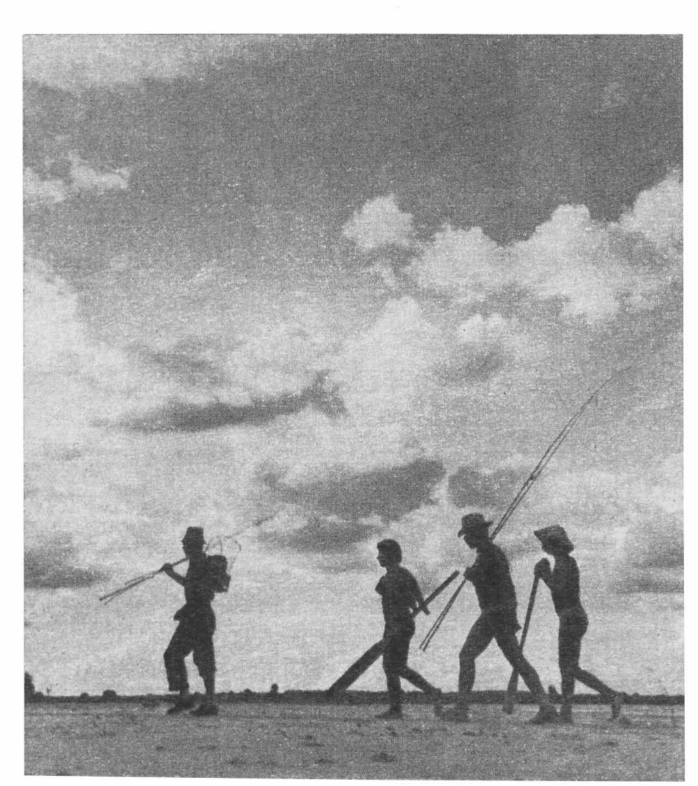

Маша Бигус — сестра Николая. Она экспедитор государственного банка, но сейчас, как видите, ее больше волнует судьба героев «Кон-Тики».

Анатолий Садовский — штамповщик. На киевском заводе «Точэлектроприбор», где он работает, производят, между прочим, и электробритвы. Но путешествие требует жертв. Не тащить же с собой электростанцию! Зато зеркало не нужно вовсе.

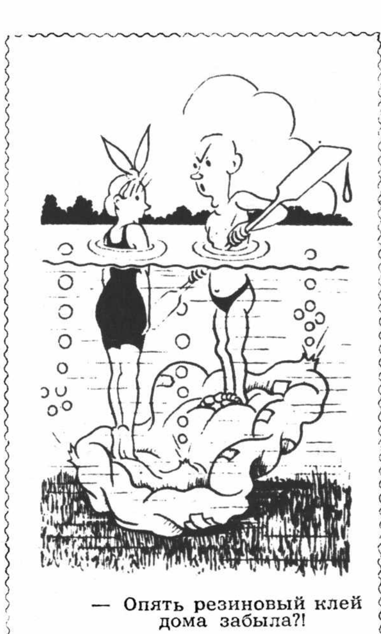
В ОДНОЙ ЛОДКЕ

А теперь в наступление на обитателей речных глубин...

Что может быть вкуснее ухи, пахнущей дымком ночного костра!

— Опять резиновый клей дома забыла?!

Рисунок А. Зубова.

Никому не доверит рыбак разделывать «добычу».

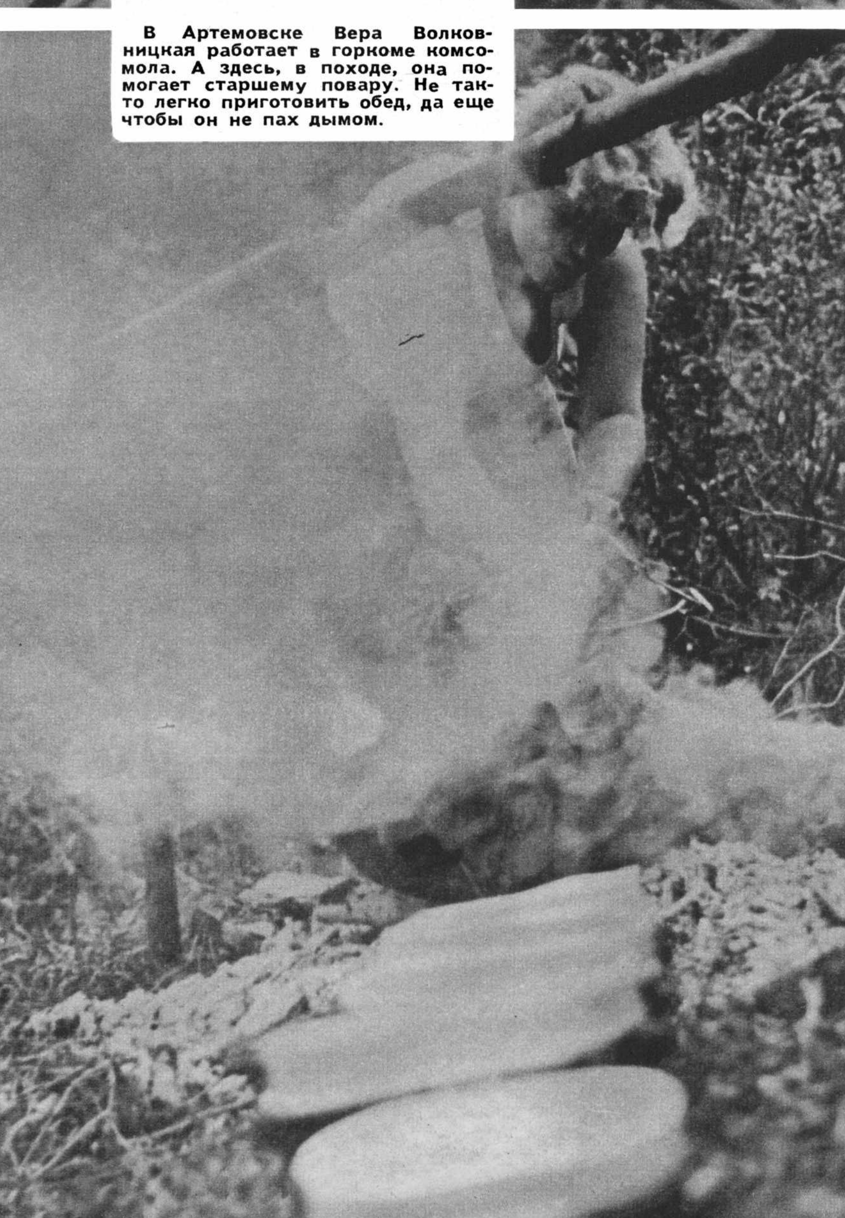

Анатолий всегда был джентльменом. И если нет на острове роз, он преподнесет Маше полевые цветы.

Позвольте, скажет читатель, в заглавии написано «Пятеро в одной лодке». Кто же пятый, где он? Пятый в лодке был я — автор этого репортажа.

Шура Скилевая первая выглянула из палатки:
— Вставайте все. Уже утро!

В Артемовске Вера Волковницкая работает в горкоме комсомола. А здесь, в походе, она помогает старшему повару. Не такто легко приготовить обед, да еще чтобы он не пах дымом.

Н. ТАРАСЕНКОВА

Не ждите подвига

Я хочу рассказать о девятнадцати. Но не ждите ничего особенного. Они не совершили никакого подвига. Они просто приехали из разных городов Донбасса, приехали побродить в Карпатах. Они никогда не были туристами. И впервые на Лумшорской турбазе выдали им штурмовки, рюкзаки, они сложили туда ложки, кружки, котелки. Теперь у них все общее. Завтра — в трехдневный тренировочный поход.

...И вот позади Лумшоры, позади база, стиснутая горами, маленькие домики, скрытые в буковых лесах, да река Турица, быстрая, говорливая, прозрачная. Впрочем, и сейчас нас сопровождает река. Реки и горы здесь, в Карпатах, обязательные ваши спутники.

Что рассказать о девятнадцати? Пожалуй, трудно познакомить со всеми: срок путешествия невелик.

Первым, как и полагается, идет наш инструктор Олег Иванович Безъязычный. За ним — самый старший в группе Владимир Федорович Иваницкий — ему 55 лет. Я забыла сказать, что в нашей группе почти нет рядовых. Здесь все ответственные. В городе Сталино Иваницкий работает инженером. Здесь же он ответственный за наше самочувствие. Он походный доктор. А Лида Петрова, та, которая знает бесчисленное количество песен и беспрестанно поет их, работает мастером на Часов-Ярском огнеупорном комбинате. В Карпатах она главный повар. А старший костровой Валерий Пасечник — самый молодой в группе; он работает на металлургическом заводе и никогда не имел дела с хворостом.

Мы входим в долину реки Шопот. Кажется, что река действительно шепчет, словно хочет о чем-то рассказать и не решается. Надо выбрать место для ночлега. Маленькая покатая полянка в нашем распоряжении. С плеч сбрасываются рюкзаки. И все ответственные и безответственные принимаются за работу.

Лида оказалась отличным поваром. Она сказала, что вообще не может жить, если у нее нет каких-либо обязанностей. В Часов-Яре она депутат городского Совета, народный заседатель суда, секретарь комсомольской организации в цехе и участник художественной самодеятельности. Свое поварское искусство в таких масштабах она демонстрирует впервые.

Ночь пришла внезапно и слизнула и лес и горы. Оставила только костер и лица людей у костра. Еще вчера они не знали друг друга. Но вот первые километры, первые обед и ужин, приготовленные общими силами, и уже кажется, что люди знакомы давным-давно. Но всем хочется побольше узнать друг о друге. Вот Валерка, ответственный за пламя, оказывается, учится в школе рабочей молодежи и держит в Енакиеве третье место по велогонкам. И он специально пошел в поход, чтобы как следует закалиться. Хочется ведь занять ему первое место!

А потом мы слушаем рассказ Олега Ивановича о необыкновенном цветке — эдельвейсе. Растет он в Карпатах на отвесных скалах. Достают его люди с большим трудом. И говорили в старину: кто преподносит этот цветок, дарит свою жизнь. Каждый из девятнадцати задал один и тот же вопрос: «А кому бы ты подарил эти цветы?», «А ты?», «А ты?».

...А пока мы сейчас сидим у костра и мечтаем об эдельвейсе, быть может, в каком-то далеком городе заядлый турист укладывает свои вещи в рюкзак. Последние приготовления — и в путь, в Карпаты!

Я не знаю маршрута того туриста. Быть может, начнется он в гуцульском селении Ясиня. А потом — по лесистым Карпатам, по Свидовецкому массиву, и закончится в городе Мукачево, в красивом городе цветущих роз и увлекательных легенд.

А быть может, отправится наш турист на Синевирское озеро. Не близок и не легок путь к «Морскому оку» — так называют его в Карпатах.

Я не знаю маршрута того туриста. Будет ли он пешим или автомобильным. Через какие города, селения пройдет он? Может, посчастливится ему увидеть дорогу на Рахов. Наверху в горах словно запуталась она, заблудилась, испугалась, что не вырвется на вольный путь. А внизу, у подножия, примостились дома, горят красными крышами черепиц. А дальше река Тисса, повороты, мосты, повороты, точно передразнивает она дорогу...

Я не знаю маршрута того туриста. Здесь их столько! Карпаты — страна туристов, и недаром в горах вырастают новые базы, приюты, пансионаты. Прокладываются новые маршруты. Быть может, пойдет тот турист по тому же маршруту, по которому пошли девятнадцать из Донбасса. Лумшоры. Тренировочный трехдневный поход, потом экскурсия в закарпатские города Ужгород и Мукачево и снова пеший шестидневный поход.

— Если бы мы все-таки нашли этот эдельвейс,— задумчиво говорит Геннадий Задорожный,— мы бы посадили его у себя в Донбассе и всегда бы помнили о нашем путешествии.

Девушки смеются:
— А ты еще не забыл об этом цветке!

Но я знаю, почему вспомнил о цветке Геннадий Задорожный, слесарь с артемовского завода «Цветмет». Здесь, в походе, он самый безответственный, но зато у себя в Артемовске—начальник штаба юнкоров. И ему поручено написать о своем путешествии в газету «Металлист». Ну, а если бы еще такой цветок попался на пути, было бы о чем рассказать!

Но не только поэтому вспомнил о цветке Геннадий. Час назад группа туристов перевалила через гору Казак. Точно нарочно кто-то накидал здесь камней, точно нарочно кто-то повалил деревья и вырыл ямы. Восхождение было не из легких. Но когда идут девятнадцать, и каждый думает: «А как ты?» — и каждый спросит: «Рюкзак не тяжелый? Может, переложишь ко мне?»,— и когда каждый обернется, чтобы протянуть руку другу, тогда не страшны ни горы, ни камни, ни прогнившие деревья на твоем пути. И если одному человеку очень трудно достать эдельвейс, девятнадцать достали бы наверняка и посадили бы его в одном из городов Донбасса — в знак дружбы и сплоченности в походах.

...Но не встретить нам сейчас этого цветка, потому что группа уже вышла на полонину Ровную — 1 482 метра над уровнем моря. И скалы и горы, где может расти эдельвейс, далеко от нас, хотя кажутся они близкими, очень близкими.

...Третий день подходит к концу. Туристы возвращаются на базу. В последний день лили дожди, размякла дорога, и штурмовки не высохли у костра, и плохо слушаются ноги при спуске. Но рядом рука товарища, и рядом охрипший от бесконечных песен голос: «Ну, как ты? Держись».

...Идут девятнадцать. И горы сопровождают их, и могучие буковые леса спускаются к дороге. И бегут, торопятся веселые горные реки.

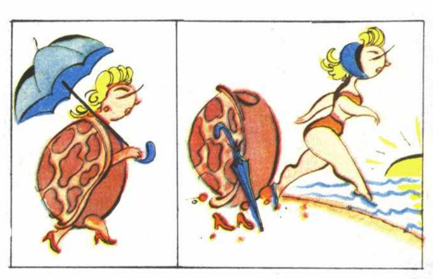
Переправы через торопливые горные реки, побежденные вершины, с которых открываются необозримые дали, ночные привалы... богаты туристские тропы в Карпатах.

Привал в долине реки Шопот.

Фото Л. Бородулина.

Рисунки Ю. Федорова.

Славное море—Ладога

Свадебное путешествие.
Рисунок В. Сигачева.

К. ЧЕРЕВКОВ

Остров, куда мы плывем на белоснежном трехпалубном теплоходе «Алтай», известен по многим картинам и рисункам художников Федора Васильева, Архипа Куинджи. Приезжал сюда не раз и знаменитый русский пейзажист Иван Иванович Шишкин. Помните его красочное полотно «Вид на острове Валааме»: огромная скала, у подножия ее сгрудились замшелые камни, позади — высокое раскидистое дерево. На фоне подернутого синеватой дымкой дальнего леса видна зеркальная гладь Ладожского озера...

«Валаам живописен в высшей степени»,— писал Шишкин родным.

Не удивительно, что путешествия на сказочный остров — излюбленный отдых ленинградцев. Теплоходы уходят к острову каждую субботу. И всегда они полны.

«Алтай» идет вверх по Неве светлым, нетемнеющим вечером. Все кругом словно растворяется в прозрачной молочной дымке белой ночи. И от этого еще сказочней становится путешествие.

Минуя Шлиссельбуржскую губу, «Алтай» оставляет в стороне небольшие островки. Еще немного, и берега совсем исчезают из виду. Мы выходим на простор Ладожского озера.

Всю ночь теплоход движется на север по безбрежным просторам Ладоги. Изредка мигают огоньки маяков. И только под утро впереди вырисовываются скалистые, обрывистые берега Валаамского архипелага, многочисленные острова которого раскинулись почти на сорок квадратных километров.

Оживают палубы. Когда мы отходили субботним вечером от речного вокзала «Ленинград-Озерный», нас было 330. А воскресным утром на Валааме нас оказалось уже 1 000! Рядом с «Алтаем» встал такой же теплоход «Т. Г. Шевченко», а дальше — «Козьма Минин».

Путешественникам не терпится. Кто-то уже несет резиновую лодку, мелькают лески... Если бы не завтрак, вмиг опустели бы корабли. Захватив в ресторане приготовленные на столах кульки с «сухим пайком», туристы наконец сходят на берег.

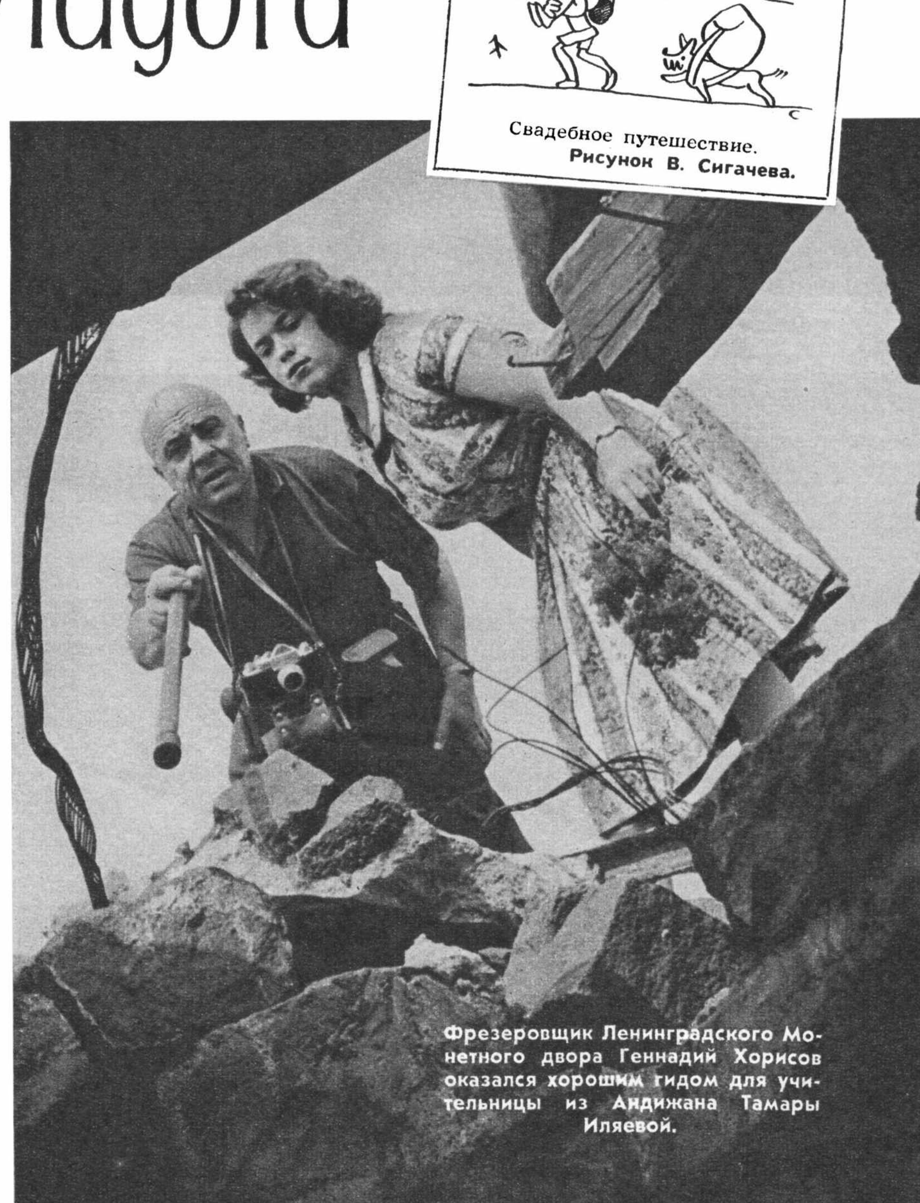
За короткий день все хочется увидеть: старые монастырские здания и Преображенский собор, подняться на колокольни Красного, Белого, Коневского, Никольского скитов, откуда открываются чудесные виды. Хочется пройтись по дубовым, пихтовым аллеям, где некогда бродили П. И. Чайковский и В. И. Немирович-Данченко, и побывать на озерах, опоясанных вязами... В озерах и прудах много рыбы, воздух настоен на цветах, в лесу — земляника, малина, грибы.

Возвращаемся к обеду. У многих в руках охапки лесных цветов. Никто не жалуется на усталость и на отсутствие аппетита. После обеда до отхода теплохода остается два часа. Однако каюты пустуют, послеобеденный отдых почти никого не соблазнил. Все сходят на берег и гуляют, пока не раздаются призывные гудки сирен.

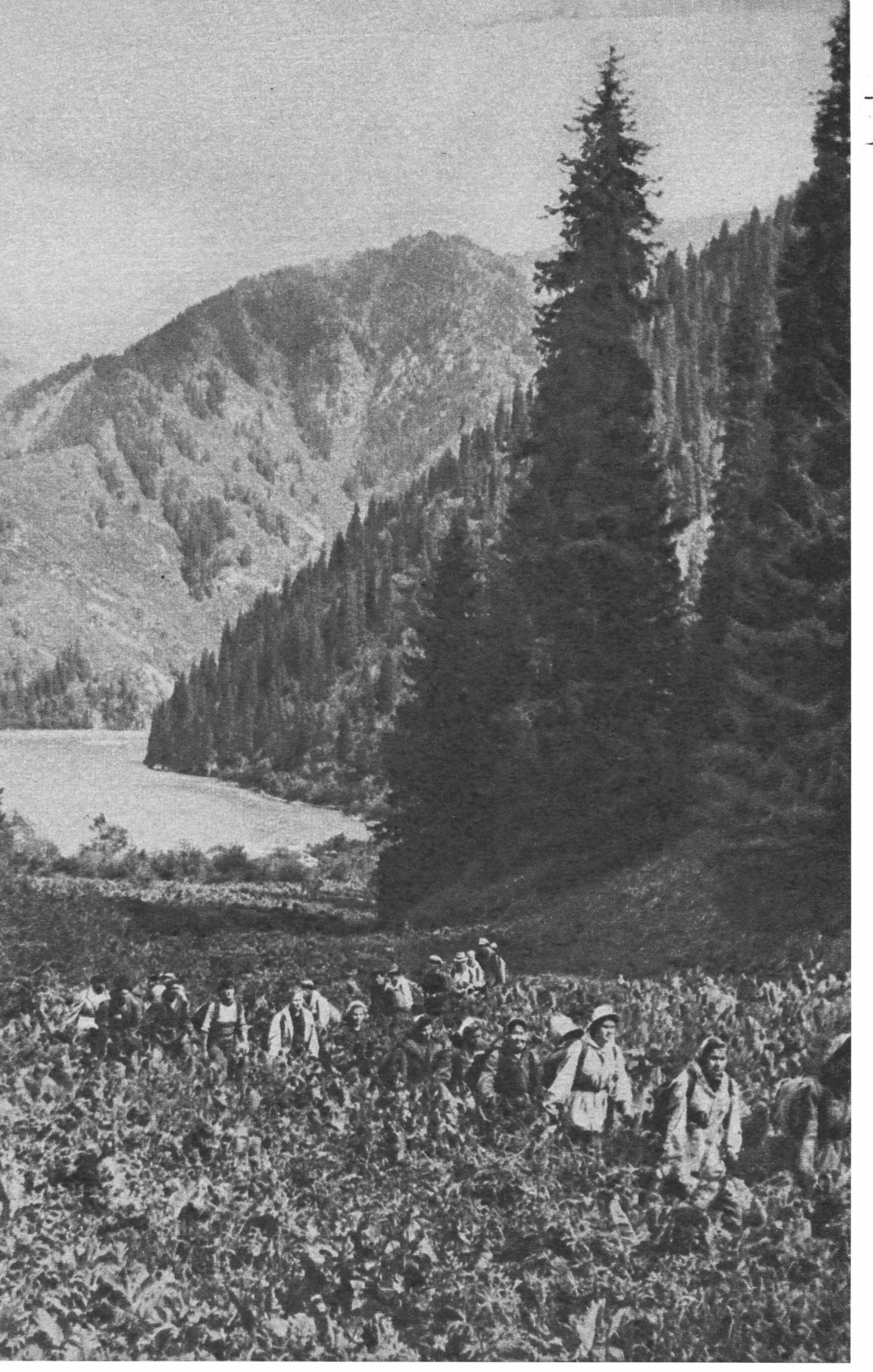
В девятом часу вечера один за другим корабли покидают бухту. Утром в понедельник мы подходим к речному вокзалу. Вчерашние туристы, заметно подрумяненные солнцем, свежие, бодрые, прямо с корабля торопятся на фабрики, заводы, в институты. А матросы готовят плавучие туристские базы к новому походу. Через пять часов на палубы снова придут туристы. Не только ленинградцы, но и москвичи, уральцы, украинцы, узбеки... Теплоходы уходят из Ленинграда к Валаамскому архипелагу, на Онежское озеро, к столице Карелии Петрозаводску.

← Мастер швейной мастерской из Дзержинска Алла Смагли и монтажница электромеханического завода харьковчанка Нина Данильченко познакомились на теплоходе. Их сфотографировал на память ленинградец инженер Герман Потехин.

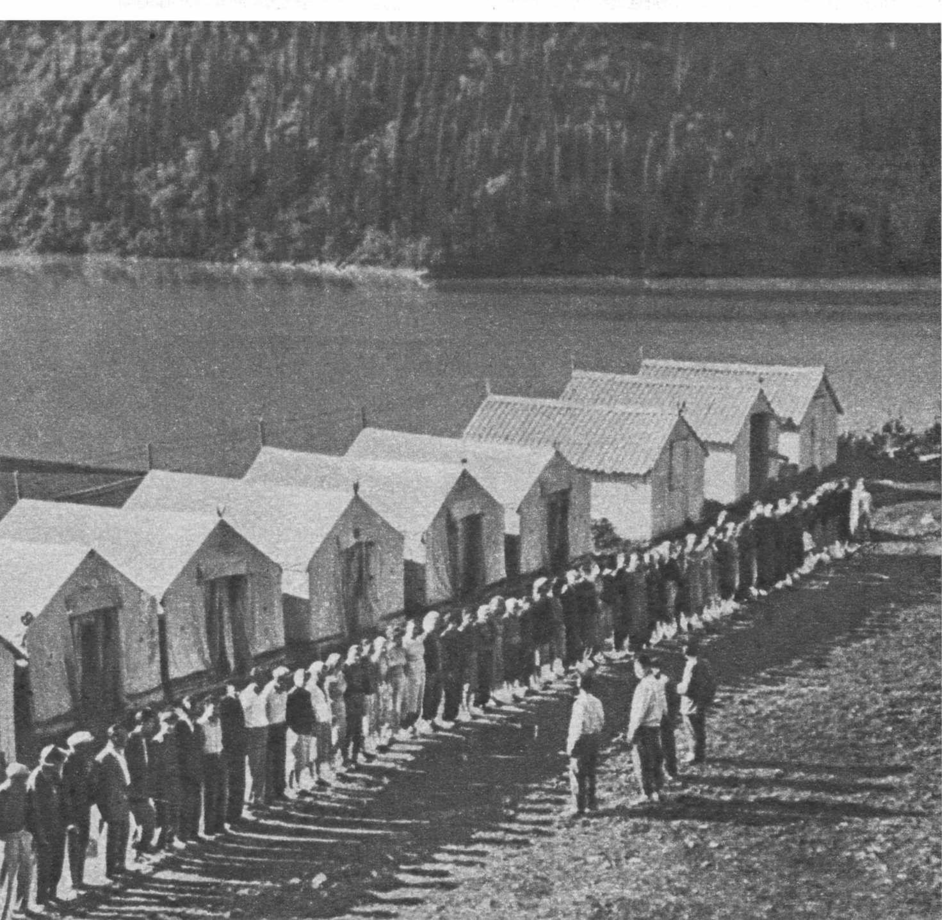
Фото Г. Копосова.

Фрезеровщик Ленинградского Монетного двора Геннадий Хорисов оказался хорошим гидом для учительницы из Андижана Тамары Иляевой.

От лагеря, что раскинулся на берегу озера Иссык, туристские маршруты ведут в горы.

О ЦВЕТАХ, ТУРИСТАХ И НАПИТКАХ

О. КУПРИН, Э. ЧИКОВАНИ

В нашем номере гостиницы стоит букетик цветов. Для него не потребовалось вазы. Хватило простого граненого стакана. Он не привлекает богатством красок. Но запах... Такому позавидует любой парфюмер. В нем словно слились воедино горный ветер и аромат альпийских лугов. Тот, кто сорвал эти цветы, утверждал, что от такого запаха хочется петь, любить и делать людям только хорошее.

Этот букет нам подарили на туристской базе, что приютилась на берегу высокогорного озера Иссык, в шестидесяти километрах от Алма-Аты.

Было солнечное воскресное утро, когда мы добрались до этого живописнейшего уголка Заилийского Ала-Тау. В лагере хозяйничал дежурный инструктор.

— Сегодня к вечеру наши возвратятся из похода,— сказал он.— Вам лучше встретить их в пути.

Так мы и сделали. Сели в шлюпку и отправились в дальнюю бухту.

Встреча с туристами произошла в горах. Где-то наверху зазвенел смех, и буквально к нашим ногам сквозь густую, в человеческий рост траву с веселыми криками скатилась туристская группа.

Знакомство состоялось. В обратный путь мы двинулись вместе. Всем было весело, хотя небо неожиданно помрачнело. Хлынул дождь, похолодало. Зато у палаток нас ждала теплая встреча. Каждый возвратившийся из похода получил традиционный стакан компота и букетик горных цветов, тот самый, от запаха которого хочется петь, любить и делать людям только хорошее.

Пришло время ужинать. Туристы отправились... нет, не в столовую, а в ресторан. И вот здесь-то на яркой картине красивейшего уголка Казахстана появляются темные мазки.

В путеводителе по озеру Иссык сказано, что тут «организована продажа кумыса и других напитков». «Другие напитки» тут начали продавать вскоре после того, как к озеру проложили прекрасную асфальтированную дорогу. Туристскую столовую переоборудовали в ресторан, появились всевозможные кафе, и закусочные, и катера, которые доставляют в самые отдаленные «пищепункты» «другие напитки». Местные острословы говорят, что отдых на Иссыке начал приобретать «ресторанный характер». Да не только острословы.

ЕЛЕНА ГУСЕВА, мастер Алма-атинского полиграфического комбината: — Как воскресенье, так у наших соседей в ресторане пьянки и драки. Приходится вызывать наряды милиции. И будто в насмешку ресторан назвали «Турист».

ВЯЧЕСЛАВ ЦЫМБАЛ, инструктор горнопешеходного туризма (во время нашей беседы он дежурил у двери в зал ресторана, где ужинали туристы, дабы туда не проник ни один подвыпивший посетитель этого заведения): — Столкнулись на озере два хозяина — туристы и ресторанные деятели. Они мешают нам отдыхать. Вместе нам не жить. На повестке дня вопрос: кто кого? Здоровый отдых, спорт или эти самые «другие напитки».

Забегая вперед, скажем, что со всеми этими недоуменными вопросами мы обратились к работнику Казсовпрофа В. А. Вишняковой.

— Соседство явно нездоровое,— сказала она.— Мы уже давно просим передать всю зону отдыха на озере Иссык профсоюзам. Пусть там будет большая туристская база. Пусть там будет больше веселья и песен. И не будет водки.

...Вечер. Загадочно мерцают снежные шапки гор. Темнеет. Наша собеседница — старейшая обитательница туристского лагеря Т. И. Народецкая. Она пенсионерка, приехала из Москвы, уже двадцать лет занимается туризмом.

— Я заметила: все, кто связан с этим рестораном, гостиницей и прочими нетуристскими заведениями,— сухие и неинтересные люди. Похоже, что им нет дела ни до красоты гор, ни до озера. А я не могу без этого. Каждый год зарекаюсь бросить — и не могу. Вот и сейчас десять дней решила потрястись в поезде, чтобы двенадцать прожить здесь.

Уже совсем поздно мы возвратились в гостиницу на озере Иссык. Дежурная, недоуменно взглянув на наш букетик горных цветов, спросила:

— Что вы нашли в этой травке?

— Травка? Это же неповторимый запах.— Мы протянули ей букет.

— Трава есть трава. Травой пахнет...

Нам стало жалко эту девушку и обидно, что человек, живущий рядом с бушующей красотой, не замечает ее...

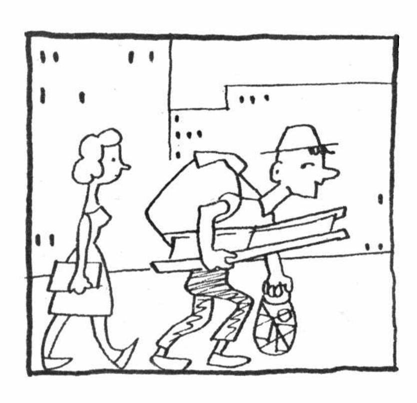
Аквалангист-франт.

Рисунок Вл. Гальбы.

МЫ ЛЕЧИМСЯ ОТ РАДИКУЛИТА

В. САНИН

Рисунки В. Сигачева.

Сегодня утром жена мне сказала, что ей надоело по воскресеньям сидеть дома. Она добавила, что с моим радикулитом — она с усмешкой произнесла это слово — ничего не произойдет, если я буду осыпать его проклятиями не на тахте, а на зеленой лужайке парка. Высмеяв мои возражения, жена заключила, что я должен наконец сделать выбор: или радикулит, или она.

Подумав, я решил выбрать жену. Этим решением я отдавал должное достоинствам этой хорошей женщины, которая всегда была очень тактична, вскрывая мои многочисленные недостатки. Я сознавал, что совершаю гнусное предательство в отношении своего седалищного нерва. Я привык к нему, как привыкают к упрямому мулу, который то часами стоит как вкопанный, то вдруг начинает нестись галопом, подбрасывая седока, словно мешок с опилками. Мне всегда казалось, что, возлегая на тахте, я отдаю дань уважения своему строптивому нерву. Вот почему, выбрав жену, я долго извинялся перед ним и просил быть снисходительным к моей слабости.

Я самоотверженно оторвался от тахты и сказал, что готов идти на эту зеленую парковую голгофу. Моя жена — очень чуткая женщина. Я лишний раз в этом убедился, когда услышал ее слова:

— Надень вот этот рюкзак, возьми в правую руку шезлонг, в левую — одеяло и авоську. Книжку я возьму сама. Мы немедленно идем отдыхать.

К замечанию, что моя комплекция не приспособлена для перетаскивания тяжестей, жена отнеслась сочувственно. Она сказала, что терпеть не может симулянтов, которые носятся со своим седалищным нервом, как с писаной торбой. После этого я молча навьючился, и мы пошли в парк.

К своим туристическим и спортивным данным я всегда относился скептически. Правда, когда-то я занимался спортом и даже толкал ядро. Мой бывший преподаватель физкультуры до сих пор с восторгом рассказывает, как он однажды спасся от верной смерти, когда я толкал ядро. Дело в том, что этот железный шар упрямо не хотел у меня лететь вперед. Зато назад он готов был мчаться на любое расстояние с космической скоростью. Когда я толкал ядро, товарищи прятались в укрытия. Учитывая эту специфичность моих спортивных данных, никто не хотел играть со мной в футбол в одной команде. Все боялись, что я буду забивать голы в свои ворота.

Но это было давно, и с тех пор мои спортивные таланты несколько поблекли. Поэтому, едва мы прошли первые двести метров, мне показалось, что эти метры не столько первые, сколько последние в моей жизни. Я не скрыл это соображение от жены, которая встретила его обидным смехом.

К моему изумлению, очередные двести метров не подорвали окончательно мой организм. И нерв вел себя как-то странно. Он, привыкший вставать на дыбы и лягаться, когда я отрывался от тахты, теперь притих, как нашкодивший котенок. Пока я размышлял об этом странном явлении, мы оказались в парке. Здесь меня ждал сюрприз. В длинном молочно-белом субъекте, который с визгом лягал мяч худыми, как у цапли, ногами, я узнал своего старого приятеля Мишу. Мы с ним как-то вместе лечились от радикулита.

Я подошел и грустно спросил его, как он себя чувствует.

— Я? Отлично! — воскликнул Миша, швыряя меня на траву.— Пощупай мускул!

Я поднялся, пощупал Мишин мускул и легким ударом кулака придал приятелю горизонтальное положение. После этого мы по-дружески обнялись и приступили к разговору о здоровье. «Только ни слова о седалищном нерве,— шепнул приятель,— нас здесь не поймут. При слове «радикулит» моя жена приходит в неистовство».

Мы познакомили жен, сели в сторонке и начали шепотом рассказывать друг другу о своих страданиях. Мы могли говорить на эту тему часами, но сегодня разговор что-то не клеился. Мы ловили себя на том, что слушаем друг друга невнимательно. То ли воздух, то ли травка на лужайках мешали нам, но через десять минут я отчетливо понял, что наши радикулиты теряют свою прелесть. Я прямо сказал об этом Мише.

— Послушай ты, симулянт,— сказал я,— еще одно слово о радикулите, и я помогу тебе стать инвалидом первой группы!

На это Миша с достоинством ответил:

— Я давно подозревал, что твой седалищный нерв — это фикция, обман врачей и соцстраха. Мне всегда казалось, что он причиняет тебе страданий не больше, чем вот этой чугунной тумбе. И если ты когда-нибудь заикнешься о своих недугах, я разоблачу тебя как гнусного обманщика и заставлю возвратить государству все те деньги, которые ты вымогал по бюллетеню.

Мы боднули друг друга головами и покатились по лужайке. Я саданул Мишу под ребра, а он хватил меня локтем в солнечное сплетение. Наглотавшись травы, мы отправились с женами на пруд, где и провели остаток дня.

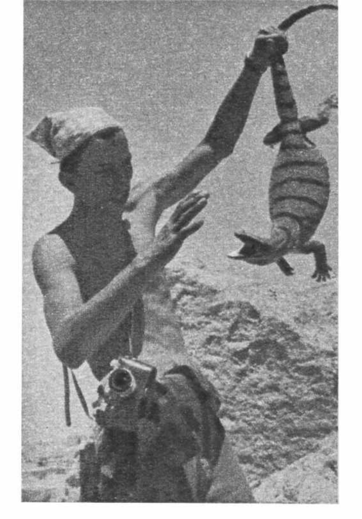
К вечеру, поджаренные и бодрые, мы стали собираться домой.

— Когда встречаемся в следующее воскресенье? — спросил я.

— Если у меня не будет болеть...— начал было Миша, но я так на него взглянул, что он закончил: — В десять утра. Идет? Или знаете что? Пошли в субботу вечером в турпоход!

— Дима, тебе нельзя,— кротко заметила моя жена,— ведь ты в субботу вечером должен идти к врачу по поводу радикулита.

Я дружеским ударом в диафрагму прервал непристойный хохот Миши, и мы начали спокойно согласовывать наш будущий туристский маршрут.

ВСТРЕЧА С ВАРАНОМ

Однажды мы отправились в пески Кара-Кумов для отлова тушканчиков — грызунов с огромными, выразительными глазами и большими ушами. Солнце было еще высоко над горизонтом. По пути попадались следы серых варанов, терявшиеся в песках. По одному такому следу мы прошли около километра. То и дело встречались ящерицы, большие и маленькие черепахи, проползло несколько жуков, мелькнула и скрылась гюрза.

Я шел медленно, рассматривая следы. Неожиданно в двух шагах от меня с шипением выскочил варан — этот «крокодил» пустыни, способный прокусить руку до кости. Варан, угрожающе раздувшись, шипел и стегал себя хвостом. Я придавил его палкой к земле, но он без особых усилий освободился и отскочил. Я снова придавил его к земле, стараясь схватить за хвост, но варан опять вырвался и кинулся в первую попавшуюся нору, которая принадлежала, видимо, черепахе и для варана оказалась неглубокой. Подбежали товарищи, мы вытащили ящера. Он все время шипел и раздувался, как мяч. Я поднес палку к его пасти — варан мгновенно впился в нее. Пришлось подождать некоторое время, пока он ее отпустит, потому что было легче оторвать ему голову вместе с палкой, чем разжать челюсти. После этого варан был водворен в мешок, и мы пошагали дальше.

Ю. ШУПЛЯКОВ

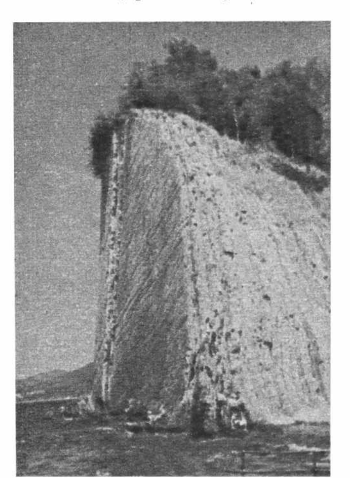
Москва.

СКАЛА ВДОХНОВЕНИЯ

Неподалеку от Туапсе есть скала, которую облюбовал в свое время художник-передвижник А. А. Киселев. Взобравшись на эту скалу, он рисовал море. Поэтому ее называют иногда Скалой Вдохновения.

А. КРЕХАЛЕВ

Краснодарский край

С. Сивко (справа) уверенно выиграл бой у английского боксера Д. Джона.

Ринг

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

...Они старательно готовятся. Олимпийский ринг — испытание серьезное. Много в мире хороших, сильных и умелых боксеров, и лучшие из них приедут в Рим.

Наши ребята сейчас без устали обрабатывают боксерские снаряды: тугие «мешки» и звонкие кожаные «груши». Боксеры встречаются в тренировочных вольных боях, и цепкий глаз старшего тренера, заслуженного мастера Константина Васильевича Градополова, много повидавшего на своем боксерском веку, все примечает. Нет, тренер не оборвет резкой осуждающей фразой увлечение математически расчетливого «поединка». Бой сегодня условный. Но разве от этой условности он менее содержателен и ответствен? Острая романтика преодоления сопротивления соперника-друга — захватывающая школа. В этой обыденной, тренировочной встрече не слабее, а может быть, и полнее накал борьбы. Сейчас в спортивном зале, в его сосредоточенной тишине ведут боксеры поиски в той сложной науке, которая называется творческой тактикой на ринге, умением находить верный путь к успеху в сложной обстановке боя.

— Хорошо, Андрей,— говорит тренер чемпиону Европы, тяжеловесу Абрамову,— но, видишь ли, площадь ринга шире, много шире, чем тебе только что представлялось... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Большой, могучий человек, с детски доверчивыми в эти минуты глазами, молча кивает головой. Он понимает: надо еще поработать над легкостью и непринужденностью шага. Это важно. Очень важно. И он готов снова и снова повторить урок. Урок, сказали мы? Нет, по-настоящему занимательное спортивное творчество, в котором все ему, товарищу, помогут... Здесь ведь все помогают друг другу. Такое правило. Даже, казалось бы, непримиримые соперники за высокое право быть номером первым в сборной

Кто?..

Программа олимпийских игр немного напоминает шахматную доску, хотя клеточек в ней значительно больше. По вертикали этой олимпийской «доски» можно насчитать 21 ряд (по числу видов спорта), по горизонтали — 16 рядов (по числу дней, когда проводятся состязания, церемония открытия и закрытия олимпиады).

Клеточки программы заполнены, и, глядя на них, можно с точностью до часа и даже до одной минуты ответить на вопрос «что, где, когда». А вот на другой вопрос, «кто», сейчас ответить почти невозможно.

Кто победит, кто завоюет олимпийские медали в Риме? Об этом пока можно только гадать. Этим и занимается зарубежная спортивная пресса.

Конечно, больше всего предположений и пророчеств вызывает легкая атлетика, но если по популярности плавание стоит на втором месте, то по числу ожидаемых сюрпризов, безусловно, на первом!

В начале этого сезона спортивные обозреватели задавали вопрос: «Австралия? США? Япония?» Первыми ответили на него австралийцы. Целая плеяда пловцов и пловчих во главе с Джоном Конрадсом и Даун Фрэзер почти на каждом соревновании сбрасывала секунду за секундой с мировых рекордов. Теперь 29 олимпийцев «зеленого континента» проводят свой последний семинедельный тренировочный сбор в бассейне маленького городка Таунсвилля. Тренер и руководитель плавательного союза Билл Филлипс безапелляционно заявляет: «Мы выиграем в Риме золотые медали на дистанциях 100, 400 и 1 500 метров вольным стилем, 100 метров на спине, 200 метров брассом, 200 метров баттерфляем, в эстафете 4 × 200 вольным стилем и в комбинированной эстафете 4 × 100 метров (спина, брасс, баттерфляй, вольный стиль) у мужчин. И мы выиграем на дистанциях 100 и 400 метров вольным стилем, 100 метров баттерфляем и в комбинированной эстафете 4 × 100 метров у женщин».

Что и говорить, «аппетиты» неплохие! И они подкрепляются усиленной тренировкой по новейшим методам. Как сообщают из Таунсвилля, австралийские пловцы проводят ежедневно в бассейне по 7 часов. Для них разработан специальный высоковитаминозный режим питания.

Но и американские пловцы зря времени не теряют. Они с каждым новым стартом улучшают национальные рекорды и приближаются к мировым.

А в Японии? Вопреки всем ожиданиям, кроме молодой Сатоко Танака, рекордсменки в плавании на спине, никто еще не приблизился к мировым достижениям. Знаменитый пловец Цуеси Яманака, которого считали «соперником № 1» для Конрадса, далек от своей лучшей формы. Правда, как пишет

команде, как Олег Григорьев и Борис Степанов или Геннадий Шатков и Евгений Феофанов...

Дни идут. Скоро олимпийский гонг призовет к борьбе. Конечно, потому так серьезны и озабочены совсем еще мальчишеские лица олимпийских новичков, «малышей», как их тут любовно называют, Веллингтона Баранникова и Сергея Сивко. Эти студенты все приглядываются к старшим друзьям по команде. Черт, как хочется поехать в Рим, подраться там на ринге, себя показать!.. А вот иной раз даже оторопь берет, как посмотришь на великолепные нырки и мгновенные контратаки Володи Енгибаряна, олимпийского чемпиона! С таким мастерством, когда все знакомо, как дважды два, никуда не страшно!.. Но оторопь быстро проходит у «малышей». Уж если на то пошло, они могли бы тоже кое-что рассказать о том, как чувствовали себя и как вели в поединках на международном ринге. Первые бои? Правильно. Но ведь и победы в этих первых боях, да еще какие уверенные и убедительные!. Взять хотя бы последний по времени матч с боксерами из Лондона. Нельзя сказать, чтобы тогда на ринге Малой спортивной арены стадиона имени В. И. Ленина выступали слабые английские боксеры-любители. Юный Д. Джон — соперник Сергея, а кстати и ровесник, П. Уорвик, с которым пришлось боксировать Веллингтону,— мастера своего дела. Уорвик — тем более, чемпион Англии, первая перчатка страны, знающей толк в боксе...

А ведь весь поединок хозяевами ринга были Сергей и Веллингтон. Это надо признать. Так что не приходится им особенно робеть, думая неотвязно о Риме. Только бы поехать. Но уж это, как решит тренерский совет — самый, пожалуй, опасный «противник» на пути к олимпиаде. И, конечно, самый доброжелательный.

Ребята готовятся. Мы назвали не всех. Полный и точный список наших боксеров-олимпийцев мы скоро прочитаем в газете. Над этим списком еще не один долгий вечер проведут в раздумье тренеры. Чтобы не было случайностей, не было слабых мест. Выбор есть, и выбор немалый. Мы часто ворчим на наш бокс, однако организм его очень здоровый и крепкий.

Что ждет нас в Риме? Известно достоверно, что ждут очень интересные встречи. Сильный и ровный состав у итальянской команды. И все молодежь. Мы немного знакомы с ними по чемпионату Европы минувшего года. Очень хороши полусредневесы Ф. Босси и П. Бранди, финалисты европейского первенства. Боксер первого среднего веса Д. Бенвенути уже два раза оставляет за собой звание первой перчатки континента. Тяжеловес Г. Мастежина в упорном, темпераментном бою в финале совсем немного проиграл по очкам нашему Андрею Абрамову.

Будут сильны польские спортсмены. Уж, наверное, постараются закрепить свою репутацию первоклассных мастеров трижды чемпионы Европы З. Петчиковский (полутяжеловес) и Л. Дрогош (полусредневес)...

А боксеры Америки? Здесь пока все темно.

Накануне олимпиады в Мельбурне Нат Флешер, известный деятель американского ринга, побывав на европейском континенте, поразведав положение дел в боксе, писал весьма озабоченно:

«...Нам нужно победить поляков и русских, чтобы повторить свой триумф в Хельсинки четыре года назад».

Помните? Триумфа тогда повторить не удалось команде американских боксеров. Какой уж тут триумф, когда пришлось довольствоваться скромным четвертым местом в таблице! И русских победить не удалось. Наоборот, победили русские. Первое общее командное — в Мельбурне, три золотых медали чемпионов XVI Олимпийских игр, которые привезли на родину ленинградский аспирант Геннадий Шатков, студент из Еревана Владимир Енгибарян и молодой художник с Урала Владимир Сафронов,— этого никак не ожидал престарелый знаток мировых боксерских дел Нат Флешер.

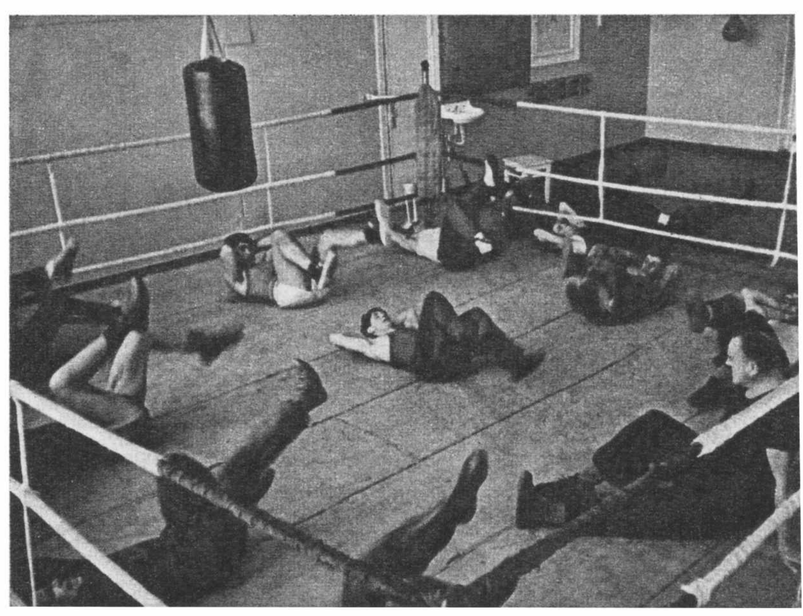
Мы тогда, накануне борьбы, помалкивали, не строили прогнозов на зыбучем песке желаний. «Ринг покажет»,— говорили, пожимая плечами, боксеры, отирая со лба обильно выступивший на тренировке пот.

Они готовились. Готовятся и сейчас, может быть, еще старательнее и дружней: ведь положение победителей олимпиады ко многому обязывает. Да и просто хочется победить в честной, напряженной борьбе на большом олимпийском ринге.

зовет

Чемпионы XVI Олимпийских игр Г. Шатков и В. Енгибарян беседуют с заслуженным тренером СССР, ветераном ринга В. Михайловым.

Это не массовый нокаут. Это просто разминка перед началом тренировки. Справа: старший тренер сборной команды СССР К. Градополов.

Фото Л. Бородулина и Б. Светланова.

английский журнал «Уорлд спортс», японцы верят, что еще не все потеряно. Все упования возлагаются на национального тренера Мицуо Ота, который снабжен «диктаторскими полномочиями». По словам того же журнала, он «распоряжается, вдохновляет, планирует, приказывает и имеет решающее слово в отборе команды...»

Но у «трех китов» олимпийского плавания появляются опаснейшие конкуренты в Европе. Достаточно назвать двух венгров — спринтера Дьюла Добаи, который недавно проплыл 100 метров вольным стилем за 56,1 секунды, и Йожефа Катону, улучшившего европейский рекорд англичанина Иана Блэка на 1 500 метров. Возвращает прежние позиции плеяда голландских пловчих во главе с Риа ван Вельцон и Марианной Хесмскерк.

* * *

Последний раз в Чили команда баскетболистов США потерпела два поражения: от сборной СССР и сборной Бразилии. Теперь американцы решили сделать все, чтобы восстановить свой пошатнувшийся баскетбольный авторитет. Впервые в истории американского баскетбола для составления олимпийской команды был проведен грандиозный отборочный турнир с участием восьми лучших национальных команд. В итоге американцы собрали действительно «суперкоманду», где выступают самые молодые, самые результативные и самые рослые игроки страны. Среди них выдающиеся спортсмены — негры Оскар Робинсон, Роберт Бузер, Уолт Беллами, гигант Гаррел Имхофф, Джерри Лукас и другие. Тренер команды Пит Ньюэлл очень доволен подбором своих питомцев, но в то же время высказывает и тревогу. «У меня в команде сплошь генералы и ни одного солдата,— в шутливом тоне заявляет он.— Каждый из этих генералов привык к тому, что мяч находится у него в руках 50% игрового времени, а так как в команде пять игроков, то в сумме получается 250%, что абсолютно невозможно. Поэтому самая трудная для меня задача — научить моих парней делать и черновую работу и помогать друг другу...»

* * *

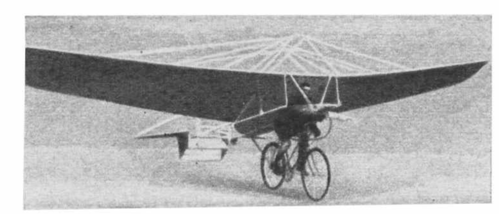
Много пишут в зарубежной печати о возможном исходе состязаний гимнастов, которые будут проходить в помпезном здании Термов Каракаллы (в прошлом знаменитые древнеримские общественные бани). Можно сказать только одно, что в этих Термах гимнастам придется жарковато. За последние годы, как показали международные соревнования, конкуренция между лучшими гимнастами разных стран сильно возросла. По-прежнему все признают приоритет советской гимнастической школы, по-прежнему Борис Шахлин, Юрий Титов, Альберт Азарян, Полина Астахова, Лариса Латынина и их молодые товарищи по команде имеют большие возможности добиться успеха в Риме, но нельзя закрывать глаза на возросшее мастерство гимнастов Японии во главе с Такаси Оно, лучших мастеров Чехословакии, ГДР, Венгрии и других.

Много предположений можно было бы высказать о том, каковы будут итоги борьбы фехтовальщиков и борцов, стрелков и велосипедистов, гребцов и ватерполистов, яхтсменов и пятиборцев... Но обо всем все равно не скажешь.

В. ВАДИМОВ, М. ЗАСЛАВСКИЙ

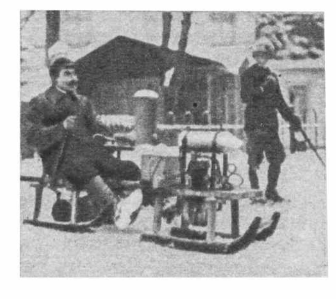
МАШИНЫ «БУДУЩЕГО»

В. ВЛАДИМИРОВ

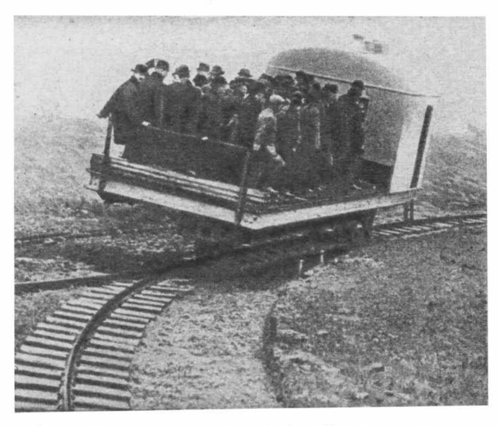

Вокруг «генерального пути» технического прогресса обычно вьется множество окольных дорожек, о которых впоследствии забывают. Некоторые из этих дорожек ведут в царство таких фантазий, которые нынешнему человеку могут разве что привидеться во сне. Что бы вы сказали, например, о соединении несущих плоскостей самолета с велосипедом? А между тем такая модель существовала и испытывалась в 1910 году в Англии. Изобрел ее некто барон Фредерик. Педали велосипеда разгоняли одновременно и колеса машины и пропеллер (винт). Затем колеса выключались. По мысли изобретателя, эта машина должна была держаться в воздухе «не менее получаса». Восхищенные журналы того времени предсказывали наступление «новой эпохи», когда люди будут совершать прогулки, поднимаясь с крыши и садовых дорожек. Крылья этого самолета снимались и складывались, и велосипед становился обычным.

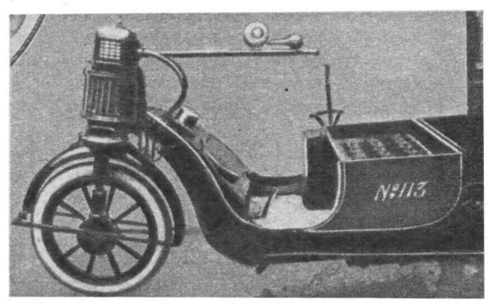
Изобретатель испытал свою машину тем же летом. Он поднялся с холма, перелетел через изгородь, но при посадке сломал велосипед и собственную ногу.

Другое применение велосипед нашел себе в «компании» с лыжами. Заднее его колесо было зубчатое и должно было толкать машину по снегу. И здесь полный провал. В колесо забивался снег, и оно превращалось в гладкий диск, который на снегу буксовал. Вообще попытки использовать зубчатое колесо для толкания саней постоянно рождались и умирали. Ни одна из этих попыток не удалась, хотя к «снегомобилю» присоединяли даже бензиновый мотор, как это проделал в Германии учитель средней школы Штробель. Надо отметить, что последний отнюдь не собирался создать «новую эпоху». Он просто хотел построить себе быстроходный экипаж, чтобы не ездить в школу на трамвае с двумя пересадками. Но бедного педагога ждало полное разочарование. Его дочь, сопровождавшая отца на лыжах, сразу же обогнала «снегомобиль» и оставила его далеко за собой.

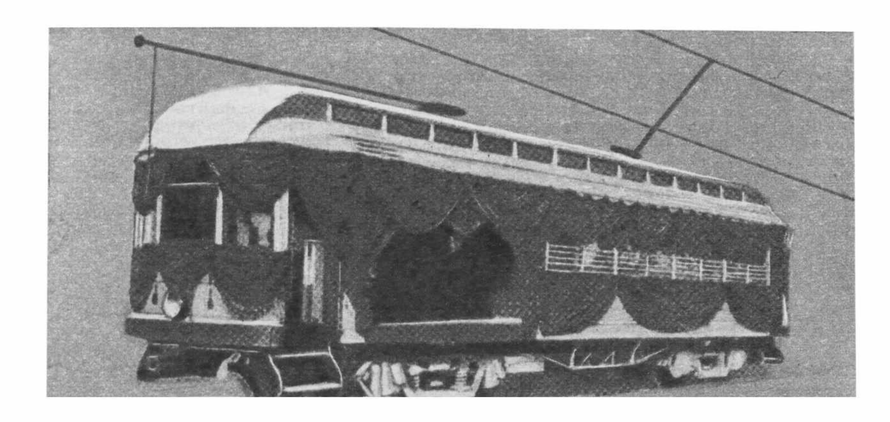

А вот еще один «незаконный родственник» железных дорог. Это нашумевший по всей Европе однорельсовый вагон французского инженера Луи Бреннана. Испытывался он в Англии. Бреннан решил удешевить прокладку железных дорог. Он поставил в кабине вагона два мотора внутреннего сгорания, соединенных с электрогенератором. Вагон держался на двух тележках с четырьмя одиночными колесами. Но «сердцем» этого изобретения были два «гироскопических диска» в основании вагона, делающие три тысячи оборотов в минуту в противоположных направлениях и сообщающие вагону устойчивость и возможность брать груз до 15 тонн. Как видно на фотографии, однорельсовый вагон хорошо вел себя и на крутых поворотах. Но для систематического пользования такими вагонами пришлось бы перестроить все станционные платформы и отказаться от поездов, так как однорельсовый вагон никаких прицепов не берет. Это решило его судьбу, и он был сдан в архив.

Следующим курьезом техники был «электромобиль» — французское изобретение, пытавшееся использовать электроток для движения трехколесного экипажа. Аккумуляторы находились под сиденьем, электромотор был укреплен над передним колесом.

Нам придется заканчивать это обозрение кладбищем, ибо 50 лет назад в Мексике был создан «трамвай-катафалк». К чести строителей этого трамвая надо сказать, что они собирались «бедных везти на кладбище бесплатно» и всячески подчеркивали «роскошное оборудование последнего экипажа человеческой жизни».

ПОДМ ПИСТ

Эмма ГЕРШТЕЙН

Не так давно по поводу напечатанной в одном советском журнале статьи о гибели Лермонтова была создана специальная комиссия в Институте русской литературы АН СССР. Члены комиссии признали невозможным прийти к каким-нибудь определенным выводам. «Вопрос о дуэли и смерти Лермонтова принадлежит к числу тех биографических проблем, для решения которых нет пока новых, достаточно объективных и убедительных материалов,— читаем в заключении.— Подозрения и догадки, существующие еще со времени П. А. Висковатова, не могут сами по себе привести к ясным и несомненным выводам». Это заключение отражает тот разнобой, который существует в биографической литературе о Лермонтове. Каждый автор, рисуя картину поединка, дает свою трактовку. Если многие буржуазные писатели за границей до сих пор считают пятигорскую катастрофу обыкновенной офицерской дуэлью, «несчастным случаем», то большинство советских авторов признает эту дуэль «подлым убийством».

Но одними ли подозрениями и догадками вынуждены питаться биографы Лермонтова? За последние годы в советских государственных архивах выявлено множество новых документов о дуэли. Беда в том, что они печатались в разных местах, иногда в специальных изданиях, иногда в газетах с большими промежутками во времени. Нет книги, где эти материалы были бы собраны воедино и проанализированы. Даже военно-судные дела о дуэли (а их несколько) не напечатаны полностью. Между тем обращение к подлинникам официальных материалов, сопоставление их со свидетельскими показаниями из частной переписки показывают, что дело обстоит не так уж безнадежно. Некоторые вопросы можно установить почти с полной достоверностью. К числу их принадлежит центральный пункт — вопрос о выстреле Лермонтова. И к нему стоит вернуться.

Как только 15 июля, поздно вечером, в Пятигорск привезли тело убитого поэта, кавказские офицеры с негодованием заговорили, что дуэль «была сделана против всех правил и чести», что это «не дуэль, а убийство». Участников поединка упрекали за многие нарушения дуэльного кодекса, но одно обвинение повторялось особенно настойчиво. Оно отражено в письме московского почтмейстера А. Я. Булгакова, который читал корреспонденцию, отправленную из Пятигорска сразу после несчастья.

«Когда явились на назначенное место,— пишет Булгаков,— то Лермонтов опять начал уговаривать соперника своего, и, видя, что все было напрасно, он сказал: хочу, если так, я не хочу себя оправдывать и готов теперь, и публично, просить у тебя прощения, я тебя обидеть не хотел; ответ Мартынова был: «Становись! Стреляй!» Лермонтову следовало стрелять первому, он выстрелил на воздух, желая все примиренья, Мартынову следовало яко благородному человеку, ежели уж мириться не хотел, сказать Лермонтову: заряди опять свой пистолет и целься хорошенько, ибо я буду стараться тебя убить, но этот кровожадный и ожесточенный мальчик подошел к несчастному Лермонтову и выстрелил ему прямо в сердце... Удивительно, как секунданты допустили такой бесчеловечный поступок».

Эта версия упорно повторялась на Кавказе, разнеслись эти слухи и по Москве. Но кто же их приглушил? Ровно через неделю Булгаков в другом письме к тому же А. И. Тургеневу пишет: «Орлов сказывал мне, что дуэль Лермонтова с Мартыновым не так происходила, как я тебе ее описал. Лермонтов на воздух не стрелял, а Мартынов стрелял с надлежащего расстояния». Булгаков сразу понял истинную подоплеку опровержения Орлова. «Князь Васильчиков, будучи одним из секундантов, мог бы предвидеть, что вину свалят на убитого, дабы облегчить наказание Мартынова и секундантов,— пишет Булгаков П. А. Вяземскому 8 августа,— впрочем, того уже не воскресишь, так почему же не употребить смерть Лермонтова в пользу тех? Намедни был я у Алексея Федоровича Орлова, и он дуэль мне совсем уже иначе рассказывал».

Усмиритель декабрьского восстания на Сенатской площади, занимавший в России высшие государственные посты, начальник III отделения и шеф жандармов после смерти Бенкендорфа, граф А. Ф. Орлов был любимым шутом и верным слугой Николая I. Если он пытался обелить Мартынова и его секундантов, можно быть уверенными, что делал он это, выполняя монаршую волю. Насколько он был посвящен во все планы Николая I относительно Лермонтова, мы сейчас увидим.

В июне 1840 года Николай I возвращался на пароходе «Богатырь» из Германии, где он был на похоронах своего тестя, прусского короля. С 12 по 24 июня он вел путевой дневник (по-французски) в форме письма к императрице, оставшейся за границей. Вот выдержки из письма, еще не бывшие в печати:

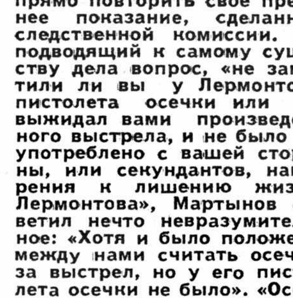
«— 13/25 июня. 10½ часов вечера: ...Я работал и читал всего «Героя», который хорошо написан. Потом мы пили чай с Орловым и болтали весь вечер; он неподражаем...

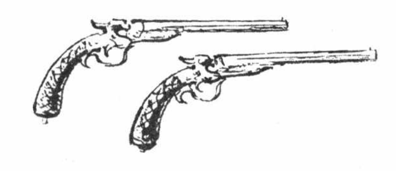
14/26. 3 часа дня... Между тем я работал и продолжал читать сочинение Лермонтова и нахожу второй том менее красивым, чем первый. Погода стала превосходной, и мы могли обедать на верхней палубе. Бенкендорф ужасно боится кошек, и мы с Орловым дразнили его, у нас на борту есть один кот. Это одно из наших развлечений от безделья.

...7 часов вечера... мы входим в Финский залив при свежем попутном ветре. Между тем я читал и закончил «Героя». Я нахожу вторую часть отвратительной...»

Далее император разражается своей известной уже в печати фарисейской, рез-

ЕНЕННЫЕ
ОЛЕТЫ

ко отрицательной критикой гениального романа Лермонтова. Императрица, очевидно, с какой-то целью просила Николая прочесть целиком только что вышедшего из печати «Героя нашего времени». 1/13 июля Николай пишет императрице с удовлетворением: «Ты находишь, что я правильно оценил сочинение Лермонтова». Но Орлову не надо было входить в тонкости литературных мнений своих хозяев. Ему достаточно было заключения императора: «Счастливый путь, г. Лермонтов! Пусть он очистит себе голову...» Участь Лермонтова была решена. И если через год Орлов настаивал на том, что Мартынов выстрелил первым и с должного расстояния, у нас есть все основания не верить этому.

Обратимся к материалам дела, опубликованным и неопубликованным. Прежде всего надо присмотреться к пистолетам. И тут мы увидим удивительные происшествия. Если Лермонтов не успел сделать своего выстрела, как показали обвиняемые, его пистолет должен был оставаться заряженным. Но этого-то единственного доказательства подсудимые предъявить не могли: в пистолете Лермонтова после дуэли не оказалось пули. Выясняется это из предательской фразы секунданта Васильчикова, первым давшего свои показания 17 июля. «... Дойдя до барьера, майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела,— пишет он и неожиданно прибавляет:— Из его заряженного пистолета выстрелил я гораздо позже на воздух». Эта фраза выскочила из-под пера Васильчикова преждевременно. Пистолеты вместе с «описью имения» Лермонтова были доставлены коменданту Ильяшенкову только 21 июля. А отсутствие пули в пистолете Лермонтова больше нигде в документах не зафиксировано. Да следователи вовсе и не стремились узнать правду. Они не подвергли даже перекрестному допросу двух остальных подсудимых: когда, при каких обстоятельствах Васильчиков разрядил пистолет убитого? Кто может подтвердить это? Этот решающий вопрос был обойден полным молчанием.

Дело о дуэли передали в пятигорский окружной суд, а со всеми материалами были переданы и пистолеты. Но и здесь о разряженном пистолете Лермонтова не сказано ни слова. Однако суд с пристальным вниманием отнесся к вопросу о выстреле Лермонтова. И Мартынов, то ли растерявшийся из-за ходивших по городу толков, то ли припертый к стенке судьями, не решился прямо повторить свое прежнее показание, сделанное следственной комиссии. На подводящий к самому существу дела вопрос, «не заметили ли вы у Лермонтова пистолета осечки или он выжидал вами произведенного выстрела, и не было ли употреблено с вашей стороны, или секундантов, намерения к лишению жизни Лермонтова», Мартынов ответил нечто невразумительное: «Хотя и было положено между нами считать осечку за выстрел, но у его пистолета осечки не было». «Осечки не было, значит, пистолет выстрелил!» — справедливо восклицал еще в 1916 году исследователь Д. Павлов. Но его утверждение повисло в воздухе. Павлов не знал многочисленных писем современников, единодушно утверждавших, что Лермонтов выстрелил вверх. Эти письма выявлены и напечатаны только после Октябрьской революции. Не было доступно тогда для изучения и военно-судное дело. Поэтому осталась без должного внимания еще одна замечательная подробность.

Как известно, гражданский суд не успел закончить рассмотрение дела о дуэли: его перенесли в Комиссию военного суда, учрежденную в Пятигорске по «высочайшему повелению». Под непрестанным нажимом военного министра комиссия закончила всю процедуру в течение трех дней. Но когда оставалось только послать определение в Тифлис на утверждение командира Отдельного кавказского корпуса Головина, пистолеты без излишних проволочек были изъяты из дела и подменены другими.

29 сентября в комиссию поступило предписание пятигорского коменданта и окружного начальника Ильяшенкова вернуть пистолеты, так как они взяты были «у частной управой... по ошибке! Вместо них комендант прислал другую пару, принадлежавшую, по его словам, самому Лермонтову, из которой якобы «он стрелялся». Получив такое неслыханное даже в дореформенных судах распоряжение, судьи нимало не затруднились: они беспрекословно вернули пистолеты Ильяшенкову и 30 сентября решили вновь «препровожденные два пистолета представить обще с сим делом на благорассмотрение высшего начальства и согласно учиненному определению в 29-й день сего сентября дело сие закончить».

Подмену пистолетов Ильяшенков мотивировал будничными, житейскими причинами. Пистолеты, мол, в действительности принадлежали «ротмистру Столыпину». Но никакого заявления Столыпина с просьбой возвратить ему пистолеты в деле нет. И почему он молчал два месяца и спохватился, когда дело отправлялось по инстанциям в Петербург? Да потому, что вся эта замена придумана Ильяшенковым вместе с секундантом Мартынова Глебовым. По крайней мере возвращенные комиссией пистолеты взял 5 октября под расписку не Столыпин, а Глебов — «для доставления» владельцу.

Вся эта подозрительная возня указывает на то, что здесь-то и скрывался самый опасный пункт для Мартынова и его секундантов.

В некоторых мемуарах пятигорский комендант обрисован этаким добродушным стариком, покровительственно относившимся к военной молодежи, в том числе и к Лермонтову. А вот старый кавказский офицер В. Каченовский, выступивший в 1891 году в «Московских ведомостях», уверенно заявлял, что Ильяшенков знал еще до дуэли о вызове Мартынова. В подтверждение своих слов Каченовский ссылался на других старых кавказцев. «Как могла состояться роковая дуэль?» — восклицал Каченовский по поводу этого, как он выразился, «постоянно приводящего в недоумение вопроса».

Ильяшенков активно участвовал в подтасовке фактов на суде. Об этом свидетельствует еще один ненапечатанный документ — черновик рапорта Ильяшенкова о дуэли командующему войсками на Кавказе.

16 июля Ильяшенков сообщал, что «вчерашнего числа ввечеру» к нему на квартиру явился корнет Глебов и заявил о происшедшей дуэли. И далее: «Секундантом у обоих был находящийся здесь для излечения раны лейб-гвардии конного полка корнет Глебов». Но эту фразу пришлось вычеркнуть. Оказалось, что Глебов был не один. Поверх вычеркнутой фразы Ильяшенков пишет: «Секундантами были у них находящиеся здесь для пользования минеральными водами лейб-гвардии конного полка корнет Глебов и служащий во II отделении собственной его императорского величества канцелярии в чине титулярного советника князь Васильчиков». Но кто же из них в таком случае был секундантом Лермонтова? «Со стороны...» — начал писать Ильяшенков, но, не докончив фразы, вычеркнул ее совсем: подсудимые и комендант еще не договорились. На самом деле оба — и Глебов и Васильчиков — были секундантами Мартынова. Из подспудной переписки Глебова и Васильчикова с Мартыновым мы знаем, что начальник штаба Траскин открыто говорил им, что они должны умолчать на следствии о двух секундантах Лермонтова — А. Столыпине и С. Трубецком. Оказывается, и комендант принимал участие в этой фальсификации. Так, слова «со стороны», неуверенно написанные, а потом вычеркнутые Ильяшенковым, ярким лучом освещают всю картину сговора между властями и подсудимыми, сговора, состоявшегося в первый же день после катастрофы.

Почему же мы должны полагаться на сплошь фальсифицированные показания Мартынова, на разуверения царского фаворита Орлова, а не на рассказы негодующих современников? Незаконная подмена пистолетов, забегающие вперед объяснения Васильчикова о будто бы разряженном им самим пистолете Лермонтова, полупризнание Мартынова — все это доказывает, что Лермонтов был убит нечестным выстрелом Мартынова.

Гусар-монах

В 1903 году русский армейский журнал «Разведчик» опубликовал следующее: «Блестящий ротмистр Б., известный путешественник по Абиссинии, близкий к негусу Менелику, инструктор абиссинских войск, отважный охотник на львов и слонов, спортсмен, удалился от мира... Молодому человеку представлялась широкая арена для деятельности, но он предпочел подать в отставку и удалился в Задне-Никифоровский монастырь, за Невской заставой... Теперь Б. можно видеть в грубой рясе послушника, исполняющего монастырские работы. Никто бы не узнал в скромном аскете-послушнике бывшего гусара и героя. Б. готовится к постригу в монашество».

Не вспоминается ли в связи с этой заметкой рассказ о гусаре-схимнике из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»? В нем, как известно, блестящий гусар, граф Алексей Буланов, герой великосветского Петербурга, вдруг уходит в монахи. Упоминание о помощи Буланова «абиссинскому негусу Менелику в его войне с итальянцами» явно намекает на итало-абиссинскую войну 1895 года, в которой Россия горячо сочувствовала Абиссинии.

Кем же был ротмистр Б.? Среди русских путешественников и исследователей Абиссинии в конце прошлого века известен поручик Александр Ксаверьевич Булатович. Он состоял в русском санитарном отряде и совершал поездки по стране вместе с абиссинскими войсками. Булатович описал два своих путешествия по Абиссинии, которые служат до сих пор источниками по истории и этнографии Абиссинии конца XIX века. Во время одного из походов Булатович взял на воспитание осиротевшего мальчика и назвал его Васькой. В книге А. К. Булатовича «С войсками Менелика II» опубликована фотография этого ребенка.

Васька.

«Абиссинский мальчик Васька» — «новый друг» графа Буланова — упоминается и в рассказе Ильфа и Петрова о гусаре-схимнике.

За свои географические труды А. К. Булатович был удостоен малой серебряной медали Русского географического общества. Ему не удалось закончить своих исследований. Последняя рукопись с отчетом путешествия осталась неопубликованной. Возвратившись из Абиссинии, он вскоре вынужден был отправиться в Китай. По возвращении же из Китая А. К. Булатович, как отмечено в протоколах заседания Русского географического общества за 1905 год, «ушел, как известно, в монахи».

М. ГЕЛЬЦЕР,
кандидат исторических наук
Вильнюс.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ НАХОДКА

В двенадцатом номере «Огонька» была помещена фотография чугунного блюда, найденного на заводском дворе в Ленинграде. Точно такое же блюдо выставлено в Златоустовском краеведческом музее.

Сообщаем через ваш журнал ленинградцам, что блюда с изображением закладки Петербурга изготовлялись рабочими Кусинского завода на Урале. По рассказам старых литейщиков, блюда начали готовить в связи с 200-летием Петербурга. Но сделано их было, вероятно, мало: находка в Ленинграде — второе известное нам блюдо.

Н. КОСИКОВ,
директор Златоустовского краеведческого музея

Сотрудник Русского музея кандидат искусствоведческих наук Г. М. Преснов осматривает находку.

Фото Ю. Жаренова.

Знаменитая ошибка

Четверть века назад один парижский журнал посвятил специальный номер истории французской печати. Рассказывалось там и о знаменитой ошибке, которая едва не вызвала апоплексического удара у редактора газеты «Конститюсьонель».

«Его Величество Король вызвал вчера г. Тьера и предложил ему заняться формированием нового кабинета. Маститый государственный деятель ответил Его Величеству:

— Я сожалею лишь об одном, что не могу свернуть вам шею, как цыпленку».

Ключ к этой ошибке редактор нашел на следующей странице газеты, где была помещена такая заметка:

«Усилия правосудия быстро увенчались успехом. Убийца был арестован вчера вечером.

Доставленный к судебному следователю преступник не проявил ни малейшего раскаяния и, наоборот, осыпал его градом оскорблений:

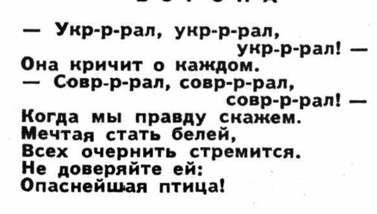
«Бог и люди свидетели того, что у меня никогда не было иного желания, как служить верой и правдой моему королю и Франции».

Я. ПЕШКОВСКИЙ
Москва.

Сатирические строки

Алексей МАРКОВ

Рисунки Б. Жутовского.

ВОРОНА

— Укр-р-рал, укр-р-рал,
укр-р-рал! —
Она кричит о каждом.
— Совр-р-рал, совр-р-рал,
совр-р-рал! —
Когда мы правду скажем.
Мечтая стать белей,
Всех очернить стремится.
Не доверяйте ей:
Опаснейшая птица!

ПЕНЬ

У пня гнилого торжество,
Когда на небе солнца нет.
Восторги кое у кого
Трухлявый вызывает цвет.

ВОЛ

Коль в гости кто вола зовет,
То уж, конечно, пить не мед:
Возить без передышки воду
На чай к обещанному меду.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

О взаимоотношениях родителей и приемной дочери, о сложных конфликтах, которые возникают порой в семье, рассказывает повесть М. Белаховой «Дочь», которую журнал начнет печатать со следующего номера.

После выступления „ОГОНЬКА"

«Ширмы и фирмы»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 11 «Огонька». В фельетоне критиковались Московский райсовет добровольного спортивного общества «Локомотив», открывший на одном из стадионов фотопортретный цех, и производственный комбинат Музфонда, в котором печатались фотоплакаты по технике безопасности и рекламные щиты.

Президиум Всесоюзного совета добровольных спортивных обществ профсоюзов принял специальное постановление, в котором он признал правильность изложенных в фельетоне фактов: руководство райсовета общества «Локомотив» создало благоприятные условия для извлечения личных доходов работникам фотопортретного цеха под спортивной вывеской. Виновные наказаны: председателю райсовета А. А. Кашкину объявлен строгий выговор, главный бухгалтер В. В. Костров освобожден от работы. Президиум предложил руководителям всех спортивных обществ профсоюзов впредь не открывать на спортивных базах и сооружениях подсобных предприятий.

Секретариат Союза композиторов СССР дал указание Музыкальному фонду прекратить выпуск плакатов по технике безопасности. Такое же указание получило и издательство «Советский композитор».

ИЗВОЗЧИКИ СДАВАЛИ ЭКЗАМЕН

Газета «Новости» в 1901 году писала: «Все петербуржцы, конечно, знают, что два с половиною года тому назад были открыты извозчичьи курсы. Третьего дня состоялся первый выпускной экзамен ученых извозчиков. Испытание производилось публично в зале городской думы, а на улице перед зданием думы стояли извозчичьи пролетки нового типа, обязательного отныне для всех извозчиков и извозопромышленников в Петербурге. На курсах извозчиков обучали географии Петербурга и его окрестностей, французскому языку, управлению лошадьми, новой извозчичьей таксе, астрономии (специально для ночных извозчиков) и хорошим манерам. Успешно выдержали испытание и признаны окончившими курс пятьдесят пять извозчиков. Для начала это порядочно. Шестидесяти ученикам назначена переэкзаменовка по французскому языку, двадцати — по географии и пятнадцати — по астрономии.

Новые извозчичьи пролетки скопированы с парижских колясок. Сзади к сиденью кучера прикреплен таксометр, действующий по двум системам — мужской и дамской, так как дам решено возить по пониженной вдвое таксе. Кнут заменен длинным бичом. Каждый извозчик должен иметь при себе запас почтовых марок для продажи седокам. Но давать сдачу марками без желания седока воспрещается. Хвост лошади должен быть подрезан».

НА РЫБАЛКЕ В ИНДИИ

Вместе с группой советских специалистов я участвовал в строительстве Бхилайского металлургического завода. В свободное время занимался рыбной ловлей. Вот сколько за один улов я поймал рыбы! Самая крупная из них вроде нашего сома.

М. ВОРОНЦОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Экваториальное созвездие. 5. Стиль плавания. 7. Советский языковед, академик. 9. Кубинский шахматист, экс-чемпион мира. 10. Мелкая корюшка. 11. Действующее лицо пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие». 12. Азербайджанский поэт XII — XIII веков. 15. Футбольная команда. 18. Русский крейсер, принимавший участие в Цусимском сражении. 19. Цветная полоса, получаемая при разложении лучей. 20. Птица таежных лесов. 21. Явление, происходящее при выстреле. 25. Сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 28. Аллегорический рассказ из жизни животных. 29. Плоскогорье в Индии. 30. Автор романа «Огонь». 32. Комический персонаж французского народного театра. 33. Материк. 34. Залив Охотского моря. 35. Шерстяная ткань.

По вертикали:

1. Сторона прямоугольного треугольника. 2. Остров в Индийском океане. 3. Минерал, разновидность агата. 4. Русский механик XVIII века. 5. Мучное изделие. 6. Город в Японии. 8. Сбор нектара пчелами. 9. Основа холодного оружия. 13. Древесное растение семейства розовых. 14. Распорядитель на транспорте. 16. Простейший чертеж местности. 17. Порыв ветра. 20. Фотографическое изображение. 22. Вид циркового искусства. 23. Образец изделия. 24. Музыкальный инструмент. 26. Форма рельефа. 27. Рядовой флота. 28. Тропическое плодовое дерево. 31. Опера Н. А. Римского-Корсакова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

1. «Маяк». 5. Чайковский. 7. Карикатура. 10. Арена. 11. Фотон. 13. Каскад. 15. Опера. 16. Штамп. 17. Тарантелла. 18. Кристофори. 20. Гусар. 21. Сифон. 22. Африка. 25. Аракс. 26. «Рюрик». 27. Скобликова. 30. Магистраль. 31. Айва.

По вертикали:

1. Мексика. 2. Касатка. 3. Лава. 4. Титр. 6. Лепешинская. 7. Карат. 8. Афиша. 9. Стратосфера. 10. Аконкагуа. 12. Напильник. 13. Корсика. 14. Долгота. 18. Кросс. 19. «Искра». 23. Фабрика. 24. Кокарда. 28. Кран. 29. «Волк».

На второй странице обложки: Плакат Ю. Кершина и В. Школьного.

На последней странице обложки: Завидный улов! Вкусный обед приготовит сегодня Вера Плеханова, дочь участкового инспектора рыбонадзора на Ангаре! Будет чем полакомиться и Дружку.

Фото О. Кнорринга

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06405. Подписано к печати 27/VII 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 1159. Заказ № 2069.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ВОКРУГ ТУРБАЗЫ.

Рисунок И. Семенова.

Цена номера 3 руб.